

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ПОСТОЯННЫЙ КОМИТЕТ
СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

ЛІТАРАТУРНЫ АЛЬМАНАХ

ПАСТАЯННЫ КАМІТЭТ
САЮЗНАЙ ДЗЯРЖАВЫ

УДК 821.161.1+821.161.3-822
ББК 84(2Рос=Рус)
Л64

*Выпуск издания осуществлен по заказу
Постоянного Комитета Союзного государства*

Л64 **Литературный** альманах = Літаратурны альманах. Вып. 4. — Минск : Звязда, 2019. — 312 с.

В четвертый выпуск «Литературного альманаха» вошли произведения лауреатов конкурса молодых литераторов Союзного государства «Мост Дружбы» (2018), учрежденного Постоянным Комитетом Союзного государства.

УДК 821.161.1+821.161.3-822
ББК 84(2Рос=Рус)

© Постоянный Комитет Союзного государства, 2019
© Оформление. РИУ «Издательский дом «Звязда», 2019
© Криводубская О. В., Крицкая Н. Ф.,
перевод на белорусский язык, 2019
© на рассказы принадлежит авторам
произведений

Григорий Рапота

Государственный секретарь Союзного государства

В 2019 году мы отмечаем 20-летие подписания Договора о создании Союзного государства России и Беларуси. За эти годы сделано очень много в политике, экономике, безопасности, образовании и других сферах взаимодействия.

Не остается без внимания и культура. Разнообразные направления культурного сотрудничества способствуют духовному единению двух братских народов. Уже стали традиционными проводимые в рамках Союзного государства совместные фестивали, встречи деятелей искусств, культурные обмены и гастроли творческих коллективов, совместное производство кинофильмов, проведение выставок, создание памятников выдающимся деятелям культуры, защитникам Отечества. Постоянным Комитетом Союзного государства проводятся и различные конкурсы, направленные на активизацию творческого потенциала Беларуси и России. Один из них — конкурс молодых литераторов «Мост дружбы», итоги которого подведены уже в четвертый раз.

Связи белорусской и русской литератур складывались не одно десятилетие. Это и литературные переводы, в том числе на языки различных народов Российской Федерации, и дружба, личные контакты писателей, и издательские взаимоотношения. В Беларуси в разное время бывали Александр Блок, Константин Паустовский, Михаил Зощенко, Александр Твардовский, Константин Симонов, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко и многие другие классики российской литературы. Ну а жизнь и творчество белорусских писателей невозможно представить в отрыве от России. Произведения Янки Купалы, Якуба Коласа, Ивана Шамякина, Яна Скригана, Владимира Короткевича переводили Максим Горький,

Григорий Рапота

Государственный секретарь Союзного государства

У 2019 годзе мы адзначаем 20-годдзе падпісання Дагавора аб стварэнні Саюзнай дзяржавы Расіі і Беларусі. За гэтыя гады зроблена вельмі шмат у палітыцы, эканоміцы, бяспечы, адукацыі і іншых сферах узаемадзеяння.

Не застаецца без увагі і культура. Разнастайныя кірункі культурнага супрацоўніцтва спрыяноць духоўнаму яднанню двух братэрскіх народаў. Ужо сталі традыцыйнымі сумесныя фестывалі, сустрэчы дзеячаў мастацтваў, культурныя абмены і гастролі творчых калектываў, сумесная вытворчасць кінастужак, правядзенне выстаў, стварэнне помнікаў выдатным дзеячам культуры, абаронцам Бацькаўшчыны.

Пастаянным Камітэтам Саюзнай дзяржавы праводзяцца і розныя конкурсы, накіраваныя на актывізацыю творчага патэнцыялу Беларусі і Расіі. Адзін з іх — конкурс маладых літаратараў «Мост дружбы», вынікі якога падведзены ўжо ў чацвёрты раз.

Сувязі беларускай і рускай літаратур складваліся не адно дзесяцігоддзе. Гэта і літаратурныя пераклады, у тым ліку на мовы розных народаў Расійскай Федэрацыі, і сяброўства, асабістыя контакты пісьменнікаў, і выдавецкія стасункі. У Беларусі ў розны час быўвалі Аляксандр Блок, Канстанцін Паўстоўскі, Міхаіл Зошчанка, Аляксандр Твардоўскі, Канстанцін Сіманаў, Андрэй Вазнясенскі, Яўген Еўтушэнка і многія іншыя класікі расійскай літаратуры. Ну а жыццё і творчасць беларускіх пісьменнікаў немагчыма ўяўіць у адрыве ад Расіі. Творы Янкі Купалы, Якуба Коласа, Івана Шамякіна, Яна Скрыгана, Уладзіміра Караткевіча перакладалі Максім Горкі, Міхаіл Ісакоўскі, Сяргей Гарадзецкі, Яўген Мазалькоў, Ідалія Кананец, Валянціна Шчадрына і многія іншыя.

Михаил Исаковский, Сергей Городецкий, Евгений Мозольков, Идалия Кононец,
Валентина Щедрина и многие другие.

Продолжается эта дружба и сегодня. И подтверждение тому — очередной выпуск
альманаха «Мост дружбы», в котором опубликованы произведения победителей
одноименного конкурса молодых литераторов, благодаря которому открываются
новые имена, новые таланты. Пожелаем им успешного творческого пути!

A handwritten signature in black ink, appearing to read "А. Г. Борисов".

Працягваецца гэта сяброўства і сёння. І пацвярджэнне гэтаму — чарговы выпуск альманаха «Мост дружбы», у якім апублікованы творы пераможцаў аднайменнага конкурсу маладых літаратаў, дзякуючы якому адкрываюцца новыя імёны, новыя таленты. Пажадаем ім шчаслівага творчага шляху!

A handwritten signature in black ink, appearing to read "АЛЕКСАНДР САВЕЦКІЙ".

Члены экспертного совета:

Дарья Сергеевна Московская, доктор филологических наук, заместитель директора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Марина Альбиновна Ариас-Вихиль, координатор международных проектов Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, ведущий научный сотрудник отдела Архива А. М. Горького

Владимир Степанович Губарев, писатель, публицист

Александр Николаевич Карлюкевич, Министр информации Республики Беларусь, писатель, литературовед

Анатолий Николаевич Андреев, прозаик, доктор филологических наук

Наталья Васильевна Яковенко, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института литературоведения им. Янки Купалы НАН Беларуси, литературовед, литературный критик, переводчик

Члены экспертнага савета:

Дар'я Сяргеёна Маскоўская, доктар філалагічных навук, намеснік дырэктара Інстытута сусветнай літаратуры імя А. М. Горкага РАН

Марына Альбінаўна Арыяс-Віхіль, каардынатор міжнародных праектаў Інстытута сусветнай літаратуры імя А. М. Горкага РАН, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела Архіва А. М. Горкага

Уладзімір Сцяпанавіч Губараў, пісьменнік, публіцыст

Аляксандр Мікалаевіч Карлюкевіч, Міністр інфармацыі Рэспублікі Беларусь, пісьменнік, літаратуразнавец

Анатоль Мікалаевіч Андрэеў, празаік, доктар філалагічных навук

Наталля Васільеўна Якавенка, кандыдат філалагічных навук, навуковы супрацоўнік Інстытута літаратуразнаўства імя Янкі Купалы НАН Беларусі, літаратуразнавец, літаратурны крытык, перакладчык

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
МАЛАДЫЯ РАСІЙСКАЯ ПІСЬМЕННИКІ

Дмитрий Лагутин	Дзмітрый Лагутін
Виктор Чигир	Віктар Чыгір
Екатерина Копыткова	Кацярына Капыткова
Алина Осокина	Аліна Асокіна
Яна Павлова	Яна Паўлава

Дмитрий Лагутин

Дзмітрый Лагуцін

Дмитрий Лагутин родился 12 сентября 1990 года. Живет в Брянске. Работает юристом в ООО «Собор».

Дзмітрый Лагуцін нарадзіўся 12 верасня 1990 года. Жыве ў Бранску. Працуе юрысконсультам у ААТ «Сабор».

МОЯ ЯПОНИЯ

Мне было... около девяти. Брату, соответственно, одиннадцать-двенадцать. На соседней улице, в доме у старой березы, поселилась необычная семья — мужчина, женщина, старуха и мальчик. Все они — кроме старухи — были стройны, смуглы, жилистые, и у всех глаза были — узкие щелочки, и непонятно было, как они вообще что-то могут через эти щелочки видеть.

Прошел слух о том, что под старой березой поселились японцы.

Я был в восторге. Из иностранцев во всей округе были одни цыгане — крикливые и неряшливые — и семья белорусов, ничем не отличавшаяся от своих соседей.

Япония... Как только я услышал о японцах, я побежал на соседнюю улицу и издалека увидел мальчика. Он сидел на крыльце и читал. Возрастом он был ровесник моему брату. Я подкрался поближе, он поднял голову и внимательно посмотрел на меня.

Я сделал вид, что прогуливаюсь.

Настоящий японец! Настоящий живой японец сидит на крыльце под старой березой, читает книгу и болтает ногами в тапках!

Мальчика звали Шади. Это мне тем же вечером сообщил брат, а откуда он узнал — понятия не имею.

Я спросил:

— А он правда японец?

Брат почесал макушку.

— Судя по всему, да.

У меня дыхание перехватило.

МАЯ ЯПОНІЯ

Мне было... каля дзеяці. Брату, адпаведна, адзінаццаць-дванаццаць.

На суседнай вуліцы, у доме ля старой бярозы, пасялілася незвычайная сям'я — мужчына, жанчына, старая і хлопчык. Усе яны — акрамя старой — былі стройныя, смуглыя, жылістыя, і ва ўсіх вочы былі — вузкія шчылінкі, і незразумела было, як яны наогул нешта могуць праз гэтыя шчылінскі бачыць.

Разнеслася чутка аб тым, што пад старой бярозай пасяліліся японцы.

Я быў у захапленні. З замежнікаў ва ўсёй акрузе былі адны цыганы — крыклівыя і неахайнія — і сям'я беларусаў, якая нічым не адрознівалася ад сваіх суседзяў.

Японія... Як толькі я пачуў пра японцаў, я пабег на суседнюю вуліцу і здалёк убачыў хлопчыка. Ён сядзеў на ганку і чытаў. Узростам ён быў равеснік майму брату. Я падкраўся бліжэй, ён падняў галаву і ўважліва паглядзеў на мяне.

Я зрабіў выгляд, што прагульваюся.

Сапраўдны японец! Сапраўдны жывы японец сядзіць на ганку пад старой бярозай, чытает кнігу і боўтае ногамі ў тапках!

Імя хлопчыка было Шадзі. Гэта мне тым жа вечарам паведаміў брат, а адкуль ён даведаўся — уяўлення не маю.

Я спытаў:

— А ён праўда японец?

Брат пачасаў макушку.

— Гледзячы па ўсім, так.

У мяне дух заняло.

На улице только и разговору было, что про японцев. Меня еще не брали в компанию брата, и приходилось якшаться с малышней, но и малышня, и даже девчонки — все обсуждали одно и то же.

А Лёха, футболист и задира, даже набрался смелости и окликнул Шади, бредущего по тротуару:

— Эй!

Шади обернулся.

— Ты японец?

Мальчик молчал минуту, глядя на нас своими глазками-щелочками, потом кивнул. И пошел себе дальше.

Первое время он держался особняком — ни с кем не играл, на нашу улицу не ходил, сидел на своем крыльце или карабкался по березе.

Из нашего двора, если залезть на крышу сарая, было видно ту березу — и много раз я видел на ней, высоко-высоко, ловкую темную фигурку. Я вспоминал таинственное искусство ниндзя — японское, — и у меня холодели пальцы.

Как-то раз мы столкнулись с ним — в прямом смысле столкнулись. Я шел, уткнувшись носом в спичечный коробок, в который только что заточил жука-пискуня, и теперь смотрел, как он высовывает лапки в щель, — и толкнул в плечо шедшего мне навстречу Шади. Он остановился. Я тоже — в ужасе. Он внимательно посмотрел на меня, медленно развернулся и удалился, не сказав ни слова.

Жук как-то ухитрился вылезти из коробка, сиганул на тротуар — и был таков.

В нашем книжном шкафу я разыскал толстенную энциклопедию «Народы мира» — старую, истертую по углам, — и в ней целая глава была посвящена Японии.

Я вытаскивал энциклопедию, садился тут же, в уголке, на полу, прислоняясь спиной к шкафу, — и читал. По сто раз перечитывал дивные слова: «самураи»,

На вуліцы толькі і размоў было, што пра японцаў. Мяне яшчэ не бралі ў кампанію брата, і даводзілася гуляць з малымі, але і малыя, і нават дзяўчынкі — усе абмяркоўвалі адно і тое ж.

А Лёха, футбаліст і задзіра, нават набраўся смеласці і аклікнуў Шадзі, які брыў па трапуары:

— Эй!

Шадзі абярнуўся.

— Ты японец?

Хлопчык маўчаў хвіліну, гледзячы на нас сваімі вочкамі-шчылінкамі, потым кіўнуў. І пайшоў сабе далей.

Спачатку ён трymаўся асабняком — ні з кім не гуляў, на нашу вуліцу не хадзіў, сядзеў на сваім ганку або караскаўся па бярозе.

З нашага двара, калі залезлі на дах пуні, было бачна ту ю бярозу — і многа разоў я мог разгледзець на ёй, высока-высока, спрытную цёмную фігурку. Я ўспамінаў таямнічае мастацтва ніндзя — японскае, — і ў мяне халадзелі пальцы.

Неяк раз мы сутыкнуліся з ім — у прымым сэнсе сутыкнуліся. Я ішоў, уткнуўшыся ногам у запалкавы карабок, куды толькі што зняволіў жука-піскуну, і цяпер назіраў, як ён вытыркае лапкі з шчыліны, — і штурхануў у плячо Шадзі, які ішоў мне настрach. Ён спыніўся. Я таксама — у жаху. Ён пільна паглядзеў на мяне, павольна разварнуўся і пайшоў, не сказаўшы ні слова.

Жук неяк ухітрыўся вылезці з карабка, сігануў на трапуар — і толькі яго і бачылі.

У нашай кніжнай шафе я адшукаў таўсценную энцыклапедыю «Народы свету» — старую, з патрапанымі вугламі, — і ў ёй цэлая глава была прысвечана Японіі.

«сёгун», «бусидо», названия островов и деревень, — и от каждого слова на меня веяло чем-то страшным и сладким. А что уж говорить про картинки! Фигуры в причудливых одеждах, с перекошенными лицами, с мечами, вскинутыми над головой, — и с глазами-щелочками! — тусклые пейзажики, горы и реки, и повсюду — дивные, удивительные, невыразимые! — иероглифы!

Я выбрал самый таинственный иероглиф, и за два дня научился его рисовать. Я вывел его на обоях у самой моей подушки — да так, чтобы увидеть его можно было, только прижав матрас рукой, — и перед сном подолгу его разглядывал.

Шади тем временем стал захаживать на нашу улицу и уже несколько раз гонял с мальчишками мяч. Брат тоже играл — а меня не брали.

Когда футболист Лёха выбил мяч из-под ног Шади, тот воскликнул что-то по-японски. Лёха, который ничего в этой жизни не боялся, обернулся, — и я увидел, что лицо у него бледное.

Со временем Шади стал приходить чаще. Играли или сидел вместе со всеми на соседском крыльце. Разговаривал он мало, все больше слушал — и внимательно смотрел через щелочки.

Однажды кто-то спросил его:

— А как там, в Японии?

Он помолчал, посмотрел вдаль и коротко ответил:

— Красиво.

Сказать лучше было нельзя. Все притихли.

А как-то раз брат пришел домой, нашел меня и сказал торжественно:

— Я был у японцев.

У меня дыхание перехватило.

— Дома?

Я выцягваў энцыклапедыю, садзіўся тут жа, у кутку, на падлозе, прытуліўшыся спінай да шафы, — і чытаў. Па сто разоў перачытваў дзівосныя слова: «самураі», «сёгун», «бусідо», назвы астравоў і вёсак, — і ад кожнага слова на мяне веяла нечым страшным і салодкім. А што ўжо казаць пра малюнкі! Фігуры ў дзіўным адзенні, з перакрыўленымі тварамі, з мячамі, ускінутымі над галавой, — і з вачыма-шчылінкамі! — цъмянныя пейзажыкі, горы і ракі, і паўсюль — дзівосныя, незвычайнія, невымоўныя! — іерогліфы!

Я выбраў самы таямнічы іерогліф, і за два дні навучыўся яго маляваць. Я вывеў яго на шпалерах ля самай маёй падушкі — ды так, каб убачыць яго магчыма было, толькі прыціснуўшы матрас рукой, — і перад сном падоўгу яго разглядаваў.

Шадзі тым часам стаў захаджваць на нашу вуліцу і ўжо некалькі разоў ганяў з хлопцамі мяч. Брат таксама гуляў — а мяне не бралі.

Калі футбаліст Лёха выбіў мяч з-пад ног Шадзі, той усклікнуў штосьці па-японску. Лёха, які нічога ў гэтым жыцці не баяўся, абярнуўся, — і я ўбачыў, што твар у яго бледны. З часам Шадзі стаў прыходзіць часцей. Гуляў або сядзеў разам з усімі на суседскім ганку. Размаўляў мала, болей слухаў — і ўважліва глядзеў праз шчылінкі.

Аднойчы нехта спытаў яго:

— А як там, у Японіі?

Ён памаўчаў, паглядзеў удалячынъ і коратка адказаў:

— Прыгожа.

Сказаць лепш было немагчыма. Усе прыціхлі.

А неяк брат прыйшоў дадому, знайшоў мяне і сказаў урачыста:

— Я быў у японцаў.

У мяне дух заняло.

— Дома.

И пошел себе на кухню.

Я — следом.

— Как так?

— Вот так.

— Ну как?

Брат устало вздохнул, открыл воду и сполоснул стакан.

— Бабуля японская пригласила.

Я вопросительно затряс головой.

— Ну что ты трясеешься? Зашли за Шади. А она и пригласила. Заходите, мол, чего на крыльце толпиться.

Я ахнул. Это же японское гостеприимство — целая традиция.

Брат шарил в холодильнике.

— А где сок?

— Я допил.

— Там полпачки было!

— Нет, чуть-чуть совсем.

Брат засопел и налил в стакан воды из чайника. Я ждал, пока он, громко глотая, пьет, а потом, когда он поставил стакан на стол, спросил:

— И как там?

— Где?

— У японцев.

Он пожал плечами.

— Чудно. Мы только в прихожей были — и комнату одним глазком видели. В прихожей — картинки всякие по стенам.

— Дома?

— Дома.

І пайшоў сабе на кухню.

Я — следам.

— Як так?

— Вось так.

— Ну як?

Брат стомлена ўздыхнуў, адкрыў ваду і спаласнуў шклянку.

— Бабуля японская запрасіла.

Я запытальна затрос галавой.

— Ну што ты трасешся? Зайшлі за Шадзі. А яна і запрасіла. Заходзьце, маўляў, чаго на ганку тоўпіцца.

Я ахнуў. Гэта ж японская гасціннасць — цэлая традыцыя.

Брат шукаў у халадзільніку.

— А дзе сок?

— Я дапіў.

— Там паўпачка было!

— Не, зусім трохі.

Брат засапеў і наліў у шклянку вады з чайніка. Я чакаў, пакуль ён, гучна глытаючы, п’е, а потым, калі ён паставіў шклянку на стол, спытаў:

— І як там?

— Дзе?

— У японцаў.

Я распахнул глаза.

— А в комнате — сплошные ковры. И мебели почти никакой.

— А что за картинки?

— Картинки?

— В прихожей.

— Ой, разные.

И брат вышел из кухни в коридор.

— Ну, расскажи!

— Да картинки как картинки. Ты мою кепку не видел?

— Нет. Что за картинки?

— Да что тебе! Это и не картинки даже — бронзовые такие штуки, типа той, что у деда в комнате. На одной — лучник, на другой — стадо какое-то, быки.

Я подпрыгнул.

— А горы? Горы были?

Брат почесал затылок.

— Горы? Кажется, были.

У меня сердце было готово выскочить из груди.

— А иероглифы? Были?

— Да что ты ко мне пристал! Сходи сам посмотри!

Он нахлобучил на голову валявшуюся за тумбочкой кепку, хлопнул дверью и вышел.

Я побежал в комнату к деду. Там, между окном и шкафом, висела на стене бронзовая картина. На ней была изображена грустная девушка в длинном платье. Длинные распущенные волосы падали ей на плечи, а глаза были то ли закрыты, то ли прикрыты — то ли она смотрела вниз, то ли...

Ён паціснуў плячыма:

— Дзіўна. Мы толькі ў прыхожай былі — і пакой адным вокам бачылі. У прыхожай — малюнкі розныя па сценках.

Я вылупіў вочы.

— А ў пакоі — дываны. І мэблі амаль ніякай.

— А што за малюнкі?

— Малюнкі?

— У прыхожай.

— Ой, розныя.

І брат выйшаў з кухні ў калідор.

— Ну, раскажы!

— Даы малюнкі як малюнкі... Ты маю кепку не бачыў?

— Не. Што за малюнкі?

— Даы што табе! Гэта і не малюнкі нават — бронзавыя такія штуки, тыпу той, што ў дзеада ў пакоі. На адной — лучнік, на другой — статак нейкі, быкі.

Я падскокнуў.

— А горы? Горы былі?

Брат пачухаў патыліцу.

— Горы? Здаецца, былі.

У мяне сэрца гатовае было выскачаць з грудзей.

— А іерогліфы? Былі?

— Што ты да мяне прычапіўся! Схадзі сам і паглядзі!

Ён насунуў на галаву кепку, якая валялася за тумбачкай, бразнуў дзвярыма і выйшаў.

Я ахнул. Это была форменная японка.

Когда дед притопал с рыбалки, бережно спрятал удочки под свою кровать и со вздохом опустился в кресло, я пристал к нему с расспросами.

— Дед!

— Чего?

— Это у тебя откуда?

И я показал на бронзовую картину.

Дед почесал бороду.

— Не помню.

— Ну, дед!

— Чего?

— Вспомни!

Он снова почесал бороду.

— Привез кто-то.

— Откуда?

— Да не помню я! Подай книгу.

Я дотянулся до полки. Дед всегда читал одну и ту же книгу — перечитывал по сто раз.

— Вот! — потряс книгой дед. — Вот книга! А не это ваше...

Он послюнявил пальцы и долго листал, выискивая нужную страницу. Потом прочистил горло и прочел, торжественно растягивая слова:

— Каждый раз, когда объясняешь дорогу, будто снова проходишь по ней, по всем этим привольным местам, по лесным проселкам, усеянным цветами бессмертника, и снова испытываешь легкость на душе!

Я пабег у пакой да дзеда. Там, паміж акном і шафай, вісела на сцяне бронзавая карціна. На ёй была намалявана самотная дзяўчына ў доўгай сукенцы. Доўгія распушчаныя власы падалі ёй на плечы, а вочы былі ці то заплюшчаны, ці то прыкрыты — яна або глядзела ўніз, або...

Я ахнуў. Гэта была форменная японка.

Калі дзед прытупаў з рыбалкі, клапатліва схаваў вудачкі пад свой ложак і, уздыхнуўшы, усеўся ў крэсла, я прыстаў да яго з роспытамі.

— Дзед!

— Чаго?

— Гэта ў цябе адкуль?

І я паказаў на бронзавую карціну.

Дзед паскроб бараду.

— Не помню.

— Ну дзед!

— Чаго?

— Успомні!

Ён зноўку паскроб бараду.

— Прывёз нехта.

— Адкуль?

— Да не помню я! Падай книгу.

Я дацягнуўся да паліцы. Дзед заўсёды чытаў адну і тую ж книгу — перачытваў па сто разоў.

— Вось! — патрос книгай дзед. — Вось книга! А не гэта ваша...

Я знал, что он сейчас станет читать и через десять-пятнадцать минут уснет в кресле. Поэтому я снова к нему пристал:

— Дед, ну вспомни!

— Что?

Я показал на грустную японку.

Дед внимательно посмотрел на меня.

— Шел бы ты гулять, — сказал он сурово. — Сказал, не помню, — значит не помню. И я пошел гулять. Я прошелся до Хуторской, проверил шалаш в зарослях крыжовника — цел, — потом вернулся к дому, залез на гараж. С гаража было видно верхушку старой березы. Теплый августовский день медленно оборачивался теплым августовским вечером, все было залито мягким золотым светом. Я спрыгнул с гаража в кучу песка, вышел с нашей улицы и направился на соседнюю.

Старая береза была самым высоким деревом в округе, ее тень широким полотнищем ложилась поперек улицы.

Дом японцев был совсем обыкновенным — и вы никогда не угадали бы, что именно в нем живут японцы, — но мне даже он теперь казался особенным, что-то было в изгибе его крыши — какая-то она была острая, остreee остальных крыш, и крыльцо было не такое, как у всех, как будто изящнее, тоньше. И палисадник с сиренью казался совсем нездешним. Я не знал, растет ли в Японии сирень, но был уверен, что, расти она там, японские палисадники выглядели бы именно так, как этот.

На улице было пустынно и тихо. Я подошел к старой березе, запрокинул голову, разглядывая взмывающий вверх ствол. Потом медленно подкрался к палисаднику, привстал на носки, постарался увидеть что-то в темных японских окнах. Окна были задернуты шторами.

Ён паслініў пальцы і доўга гартаў, шукаючы патрэбную старонку. Потым прачысціў горла і прачытаў, урачыста расцягваючы слова:

— Кожны раз, калі тлумачыш дарогу, быццам зноўку праходзіш па ёй, па ўсіх гэтых прывольных мясцінах, па лясных прасёлках, усеяных кветкамі бяссмертніку, і зноў адчуваеш лёгкасць на душы!

Я ведаў, што ён зараз будзе чытаць і праз дзесяць-пятнаццаць мінут засне ў крэсле.
Таму я зноў да яго прыстай:

— Дзед, ну ўспомні!

— Што?

Я паказаў на сумную японку.

Дзед уважліва паглядзеў на мяне.

— Ішоў бы ты гуляць, — сказаў ён сурова. — Сказаў, не помню, — значыць не помню. І я пайшоў гуляць. Я прайшоўся да Хутарской, праверыў шалаш у зарасніку агрэсту — цэлы, — потым вярнуўся да дома, залез на гараж. З гаража было бачна верхавіну старой бярозы. Цёплы жнівеньскі дзень павольна абарочваўся цёплым жнівеньскім вечарам, усё было заліта мяккім залатым святлом. Я саскочыў з гаража ў кучу пяску, выйшаў з нашай вуліцы і накіраваўся на суседнюю.

Стара бяроза была самым высокім дрэвам у акрузе, яе ценъ шырокім палотнішчам клаўся ўпоперак вуліцы.

Дом японцаў быў зусім звычайны — і вы ніколі не здагадаліся б, што менавіта ў ім жывуць японцы, — але мне нават ён цяпер здаваўся асаблівым, нешта было ў выгіне яго даху — нейкі ён быў востры, вастрэй за астатнія дахі, і ганак быў не такі, як ва ўсіх, быццам больш зграбны, вытанчаны. І кветнік з бэзам здаваўся зусім нетутэйшым. Я не

Тогда я осторожно приоткрыл калитку и ступил в палисадник. Сделал шаг, другой — и скрипнул нижней ступенькой японского крыльца. Сердце у меня загрохотало. Я взялся рукой за деревянное перильце, поднялся еще на две ступени и оказался на крыльце.

И тут я услышал шаги за дверью. Я пулей слетел по ступеням, вынырнул из палисадника и застыл.

На крыльце стояла японская старуха.

Она была одета в длинный халат — кимоно! — и в руках держала какую-то ступку. У нее были белые собранные в пучок волосы и желтое лицо, похожее на сморщенное яблоко. Роста она была совсем махонького, вся сгорбленная, согнутая.

Она посмотрела на меня через свои щелочки.

— Здравствуйте, — промямлил я.

— Здравствуй, — скрипнула она, и лицо ее расплылось в улыбке.

Я не знал, что еще сказать. И старуха молчала.

Наконец она проскрипела:

— Ты, наверное, друг Шади?

Друг! Друг японца! Возможно ли такое?

Я как-то косо мотнул головой — по диагонали.

— Он убежал куда-то, — пояснила старуха.

И добавила:

— Такой непоседа стал.

Я снова дернул головой.

— Может быть, подождешь его? — и она кивнула на дверь. — Чай выпьешь?

У меня душа ушла в пятки.

ведаў, ці расце ў Японіі бэз, але быў упэўнены, што, расці ён там, японскія кветнікі выгледалі б менавіта так, як гэты.

На вуліцы было пустынна і ціха. Я падышпоў да старой бярозы, закінуў галаву, разглядаючы ствол, які ўзнімаўся ўверх. Потым паціху падкраўся да кветніка, прыўстаў на пальчики, пастараўся ўбачыць нешта ў цёмных японскіх вокнах. Вокны были захінуты шторамі.

Тады я асцярожна прыгадчыніў брамку і ступіў ў кветнік. Зрабіў крок, другі — і рыпнуў ніжній прыступкай японскага ганка. Сэрца ў мяне загрукала. Я ўзяўся рукой за араўлянную парэнчу, падняўся яшчэ на дзве прыступкі і апынуўся на ганку.

І тут я пачаў крокі за дзвярыма. Я пулей зляцеў па прыступках, вынырнуў з кветніка і застыў.

На ганку стаяла японская старая.

Яна была апранула ў доўгі халат — кімано! — і ў руках трymала нейкую ступку. У яе былі белыя сабраныя ў пучок валасы і жоўты твар, падобны на зморшчаны яблык. Росту яна была зусім невялічкага, уся згорбленая, сагнутая.

Яна паглядзела на мяне праз свае пчылінкі.

— Дзень добры, — прамямліў я.

— Дзень добры, — рыпнула яна, і твар яе расплыўся ва ўсмешцы.

Я не ведаў, што яшчэ сказаць. І старая маўчала.

Нарэшце яна прарыпела:

— Ты, напэўна, сябар Шадзі?

Сябар! Сябар японца! Хіба магчыма гэта?

Я неяк коса матнуў галавой — па дыяганалі.

— Н-нет, спасибо, — пробормотал я, заикаясь. — Мне... это... мне домой надо.
Она пожала плечами и снова улыбнулась.

— Как хочешь, — сказала она. — Я передам Шади, что ты приходил. Как тебя зовут?

— Руслан, — соврал я.

Она кивнула.

Я все стоял на месте. Она молча смотрела на меня и улыбалась.

— До свидания, — сказал я.

— До свидания.

Я, не оборачиваясь, сделал шаг назад и попал в тень от березы.

— До свидания, — повторил я.

Японская старуха помахала мне желтой сморщенной ладошкой.

Я медленно развернулся и пошел по улице, чувствуя на себе внимательный взгляд. Она, как пить дать, меня раскусила — не такие эти японцы простаки, чтобы их дурачить.

Когда я вернулся, дед спал в кресле, раскрытая книга лежала у него на груди. Я на цыпочках прокрался к грустной японке и уставился на нее.

Золотой предзакатный свет расчерчивал комнату пополам и золотыми прямоугольниками падал на картину. Волосы у японки сияли, сияли складки рукавов, тонкие ладони, сложенные на коленях. Лицо у нее было грустное-грустное.

«О чём она грустит?» — думал я.

Я присел на краешек дедовой кровати и стал гадать, о чём же она грустит. Выходило, что она грустит о своем возлюбленном, которому пришлось уехать на войну. В Японии — я читал — войны велись постоянно, провинция воевала с провинцией, клан с кланом.

— Ён некуды пабег, — патлумачыла старая.

І дадала:

— Такі няўрымслівы стаў.

Я зноўку трасянуў галавой.

— Можа, пачакаеш яго? — і яна кіўнула на дзвёры. — Чаю вып'еш?

У мяне аж душа ў пяткі пайшла.

— Н-не, дзякую, — прамармытаў я, заікаючыся. — Мне... гэта... мне дамоў трэба.

Яна паціснула плячыма і зноў усміхнулася.

— Як хочаш, — сказала яна. — Я перадам Шадзі, што ты заходзіў. Як тваё імя?

— Руслан, — зманіў я.

Яна кіўнула.

Я ўсё стаяў на месцы. Яна моўчкі глядзела на мяне і ўсміхалася.

— Да пабачэння, — сказаў я.

— Да пабачэння.

Я, не азіраючыся, зрабіў крок назад і папаў у цень ад бярозы.

— Да пабачэння, — паўтарыў я.

Японская старая памахала мне жоўтай зморшчанай далонькай.

Я павольна павярнуўся і пайшоў па вуліцы, адчуваючы на сабе ўважлівы погляд. Яна, як піць даць, мяне раскусіла — не такія гэтыя японцы прасцякі, каб іх дурыць.

Калі я вярнуўся, дзед спаў у крэсле, раскрытая кніга ляжала ў яго на грудзях. Я на дыбачках пракраўся да самотнай японкі і ўставіўся на яе.

Залатое перадвячэрнє свято расчэрчвала пакой напалам і залатымі прамавугольнікамі падала на карціну. Валасы ў японкі ззялі, ззялі складкі рукавоў, тонкія далоні, складзенныя на каленях. Твар у яе быў маркотны-маркотны.

Может быть, ее возлюбленный — тот самый лучник, которого видел мой брат?
Складывалась целая история.

Японец и японка. Женятся. Играют свадьбу. Но вдруг — война. Она просит его оставаться. Но у него — кодекс чести. Он снимает со стены лук, колчан со стрелами. Седлает коня. Она плачет. Он обнимает ее. Он сам вот-вот заплачет, но — кодекс чести. Он запрыгивает на коня, конь летит вихрем. Она долго смотрит вслед, но из-за слез даль плывет, тает. Японский ветер гладит ее волосы, утешая.

История получалась что надо. Я пересел с краешка кровати в центр и прислонился спиной к ковру, закрывающему стену.

Японец воюет. Ночует в поле, на голой земле. Дежурит у костра, пока товарищи спят. Со свистом выпускает стрелу за стрелой. Он уже дважды был ранен — но для него это пустяки. Японка ждет его — печаль не сходит с ее лица, вечерами она выходит из дома и сидит, сложив ладони на коленях. Она смотрит вдаль и ждет — не покажется ли на горизонте всадник.

Над серебряными горами плывут облака, в низинах стелется голубой туман. Вишня роняет белые лепестки, ветер подхватывает их и несет к дому японки. Но до цветов ли ей сейчас? Из-за гор показывается луна — бледная, тревожная, и японке чудится, что луна, только луна, может сейчас ее понять.

Меня разбудил дед.

— Вставай, малый, — кряхтел он, сжимая мое плечо. — Разоспались мы с тобой. В комнате было совсем темно, голубело сумерками окно, в дверном проеме спотыкался свет из столовой.

Я заканючил, пополз в угол, поджимая ноги к животу, — не хотел вставать.

Дед возмутился, но потом махнул рукой, накинул на меня плед и уковылял.

«Аб чым яна сумуе?» — думаў я.

Я прысеў на краёчак дзедавага ложка і стаў гадаць, аб чым жа яна сумуе. Выходзіла, што яна сумуе аб сваім кахраным, якому прыйшлося пaeхаць на вайну. У Японіі — я чытаў — войны вяліся пастаянна, правінцыя ваявала з правінцыяй, клан з кланам.

Магчыма, яе кахраны — той самы лучнік, якога бачыў мой брат?

Складвалася цэлая гісторыя.

Японец і японка. Жэняцца. Гуляюць вяселле. Ды раптам — вайна. Яна просіць яго застацца. Але ў яго — кодэкс гонару. Ён здымает ся сцяны лук, калчан са стрэламі. Сядлае каня. Яна плача. Ён абдымае яе. Ён сам вось-вось заплача, але — кодэкс гонару. Ён ускоквае на каня, конь ляціць віхрам. Яна доўга глядзіць услед, але з-за слёз даль плыве, тае. Японскі вечер, супяшаочы, гладзіць яе валасы.

Гісторыя атрымалася што трэба. Я перасеў з краю ложка ў цэнтр і прытуліўся спінай да дывана на сцяне.

Японец ваюе. Начуе ў полі, на голай зямлі. Дзяжурыць ля вогнішча, пакуль таварышы спяць. Са свістам выпускае стралу за стралой. Ён ужо двойчы быў паранены — але для яго гэта дробязі. Японка чакае яго — смутак не пакідае яе твару, па вечарах яна выходзіць з дому і сядзіць, склаўшы далоні на каленях. Яна глядзіць удалячынъ і чакае — ці не з'явіцца на гарызонце вершнік.

Над сярэбранымі гарамі плывуць аблокі, у нізінах сцелецца блакітны туман. Вішня губляе белыя пялёсткі, вечер падхоплівае іх і нясе да дома японкі. А ці да кветак цяпер? З-за гор выходзіць поўня — бледная, трывожная, і японке мроіцца, што поўня, толькі поўня, можа зараз яе зразумець.

Мяне разбудзіў дзед.

С того дня брат стал частенько бывать у Шади — всей ватагой у него рассиживались. А меня не брали.

Да я и не порывался — вскроется, что я зачем-то врал гостеприимной японской бабуле; а то вдруг окажется, что она видела, как я по их палисаднику лазал.

Поэтому я только приставал к брату с расспросами — что да как?

Брат у меня — человек сложный. Сегодня добряк, рот не закрывается, завтра — сидит букой, и слова из него не вытянешь. Но он видел, что я ему завидую, и поэтому чаще всего был рад похвастаться.

— Бабуля у него, — говорил, — во! Чисто японское гостеприимство.

Он тоже загорелся Японией, все руки исписал иероглифами из моей энциклопедии — вкривь и вкось, разучивал боевые стойки и даже отрыл где-то загадочную книгу, на обложке которой было написано:

«Хагакурэ».

Это было что-то вроде того самого кодекса, из-за которого мой лучник не мог остаться с возлюбленной.

Книга была старая, потрепанная, кое-какие листы были выдраны с корнем. Брат сунул мне ее и сказал:

— Сегодня можешь читать. Завтра — возвращаю.

Дело было вечером. Сам он ее уже проштудировал — оказалось, он взял ее неделю назад.

Я обиделся на него, но от чтения не отказался. Убежал в кухню, устроился за столом.

Книга оказалась такая жуткая, что у меня волосы на голове шевелились. Я никогда еще не встречал в тексте столько насилия. Японские мужчины только и делали, что рубили друг другу головы.

— Уставай, малы, — крахтаў ён, сціскаючы маё плячо. — Разаспаліся мы з табой.
У пакоі было зусім цёмна, блакітнела прыщемкамі акно, у дзвярным праёме спатыкалася святло са становай.

Я заныў, папоўз у кут, падціскаючы ногі да жывата, — не хацеў уставаць.
Дед абурыўся, але потым махнуў рукой, накінуў на мяне плед і пачыкільгаў.

З таго дня брат стаў часцяком бываць у Шадзі — усёй ватагай у яго расседжваліся.
А мяне не бралі.

Ды я і не парываўся — адкрыеца, што я чамусыці хлусці гасціннай японскай бабулі;
а то раптам выявіца, што яна бачыла, як я па іх кветніку лазіў.

Таму я толькі чапляўся да брата з роспытамі — што ды як?

Брат у мяне — чаловек складаны. Сёння дабрак, рот не закрываецца, заўтра — сядзіць насупай, і слова з яго не выцягнеш. Але ён бачыў, што я яму зайдрошчу, і таму часцей за ўсё быў рады пахвалицца.

— Бабуля ў яго, — казаў, — во! Чыста японская гасціннасць.

Ён таксама загарэўся Японіяй, усе рукі паспісваў іерогліфамі з маёй энцыклапедый — наўскос, развучваў баявыя стойкі і нават адкапаў недзе загадковую кнігу, на вокладцы якой было напісаны:

«Хагакурэ».

Гэта было штосьці накшталт таго самага кодэкса, з-за якога мой лучнік не мог застацца з каханай.

Кніга была старая, патрапаная, нейкія старонкі былі выдраны з коранем. Брат сунуў мне яе і сказаў:

— Сёння можаш чытаць. Заўтра — вяртаю.

На кухню зашел отец.

— Ты чего тут сидишь?

— Читаю.

— Что читаешь?

Он взял книгу, пробежался глазами по одной странице, по другой — и посмотрел на меня.

— Ты где это взял?

Кодекс чести не позволял выдавать брата, но другого выхода у меня не было.

Брату влетело, и он с великим трудом выклянчил у отца «Хагакурэ» — чтобы тут же, в ночь, унести книгу хозяину.

Вернувшись, он сказал мне:

— В самураи тебе путь заказан.

Он ничего не смыслил в самурайских делаах, но мне стало обидно. Я ушел в комнату деда — тот уже спал, под одеялом, лицом к стене, — устроился в кресле и долго смотрел на грустную японку, по волосам которой плыли серебряные блики.

Но, кажется, брат понимал, что ничего другого я отцу сказать не мог, и уже наутро мы общались как ни в чем не бывало, а вечером, после очередного визита к японцам, он подошел ко мне и вынул из кармана сухой белый шарик.

— Держи, — сказал он.

Я посмотрел с опаской.

— Что это?

— Держи, балда! Национальное японское блюдо! Я со стола немного утащил — для тебя.

Он взял мою ладонь и положил в нее шарик. Я наклонился и понюхал — пахло странно.

Гэта было ўвечары. Сам ён яе ўжо праштудзіраваў — аказалася, ён узяў яе тыдзень таму. Я пакрыўдзіўся на яго, але ад чытання не адмовіўся. Пабег на кухню, уладкаваўся за сталом.

Кніга была такая жудасная, што ў мяне валасы на галаве варушыліся. Я ніколі яшчэ не сустракаў у тэксце столькі насілля. Японскія мужчыны толькі і рабілі, што секлі адзін аднаму галовы.

На кухню зайшоў бацька.

— Ты чаго тут сядзіш?

— Чытаю.

— Што чытаеш?

Ён узяў кнігу, прабегся вачыма па адной старонцы, па другой — і паглядзеў на мяне.

— Ты дзе гэта ўзяў?

Кодэкс гонару не дазваляў выдаваць брата, але іншага выхаду ў мяне не было.

Брату ўляцела, і ён з вялікім цяжкасцямі выкленчыў у бацькі «Хагакурэ» — каб адразу, у ноч, аднесці кнігу гаспадару.

Вярнуўшыся, ён сказаў мне:

— У самураі табе путь заказаны.

Ён нічога не ціміў у самурайскіх спраўах, але мне стала крыўдна. Я пайшоў у пакой дзе-да — той ужо спаў, пад кодрай, тварам да спяны, — уладкаваўся ў крэсле і доўга глядзеў на самотную японку, па валасах якой плылі сярэбраныя блікі.

Аднак, здаецца, брат разумеў, што нічога іншага я бацьку сказаць не мог, і ўжо раніцай мы ладзілі як нічога не было, а ўвечары, пасля чарговага візіту да японцаў, ён падышоў да мяне і выніў з кішэні сухі белы шарык.

— Бяры, — сказаў ён.

— Что это такое? — переспросил я.

— Говорю же тебе!

Я покатал шарик в ладони.

— И как это есть?

— Как хочешь!

Я вспомнил, что японцы едят исключительно палочками.

— Взял бы и палочки тогда, — сказал я.

Брат помотал головой.

— Нет у них палочек.

— Как так?

— Вот так.

— А чем они едят?

— Вилками.

Я вздохнул. Это бросало тень на наших японцев. Я бы на их месте даже пил палочками.

Я уперся: не буду есть вилками! Мы долго думали, а потом побежали во двор и сковырнули с сирени несколько веточек. Веточки были неровные, узловатые, не очень крепкие, но ничего более подходящего нам в голову не пришло.

На кухне я достал чайное блюдце и выложил на него шарик.

— Погоди, — сказал брат, — давай тогда уж по всем правилам.

Он юркнул в коридор, приволок коробку из-под обуви, поставил на пол посреди кухни и скомандовал:

— Садись.

Я опешил.

— На коробку?

Я паглядзеў з апаскай.

— Што гэта?

— Бяры, боўдзіла! Нацыянальная японская страва! Я са стала трохі сцягнуў — для цябе. Ён узяў маю далонь і паклаў у яе шарык. Я нахіліўся і панюхаў — пахла дзіўна.

— Што гэта? — перапытаяў я.

— Кажу табе!

Я пакатаў шарык ў далоні.

— І як гэта есці?

— Як хочаш!

Я ўспомніў, што японцы ядуць выключна палачкамі.

— Узяў бы і палачкі тады, — сказаў я.

Брат паматаў галавой.

— Няма ў іх палачак.

— Як так?

— Вось так.

— А чым яны ядуць?

— Відэльцамі.

Я ўздыхнуў. Гэта кідала цень на нашых японцаў. Я бы на іх месцы нават піў палачкамі. Я ўпёрся: не буду есці відэльцамі! Мы доўга думалі, а потым пабеглі на двор і ададралі з бэзу некалькі галінак. Галінкі былі няроўныя, вузлаватыя, не вельмі крэпкія, але нічога лепшага нам у галаву не прыйшло.

На кухні я дастаў сподак і выклаў на яго шарык.

— Чакай, — сказаў брат, — давай тады ўжо па ўсіх правілах.

Брат закатил глаза.

— На пол!

Я медленно опустился на корточки.

— Они что, на полу сидят?

Брат взял блюдце с шариком и поставил на коробку. Сам сел напротив меня.

— Нет, не на полу. У них — такие маленькие табуреточки, крошечные.

Я кивнул.

— А столики, — продолжал он, — тоже низенькие совсем. Чисто Япония.

Я ликовал.

— Ну, — он показал на шарик, — давай.

— А ты?

— Я пас. Я там у них этого добра объелся. От него пить хочется.

Я вздохнул. Поджал под себя ноги. Выбрал две веточки постройней, кое-как пристроил их между пальцами.

Но схватить шарик никак не удавалось. Я пробовал и так, и сяк, катал его по блюдцу, один раз столкнул на коробку, и он даже начал крошиться.

— Бери руками, — говорил брат нетерпеливо, — хватит мучиться.

А я чуть не плакал — до того мне хотелось все сделать по правилам. В конце концов, я сложил веточки на манер рельс, закатил на них шарик и, придерживая второй рукой, сунул в рот.

Вкус был странный — кисло-соленый, вязкий. Во рту шарик рассыпался на множество сухих мелких катышков, и каждый из них приходилось раскусывать по отдельности. Я жевал и не знал, нравится мне то, что я жую, или нет.

Я закрыл глаза и представил себя лучником, сидящим у костра. Шуршит от ветра высокая трава. В подножия скал бьются отчаянно волны, рассыпаются пеной.

Ён юркнуў у калідор, прывалок каробку з-пад абутку, паставіў на пол пасярод кухні і скамандаваў:

— Сядай.

Я разгубіўся.

— На каробку?

Брат закаціў вочы.

— На падлогу!

Я павольна апусціўся на карачкі.

— Яны што, на падлозе сядзяць?

Брат узяў сподак з шарыкам і паставіў на каробку. Сам сеў насупраць мяне.

— Не, не на падлозе. У іх — такія маленъкія табурэтачкі, малюсенькія.

Я кіўнуў.

— А столікі, — працягнуў ён, — таксама нізенькія зусім. Чыста Японія.

Я ўзрадаваўся.

— Ну, — ён паказаў на шарык, — давай.

— А ты?

— Я пас. Я там у іх гэтага добра аб'еўся. Ад яго піць хочацца.

Я ўздыхнуў. Падкурчыў пад сябе ногі. Выбраў дзве галінкі пастройней, неяк уладкаваў іх паміж пальцамі.

Але ўхапіць шарык ніяк не ўдавалася. Я спрабаваў і так, і гэтак, катаў яго па сподку, адзін раз сапхнуў на каробку, і ён нават пачаў крышыцца.

— Бяры рукамі, — нецярпліва гаварыў брат, — хопіць мучыцца.

А я ледзь не плакаў — так мне хацелася ўсё зрабіць па правілах. Урэшце я склаў галінкі на манер рэек, закаціў на іх шарык і, прытрымліваючы другой рукой, сунуў у рот.

Встают рядами горные хребты, надевая белые снежные шлемы. У моих ног — верный лук, резной колчан. Потрескивает в ночи костер. В моей руке палочки, по ним бежит вязь иероглифов.

В жизни не ел ничего вкуснее.

Зашел дед.

— Бастуете?

Мы встали с пола.

Дед посмотрел на нас, на коробку, на блюдце, на веточки в моей руке. Крякнул, полез в хлебницу.

Мы пошли во двор.

— Что скажешь? — спрашивал брат.

— Япония, — отвечал я с придыханием.

— Да.

Мы залезли на сарай. Осень была на носу, и вечера были уже не такие теплые — но такие же ясные, и все тот же золотой свет ложился на округу. А воздух даже казался прозрачнее.

Старая береза покачивала макушкой.

— Вот, — говорил брат, — а они такое каждый день едят.

Я кивал.

— И чаю пьют немерено. Кружка за кружкой.

Я кивал.

— А что его родители? — спрашивал я.

Брат чесал затылок.

— Да они на работе все время, нас бабуля угощает.

Смак быў дзіўны — кісла-салёны, вязкі. У роце шарык рассыпаўся на мноства сухіх мелкіх бобак, і кожную з іх даводзілася раскусваць паасобку. Я жаваў і не ведаў, падабаеца мне тое, што я жую, ці не.

Я заплюшчыў вочы і ўявіў сябе луchnікам, які сядзіць ля вогнішча. Шапаціць ад ветру высокая трава. Ля падножжа скал б'юцца адчайна хвалі, рассыпаюцца пенай. Устаюць радамі горныя хрыбы, надзяваючы белыя снежныя шлемы. Каля маіх ног — верны лук, разны калчан. Патрэскувае ў цемры агонь. У маёй руцэ палачкі, па ім бяжыць вязь іерогліфаў.

У жыцці не еў нічога смачнейшага.

Зайшоў дзед.

— Бастуец?

Мы падняліся з падлогі.

Дзед паглядзеў на нас, на каробку, на сподак, на галінкі бэзу ў маёй руцэ. Крахтануў, палез ў хлебніцу.

Мы пайшлі на двор.

— Што скажаш? — пытаўся брат.

— Японія, — адказваў я з прыдыханнем.

— Так.

Мы залезлі на пуню. Восень была на носе, і вечары былі ўжо не такія цёплыя — але такія ж ясныя, і ўсё тое ж залатое святло клался на наваколле. А паветра нават здавалася больш празрыстым.

Старая бяроза пакачвала верхавінай.

— Вось, — казаў брат, — а яны такое кожны дзень ядуць.

Я ківаў.

Во все стороны разбегались вереницами золотые крыши. Небо было глубокое, стеклянное, по нему скользили перья облаков.

— А еще? Что еще видел? — спрашивал я.

— Еще? Не знаю даже.

— Ну... Ну... Мечи, может, видел?

— Мечи? Нет, мечей не видел.

Я вздохнул.

— Может, у них и нет.

— Есть, — уверенно говорил брат. — Шади рассказывал, что есть.

У меня сердце ёкало.

— Только ему отец запрещает его показывать.

Я кивал:

— Понимаю.

Конечно. Все верно. Это очень по-японски.

Соседская собака высунула нос из конуры. Понюхала воздух, вылезла. Села по-среди двора, почесалась, посмотрела на нас, полезла обратно.

— А про Японию рассказывал?

Брат кивнул:

— Рассказывал. Только очень мало. Какая-то темная там история, давно уехали. У меня сердце загремело. Я сразу понял, что дело в войне между кланами, но брату говорить не стал.

— Рассказывал, что отец его — самурай в каком-то там поколении. Пятым или седьмом. Что у него там — история какая-то.

Я смотрел вдаль и молчал. Я все понимал.

— І чаю п'юць вельмі многа. Кубак за кубкам.

Я ківаў.

— А што яго бацькі? — пытаўся я.

Брат чухаў патыліцу.

— Ды яны на работе ўвесь час, нас бабуля частуе.

На ўсе бакі разбягаліся чародамі залатыя дахі. Неба было блакітнае, шкляное, па ім слізгалі пёры аблокай.

— А япчэ? Што япчэ бачыў? — пытаўся я.

— Япчэ? Не ведаю нават.

— Ну... Ну... Мячы, можа, бачыў?

— Мячы? Не, мячоў не бачыў.

Я ўздыхаў.

— Можа, у іх і няма.

— Ёсць, — упэўнена гаварыў брат. — Шадзі расказваў, што ёсць.

У мяне сэрца ёкала.

— Толькі яму бацька забараняе яго паказваць.

Я ківаў:

— Разумею.

Канечне. Усё правільна. Гэта вельмі па-японску.

Суседскі сабака высунуў нос з будкі. Панюхаў паветра, вылез. Сеў пасярод двара, пачасаўся, паглядзеў на нас, палез назад.

— А пра Японію расказваў?

Брат кіўнуў:

— Ну, отец у него и правда — суровый мужик. Так вроде улыбчивый, то да сё, а то вдруг как зыркнет — мороз по коже. И молчаливый.

«Да, — думал я. — Так все и есть».

По небу рассыпалась черными крючками птичья стая. Слева, из глубины, пропступила молчаливо половинка луны.

Казалось, что луну кто-то рассек мечом надвое.

— Смотри, — прошипел брат и ткнул меня локтем.

По старой березе карабкалась темная фигурка.

Мы замерли.

Шади в мгновение ока оказался у самой верхушки. Там он тоже замер.

Увидел нас?

— Он не признается, — сказал брат, — но я уверен, что он умеет что-то эдакое. Я кивнул. Точно умеет, вне всякого сомнения.

На следующее утро я упросил отца раздобыть мне книги о Японии — и он привез из библиотеки целую кипу. Я засел за чтение — днями не выходил из комнаты. Наступил сентябрь, с ним — школа, но я и в школу умудрялся таскать том за томом.

Шади научил брата нескольким японским фразам — и брат через каждые два русских предложения вставлял одно японское.

Даже дед отложил свою бессменную книгу и засыпал теперь с мемуарами какого-то японца на груди.

Сентябрь выдался прекрасный — огненный, теплый. Клены на нашей улице пылали багрянцем, а старая береза казалась бронзовой. Волосы печальной японки струились золотом, черты ее разгладились, и мне думалось, что она, наверное,

— Расказваў. Толькі вельмі мала. Нейкая тёмная там гісторыя, даўно з'ехалі.
У мяне сэрца загрымела. Я адразу зразумеў, што справа ў вайне паміж кланамі, але брату не сказаў.

— Расказваў, што бацька яго — самурай у нейкім там пакаленні. Пятым або сёмым. Што ў яго там — гісторыя нейкая.

Я глядзеў удалеч і маўчаў. Я ўсё разумеў.

— Ну, бацька ў яго і праўда — супроводжваваў мужык. Так быццам усмешлівы, тое ды сёе, а то раптам як зыркне — мароз па скуры. І маўклівы.

«Ага, — думаў я. — Так усё і ёсць».

Па небе рассыпалася чорнымі кручкамі птушыная зграя. Злева, з глыбіні, праступіла маўкліва палавінка месяца.

Здавалася, што месяц хтосьці рассек мячом надвое.

— Глядзі, — прашыпэў брат і торкнуў мяне локцем.

Па старой бярозе караскалася цёмная фігурка.

Мы замерлі.

Шадзі імгненна апынуўся каля самай вяршыні. Там ён таксама замёр.

Убачыў нас?

— Ён не прызнаецца, — сказаў брат, — але я ўпэўнены, што ён умее штосьці гэткае. Я кіўнуў. Канечне, умее, без усякага сумнення.

Наступнай раніцай я ўпрасліў бацьку раздабыць мне книгі пра Японію — і ён прывёз з бібліятэкі цэлы стос. Я засеў за чытанне — цэлымі днямі не выходзіў з пакоя. Надышоў верасень, з ім — школа, але я і ў школу ўмудраўся цягаць том за томам.

Шадзі навучыў брата некалькім японскім фразам — і брат праз кожныя два рускія сказы ўстаўляў адзін японскі.

получила от лучника письмо — и в письме говорилось, что все хорошо, что война на исходе, что еще немного — и настанет время долгожданной встречи.

А потом вдруг брат перестал бывать у Шади. И не только брат — вообще все. И Шади перестал приходить на нашу улицу и больше не гонял по пыльной дороге мяч. Теперь его можно было увидеть только вечером — сидящим на старой березе, — а где он пропадал все остальное время, я не знал.

Это произошло как-то разом, в один день, — и брат говорил мне, что Шади поступил ужасно и что теперь с ним нельзя общаться.

И все — никаких деталей.

Но я сразу все понял. Я вспомнил «Хагакурэ», жестокость самураев, их решимость идти до конца — и все понял. И я не стал допытываться: кодекс чести говорил мне, что надо довольствоваться тем, что имеешь, а придет время — откроется и остальное.

И почти до конца октября я хранил молчание и ни с кем не обсуждал Шади. Я знал, что тут замешано что-то очень самурайское, и не хотел потерять лицо. Я ходил в школу, продолжал читать про Японию и записался в секцию айкидо, которая должна была открыться в январе.

Вечерами я с крыши сарай смотрел, как Шади сидит на старой березе. Он сидел не шевелясь, глядя на закат, — до тех пор, пока сумерки не окутывали березу и его фигурка не сливалась с ветвями.

Тогда он кошкой соскальзывал вниз, а за ним и я — не так ловко, по-черепашьи — сползал во двор, цепляясь за бельевую веревку.

А потом японцы уехали. Ранним утром у старой березы затарахтела грузовая машина, водитель помог отцу семейства погрузить в кузов скучную мебель, рулоны

Нават дзед адклаў сваю нязменную кнігу і засынаў цяпер з мемуарамі нейкага японца на грудзях.

Верасень выдаўся цудоўны — вогненны, цёплы. Клёны на нашей вуліцы палалі барвовым, а старая бяроза здавалася бронзавай. Валасы сумотнай японкі струменіліся золатам, рысы яе разгладзіліся, і мне думалася, што яна, напэўна, атрымала ад лучніка ліст — і ў лісце гаварылася, што ўсё добра, што вайні на зыходзе, што яшчэ трохі — і прыйдзе час доўгачаканай сустрэчы.

А потым рагтам брат перестаў бываць у Шадзі. І не толькі брат — наогул усе. І Шадзі перастаў прыходзіць на нашу вуліцу і больш не ганяў па пыльнай дарозе мяч. Цяпер яго можна было ўбачыць толькі ўвечары — седзячым на старой бярозе, — а дзе ён прападаў увесь астатні час, я не ведаў.

Гэта адбылося неяк разам, у адзін дзень, — і брат казаў мне, што Шадзі паступіў вельмі дрэнна і што цяпер з ім нельга мець зносіны.

І ўсё — ніякіх дэталяў.

Але я адразу ўсё зразумеў. Я ўспомніў «Хагакурэ», жорсткасць самураяў, іх рапушчасць ісці да канца — і ўсё зразумеў. І я не стаў дапытвацца: кодэкс гонару гаварыў мне, што трэба здавальняцца тым, што маеш, а прыйдзе час — адкрыецца і астатніе.

І амаль да канца каstryчніка я маўчаў і ні з кім не абмяркоўваў Шадзі. Я ведаў, што тут замяшана нешта вельмі самурайскае, і не хацеў згубіць твар. Я хадзіў у школу, працягваў чытаць пра Японію і запісаўся ў секцыю айкідо, якая павінна была адкрыцца ў студзені. Па вечерах я з даху пуні глядзеў, як Шадзі сядзіць на старой бярозе. Ён сядзеў нерухома, гледзячы на захад, — пакуль змрок не ахутваў бярозу і яго фігурка не злівалася з галінамі.

ковров, картонные коробки; вся семья, включая сгорбленную японскую старуху, влезла в кабину, а Шади прыгнул в кузов и остался сидеть там.

Об этом мне рассказал, прия из школы, брат — он в тот день выходил раньше и все видел.

Тут уж я не вытерпел. Я нарушил свое молчание. Я больше не мог сохранять лицо. Я выслушал брата и дрожащим голосом воскликнул:

— Что же случилось?

Брат долго смотрел на меня — молча. Потом оглянулся и шепнул:

— Во двор.

И вышел.

Я вернул на полку путеводитель по острову Хонсю и побежал за ним.

Брат ждал меня под яблоней, с той стороны теплицы, в самом укромном уголке двора.

Стоял серый, неприветливый день. Холодный ветер ворошил пожухлую листву, трепал полиэтиленовую кожу теплицы.

Брат снова оглянулся по сторонам и зашептал:

— Это все из-за его отца. Его обнаружили, и оставаться здесь означало бы подвергать опасности всех.

На слове «всех» он сделал ударение.

Я все понял. Я, наверное, сразу догадался — и теперь понял, что сразу догадался. Конечно. Жизнь такого человека не может быть обычной жизнью — это вечные странствия с мечом наперевес. Опасности, риск, предательство.

Я все понял.

Я посмотрел на брата так, что он понял — я все понял. Не надо ничего говорить, добрый брат, я все понял.

Тады ён кошкай саслізгваў уніз, а за ім і я — не так лоўка, па-чарапашынаму — спаўзаў у двор, чапляючыся за вяроўку для бялізны.

А потым японцы з'ехалі. На досвітку ля старой бярозы затарахцела грузавая машына, кіроўца дапамог галаве сямейства пагрузіць у кузаў нешматлікую мэблю, рулоны дываноў, кардонныя скрынкі; уся сям'я, уключаючы згорбленую японскую старую, улезла ў кабіну, а Шадзі заскочыў у кузаў і застаўся сядзець там.

Пра гэта мне расказаў брат, прыйшоўшы са школы, — ён у той дзень выходзіў раней і ўсё бачыў.

Тут ужо я не вытрымаў. Я парушыў сваё маўчанне. Я больш не мог захоўваць твар. Я выслухаў брата і дрыжачым голасам усклікнуў:

— Даўк што здарылася?

Брат доўга глядзеў на мяне — моўчкі. Потым азірнуўся і шапнунуў:

— У двор.

І выйшаў.

Я вярнуў на паліцу даведнік па востраве Хансю і пабег за ім.

Брат чакаў мяне пад яблыніем, з таго боку цяпляцы, у самым глухім кутку двара.

Быў шэры, непрыветны дзень. Халодны вецер шавяліў пажухлую лістоту, трапаў поліэтыленавую скурку цяпляцы.

Брат зноўку азірнуўся па баках і запаштаў:

— Гэта ўсё з-за яго бацькі. Яго выявілі, і заставацца тут было б небяспечна для ўсіх.

На слове «ўсіх» ён зрабіў націск.

Я ўсё зразумеў. Я, напэўна, адразу здагадаўся — і цяпер зразумеў, што адразу здагадаўся. Канечне. Жыццё такога чалавека не можа быць звычайнім жыццём — гэта вечныя вандраванні з мячом наперавес. Небяспека, рызыка, зрада.

Я положил руку ему на плечо. Он кивнул.
Как хорошо иметь брата!

И я восстановил свое молчание. Я облекся в молчание, как в доспехи. Молчание было моими доспехами, а зоркость была моим мечом. В ту неделю я несколько раз видел странных, подозрительных людей, расхаживающих по нашим улицам. Я все понимал. Я не спускал с них глаз, следил за каждым их движением, всегда был начеку — и все понимал.

На побережье моего сознания возвышался темным утесом вопрос: что же сделал Шади тогда? Переезд — я понимал. Что это был за «ужасный поступок», после которого никто не решался подойти к нему? Этого я не понимал. Но я хранил молчание — и волны моего сознания истерли в песок тревожащий меня утес.

Моя память поглотила его, как морская пучина поглощает обломки разбитого судна.

С января я пошел в секцию айкидо — и нас учили, как безболезненно падать. Я прочел все книги о Японии, которые достал отец, и чувствовал себя так, как чувствует себя мост, соединяющий два берега.

Лишь один раз любопытство взяло верх — и я совершил безрассудный поступок. Дом Шади почти сразу заняла какая-то молодая пара — они постоянно куда-то уезжали и не возвращались по два-три дня. И однажды, в конце января, я не справился с собой. Увидев, что машины перед домом нет и что свет в окнах не горит, я перелез через забор. И оказался во дворе Шади.

Тут все было занесено снегом. На низеньком грушевом дереве висела изящная кормушка для птиц — я сразу понял, что она осталась от японцев. Я стал красться по двору, проваливаясь по колено.

Вот веранда. На ней японцы пили чай.

Я ўсё зразумеў.

Я паглядзеў на брата так, што ён зразумеў — я ўсё зразумеў. Не трэба нічога казаць, добры брат, я ўсё зразумеў.

Я паклаў руку яму на плячо. Ён кіўнуў.

Як добра мець брата!

І я аднавіў сваё маўчанне. Я ахінуўся ў маўчанне, як ў даспехі. Маўчанне было маймі даспехамі, а зоркасць была майм мячом. У той тыдзень я некалькі разоў бачыў дзіўных, падазроных людзей, якія расхаджвалі па нашых вуліцах.

Я ўсё разумеў. Я не выпускаў іх з вока, сачыў за кожным іх рухам, заўсёды быў напагатове — і ўсё разумеў.

На ўзбярэжжы маёй свядомасці ўзвышалася цёмным уцёсам пытанне: што ж зрабіў Шадзі тады? Пераезд — я разумеў. Што гэта быў за «дрэнны ўчынак», пасля якога ніхто не ражаўся падысці да яго? Гэтага я не разумеў. Але я маўчаў — і хвалі маёй свядомасці сперлі ў пясок трывожачы мяне ўцёс.

Мая памяць паглынула яго, як марская бездань паглынае рэшткі разбітага судна.

Са студзеня я пайшоў у секцыю айкідо — і нас вучылі, як бязбольна падаць. Я прачытаў усе кнігі пра Японію, якія здабыў бацька, і адчуваў сябе так, як адчувае сябе мост, які яднае два берагі.

Толькі адзін раз цікавасць узяла верх — і я здзейніў безразважны ўчынак.

Дом Шадзі амаль адразу заняла нейкая маладая пара — яны пастаянна некуды ездзілі і не вярталіся па два-тры дні. І аднойчы, у канцы студзеня, я не справіўся з сабой. Убачыўшы, што машыны перад домам няма і што святло ў вокнах не гарыць, я пералез цераз агароджу. І апынуўся ў двары Шадзі.

Вот накрытая гигантским сугробом клумба. Здесь росли какие-то удивительные цветы.

Ветер подхватывал их лепестки и нес на веранду.

Впервые я видел старую березу с такого ракурса — она возвышалась над домом, над двором, над миром — как маяк.

И вдруг меня пронзила мысль: что если лучник остался? Ведь осталась же кор-мушка!

И я двинулся к широкому темному окну.

В этот момент что-то скрипнуло, и на веранде оказалась девушка в длинном вязаном свитере.

Она была очень красива. Черные волосы падали на плечи, лицо было задумчиво. Длинными белыми пальцами она перебирала какую-то книжицу.

Увидев меня, она остолбенела. Глаза ее распахнулись.

— Ты что здесь делаешь?

Я метнулся к забору и в один миг перемахнул через него.

Я побежал в другую сторону — не к дому, — чтобы запутать след. И кажется, мне это удалось. После я не раз встречал ее на улице — она даже не смотрела на меня. Вероятно, она не запомнила мое лицо.

Тогда же, пропетляв по району зигзагами, я ввалился домой и долго сидел в комнате деда — смотрел на грустную японку.

Дед читал свою книгу и все порывался читать вслух — мне, — но со второй страницы начинал сбиваться, путать слова и клевать носом.

Айкидо я бросил — несколько раз меня безболезненно, но обидно уронили на соревнованиях, и я ушел.

Тут усё было занесена снегам. На нізенькім грушавым дрэве вісела прыгожая кармушка для птушак — я адразу зразумеў, што яна засталася ад японцаў. Я стаў красіцся па два-ры, правальваючыся па калена.

Вось веранда. На ёй японцы пілі чай.

Вось накрытая гіганцкім сумётам клумба. Тут раслі нейкія дзіўныя кветкі.

Вечер падхопліваў іх плясткі і нёс на веранду.

Упершыню я бачыў старую бярозу з такога ракурсу — яна ўзвышалася над домам, над дваром, над светам — як маяк.

І раптам мяне працяла думка: а што калі лучнік застаўся? Бо засталася ж кармушка!

І я пасунуўся да шырокага цёмнага акна.

У гэты момант нептга рыпнула, і на верандзе з'явілася дзяўчына ў доўгім вязаным світare.

Яна была вельмі прыгожая. Чорныя валасы падалі на плечы, твар быў задуменны. Доўгімі белымі пальцамі яна перабірала нейкую кніжыцу.

Убачыўшы мяне, яна аслупянела. Вочы яе шырока расплющыліся.

— Ты што тут робіш?

Я кінуўся да агароджы і ў момант пераляцеў цераз яе.

Я пабег у іншы бок — не да дома, — каб заблытаць след. І, здаецца, мне гэта ўдалося. Пасля я не раз сустракаў яе на вуліцы — яна нават не глядзела на мяне. Верагодна, яна не запомніла мой твар.

А тады, прапятляўшы па раёне зігзагамі, я ўваліўся ў хату і доўгта сядзеў у дзедавым пакой — глядзеў на сумную японку.

Дзед чытаў сваю кнігу і ўсё спрабаваў чытаць уголас — мне, — але з другой старонцы пачынаў збівацца, блыгтаць словаў і кляваць носам.

И Япония забылась. Без новых книг мое увлечение стало бледнеть, истончаться — и, наконец, через какой-нибудь год рассеялось, как облачко тумана. Я перестал хранить молчание, держать лицо — и стал обычным болтливым мальчишкой.

«Японский» период моей жизни теперь казался сном — витиеватым, непонятным, фантастическим.

И тогда из пучины моей памяти восстал мрачный утес: меня снова стал мучить вопрос, который прежде был замурован в самурайскую тайну.

Что же все-таки сделал Шади?

Доспехи были сброшены — и я осадил брата. Он долго отнекивался, отшучивался, делал страшное лицо, озирался, но потом сдался и все рассказал.

Он посмотрел мне в глаза и все рассказал.

Оказалось, что Шади не был японцем.

И отец Шади не был японцем.

И мать Шади, и бабушка — японками не были.

Это была обыкновенная казахская семья, из тех, что во множестве переезжали с места на место по всей территории нашей страны. И переезды их, конечно, не были связаны ни с кланами, ни с мечами, ни с предательством. Никаких сёгунов, вассалов и провинций. Милая казахская семья, которая переехала к нам, а потом переехала от нас.

Вскрылось это как-то нелепо — отец Шади пришел домой раньше обычного и вдруг — против обыкновения — сел за стол с друзьями сына. И, против обыкновения, разговорился — и заговорил вдруг про какой-то Казахстан, какую-то степь, какие-то стада.

Айкідо я кінуў — некалькі разоў мяне бязбольна, але крыўдна шпурнулі на спаборніцтвах, і я пайшоў.

І Японія забылася. Без новых кніг маё захапленне стала бляднець, станчацца — і, на-рэшце, праз нейкі год рассеялася, нібы воблачка туману. Я перестаў трymаць маўчанне, трymаць твар — і стаў звычайным балбатлівым хлапчуком.

«Японскі» перыяд майго жыцця цяпер здаваўся сном — мудрагелістым, незразумелым, фантастычным.

І тады з бездані маёй памяці паўстаў змрочны ўцес: мяне зноў стала мучыць пытанне, якое раней было замуравана ў самурайскую тайну.

Што ж усё-такі зрабіў Шадзі?

Даспехі былі скінуты — і я асадзіў брата. Ён доўга аднекваўся, аджартоўваўся, рабіў страшны твар, азіраўся, але потым здаўся і ўсё расказаў.

Ён паглядзеў мне ў очы і ўсё расказаў.

Аказалася, што Шадзі не быў японцам.

І бацька Шадзі не быў японцам.

І маці Шадзі, і бабуля — японкамі не былі.

Гэта была звычайная казахская сям'я, з тых, якіх многа пераязджала з месца на месца па ўсёй тэрыторыі нашай краіны. І пераезды іх, канечне, не былі звязаны ні з кланамі, ні з мячамі, ні са зрадай. Ніякіх сёгунаў, васалаў і правінцый. Мілая казахская сям'я, якая пераехала да нас, а потым пераехала ад нас.

Выявілася гэта неяк недарэчна — бацька Шадзі прыйшоў дадому раней, чым заўсёды, і раптам — насуперак звычыцы — сеў за стол з сябрамі сына. І, насуперак звычыцы, разгаварыўся — і загаварыў раптам пра нейкі Казахстан, нейкі стэп, нейкія статкі.

И оказалось, что имя Шади — вовсе не Шади, а Шади, и означает оно «весельчак», или «шутник», или что-то вроде того.

Так развеялась легенда. Разом упорхнула, точно птица, захлопав крыльями.

А я даже не расстроился.

Я даже рассмеялся.

И до сих пор, вспоминая все это, смеюсь.

Напомню, я стал обычным мальчишкой, а мальчишки очень любят хорошенъко посмеяться.

А спустя еще какое-то время я обнаружил на месте растаявшей тайны новую, осозаемую, доселе незамеченную. Она мерцала и переливалась в лучах осеннего солнца. Тайна заключалась в том, что брат почему-то так долго скрывал от меня суть «ужасного поступка» и даже оберегал от нее, поддерживая во мне веру во все эти японские штуки.

Я не спрашивал его о причинах такого поведения. Я все понял. Как только я взял в руки эту — настоящую — тайну, как только прокатил ее по ладони, я понял.

Я понял, что он всего-навсего не хотел меня разочаровывать. Вот так. Так просто и так сложно.

В одной из книг о японских стихах было сказано: «так просто и так сложно»; мне понравилась эта формула, и я ее запомнил.

Как хорошо иметь брата!

І аказалася, што імя Шадзі — зусім не Шадзі, а Шадзі, і азначае яно «весялун», ці «жартаўнік», ці нешта накшталт таго.

Так развеялася легенда. Разам выпырнула, быццам птушка, залопаўшы крыламі.

А я нават не засмуціўся.

Я нават рассмияўся.

І па сёння, успамінаючы ўсё гэта, смяюся.

Напомню, я стаў звычайным хлапчуком, а хлопчыкі вельмі любяць добра пасмияцца.

А яшчэ праз нейкі час я выявіў на месцы расталай тайны новую, адчувальную, якую дасюль не заўважаў. Яна мігцела і пералівалася ў промнях восеніскага сонца. Тайна заключалася ў tym, што брат чамусыці так доўга хаваў ад мяне сутнасць «дрэннага ўчынку» і нават засцерагаў ад яе, падтрымліваючы маю веру ва ўсе гэтыя японскія штуки.

Я не пытаяўся ў яго пра прычыны такіх паводзінаў. Я ўсё зразумеў. Як толькі я ўзяў у рукі гэту — сапраўдную — тайну, як толькі пракаці ўсе па далоні, я зразумеў.

Я зразумеў, што ён усяго толькі не хацеў мяне расчароўваць. Вось так. Так праста і так складана.

У адной з кніг пра японскія вершы было сказана: «так праста і так складана»; мне спадабалася гэта формула, і я ёе запомніў.

Як добра мець брата!

Виктор Чигир

Віктор Чигір

Виктор Чигир родился 15 ноября 1988 года. Живет во Владикавказе. Художник. Участник Совещания молодых писателей СП Москвы (2012), участник Совещания молодых писателей Северного Кавказа, а также Всероссийского Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (2017), участник Совещания молодых писателей Северного Кавказа (2018). Публиковался в журналах «Урал», «Октябрь», «Дарьял», «Меридиан», «День и ночь», «Кольцо «А», «Студия», в альманахах «Литеры» и «Добрая лира», а также в литературном приложении журнала «Знание — сила».

Віктар Чыгір нарадзіўся 15 лістапада 1988 года. Жыве ва Уладзікаўказе. Мастак. Удзельнік Нарады маладых пісьменнікаў СП Масквы (2012), удзельнік Нарады маладых пісьменнікаў Паўночнага Каўказа, а таксама Усерасійскага Форума маладых пісьменнікаў Расіі, краін СНД і замежжа (2017), удзельнік Нарады маладых пісьменнікаў Паўночнага Каўказа (2018).

Публікаваўся ў часопісах «Урал», «Октябрь», «Дарьял», «Меридиан», «День и ночь», «Кольцо «А», «Студия», у альманахах «Литеры» і «Добрая лира», а таксама ў літаратурным дадатку часопіса «Знание — сила».

МЕТАМОРФОЗЫ

Вместо того чтобы просто забросать гранатами, они пытались выкурить нас газом, но безуспешно — их «подарочки» один за другим летели обратно на улицу. Кто-то очень хриплый и нудный подолгу бубнил что-то в неисправный мегафон: побуждал сдаться. Мы пытались подстрелить его, но он сидел в укрытии и не высовывался, и все бубнил и бубнил как заведенный. А если он вдруг замолкал, включался пулемет. Тогда мы отскакивали от окон и вжимались в стены. С потолка начинала лететь штукатурка и крупная бетонная крошка, а пыль, пахнущая горелым порохом, принималась разъедать глаза и горло не хуже газа. И когда пулемет наконец стихал, мы, отхаркиваясь, почти вслепую, начинали отстреливаться короткими неточными очередями...

Очередь к гадалке была длинная, на полкоридора. От духоты темнело в глазах и чесалось под мышками. Некоторые не выдерживали, выходили и не возвращались. Сначала Ваня радовался, что так мы быстрее попадем к гадалке, но ближе к полудню загрустил. Я пыталась всячески его отвлечь: брала за рукав, клала его ладонь себе на живот, невинно заглядывая в глаза, спрашивала: «Как назовем?» — но он быстро понял, что его водят за нос. Дважды отпрашивался покурить — я не отпускала. Тогда он принялся допытываться, сколько раз я здесь была. Честно соврала, что ни разу, хотя на самом деле это был мой третий поход к госпоже Альбене. Немолодой типчик в кургузом пиджачке, сидящий на стуле у окна, оживился, услышав наш разговор, и принялся не к месту поддакивать. Тут дверь приемной распахнулась, и в коридор стремительно влетела высокая плотная дама с фантастической прической. «Шура! Шура! — взволнованно крикнула она немолодому типчику. — Знаешь, что сказала сейчас госпожа Альбе-

МЕТАМАРФОЗЫ

Замест таго каб проста закідаць гранатамі, яны спрабавалі выкурышь нас газам, але бес-
паспяхова — іх «падаруначкі» адзін за адным ляцелі назад на вуліцу. Хтосьці вельмі
хрыплы і нудны падоўту бубнеў нешта ў няспраўны мегафон: падбіваў здацца. Мы
спрабавалі падстрэліць яго, але ён сядзеў у хованцы і не высоўваўся, і ўсё бубнеў
і бубнеў як заведзены. А калі ён раптам змаўкаў, уключачаўся кулямёт. Тады мы адскоквалі
ад вокнаў і ўціскаліся ў сцены. Са столі пачынаў ляцець тынк і буйная бетонная крошка,
а пыл, што пах гарэлым порахам, прымаўся раз'ядак вочы і горла не горш за газ. І калі
кулямёт нарэшце спіхаў, мы, адхарквачыся, амаль усляпую, пачыналі адстрэльвацца
кароткімі нятраннымі чэргамі...

Чарга да варажбіткі была доўгая, на паўкалідора. Ад задухі цымнела ў вачах і свярбе-
ла пад мышкамі. Некаторыя не вытрымлівалі, выходзілі і не вярталіся. Спачатку Ваня
радаваўся, што так мы хутчэй трапім да варажбіткі, але бліжэй да паўдня засумаваў.
Я спрабавала ўсяляк адцягнуць яго ўвагу: брала за рукаў, клала яго далонь сабе на жы-
вот, нявінна зазіраючы ў вочы, пытала: «Як назавём?» — але ён хутка зразумеў, што
яго водзяць за нос. Двойчы адпрошваўся пакурышь — я не адпускала. Тады ён пачаў
дапытвацца, колькі разоў я тут была. Шчыра схлусіла, што ні разу, хоць насамрэч гэта
быў мой трэці паход да спадарыні Альбены. Немалады тыпус у куртатым пінжачку,
які сядзеў на стуле ля акна, ажывіўся, пачуўшы нашу гутарку, і пачаў не да месца пад-
такваць. Тут дзверы прыёмнага пакою расчыніліся, і ў калідор імкліва ўляцела высокая
поўная дама з фантастычнай прычоскай. «Шура! Шура! — усхвалявана крыкнула яна
немаладому тыпусу. — Ведаеш, што сказала зараз спадарыня Альбена?» — «Што?» —

на?» — «Что?» — спросил Шура, подбравшись. — «Она сказала, что счастлива я буду только во втором браке, представляешь?!» Шура мигнул несколько раз подряд, потом сказал совершенно серьезно: «Отлично. Я тебя отпускаю», — и весь коридор повалился со смеху...

Смешного тут было мало. Он перелезал через забор, когда ему оторвало ступню: был резкий короткий свист, от которого все внутри сжимается, и ступни как не бывало — исчезла вместе с ботинком. Он вздрогнул, словно его кто-то напугал, и, несмотря на то, что обеими руками держался за забор, его тело начало медленно заваливаться набок. Но он не упал, а только развернулся и, опершись плечом о забор, стал тупо разглядывать свое ранение. Боли он, наверное, не чувствовал. Мы кричали: «Ложись! Ползи обратно!» — но он не обращал на нас внимания, и его совершенно не интересовал снайпер, снесший ему ступню. На его молодом небритом лице, как на маске, застыло выражение мучительной, почти детской досады, словно он никак не мог поверить, что сегодня пуля нашла именно его, самого тихого, самого незаметного и самого везучего из всех. Снайпер долго не добивал его — все надеялся подстрелить кого-нибудь еще...

Еще в школе он пытался пригласить меня в кино. Скорее всего, я бы пошла, но уж больно жалко он выглядел, когда что-нибудь просил. Если бы подружки увидали меня с ним — заклевали бы. Так что я просто называла его своим добрым другом, улыбалась ему «улыбкой номер три», целовала в щечку, когда он, потный от смущения, подносил мне дешевенькие валентинки, и — иногда — позволяла брать себя под руку, если по дороге домой оказывалась в настроении. Мы жили в одном подъезде, на одной площадке, и я точно знаю, что наши отцы не раз по пьяному делу обсуждали мое с ним будущее замужество. Наверное, поэтому я еще в отрочестве зареклась сближаться с ним. Хотя позже, уже в университете,

спытаў Шура, падабраўшыся. «Яна сказала, што ішчалівая я буду толькі ў другім шлюбе, уяўляеш?!» Шура міргнуў некалькі разоў запар, потым сказаў зусім сур'ёзна: «Цудоўна. Я цябе адпускаю», — і ўвесь калідор паваліўся са смеху...

Смешнага тут было мала. Ён пералазіў цераз плот, калі яму адарвала ступню: быў рэзкі кароткі свіст, ад якога ўсё ў сярэдзіне сціскаецца, і ступні як не бывала — знікла разам з чаравікам. Ён здрыгнуўся, нібы яго нехта напалахай, і, нягледзячы на тое, што абे-руч трymаўся за плот, яго цела пачало павольна завальвацца набок. Але ён не зваліўся, а толькі завярнуўся і, абапершыся плячом аб плот, стаў тупа разглядаць сваё раненне. Болю ён, напэўна, не адчуваў. Мы крычалі: «Кладзіся! Паўзі назад!» — але ён не звяртаў на нас увагі, і яго зусім не цікавіў снайпер, які знёс яму ступню. На яго маладым ня-голеным твары, як на масцы, застыў выраз балючай, амаль дзіцячай прыкрасы, нібы ён ніяк не мог паверыць, што сёння куля знайшла менавіта яго, самага ціхага, самага незаўажнага і самага ўдачлівага з усіх. Снайпер доўга не дабіваў яго — усё спадзяваўся падстрэліць каго-небудзь яшчэ...

Яшчэ ў школе ён спрабаваў запрасіць мяне ў кіно. Хутчэй за ўсё, я б пайшла, але настолькі жаласна ён выглядаў, калі што-небудзь прасіў. Калі б сяброўкі ўбачылі мяне з ім — задзяўблі б. Так што я проста называла яго сваім добрым сябрам, усміхалася яму «ўсмешкай нумар тры», цалавала ў шчотку, калі ён, потны ад сарамлівасці, падносіў мне танненъкія валянцінкі, і — часам — дазваляла браць сябе пад руку, калі па дарозе дадому была ў настроі. Мы жылі ў адным пад'ездзе, на адной пляцоўцы, і я дакладна ведаю, што нашы бацькі не аднойчы па п'янай справе абмяркоўвалі маё з ім будуче замужжа. Напэўна, таму я, яшчэ калі была падлеткам, зараклася збліжацца з ім. Хоць пазней, ужо ва ўніверы, ён стаў вельмі ладным юнаком. Казалі нават, што ў яго раман

он стал очень видным юношем. Поговаривали даже, что у него роман с аспиранткой. Не знаю, правда ли. Разок не выдержала и, сгорая от стыда, спросила, но он очень тактично увел разговор в другую сторону. Помню, проревела я тогда весь вечер и впервые, наверное, осознала, что совсем не железная...

Железо, колеса, гусеницы, пушки, люки, смотровые окошки, башни, пулеметы, кузова, антенны, фары, бронированные кабины, бронированные бензобаки, бронированные рожи в касках, десятки, сотни касок, надвинутых на несытые волчьи глаза, — каски с отметками сержанта, каски без отметок, каски простреленные, каски облупленные и в следах сажи, каски на броне, на башнях, в люках, в смотровых окошках, в бронированных кабинах, в кузовах, за пулеметами, и все движется в пыли, поднимает пыль, тянет пыль за собой, растягивает ее в длинный вязкий частокол, из которого доносится надтреснутый механический гул, и ругань, и треск раций, и вой сигналов, и еще что-то, а иногда и выстрелы — одиночные, хлесткие, навскидку, и, если попадают, — визжит собака или звонко сыплется стекло, и обязательно ржание, молодецкое ржание довольного победителя, который замолкает, если за холмом начинает греметь глухая канонада...

Канонадный грохот приводил в восторг и пугал одновременно. Я прижималась к Кириллу, вдыхала солоноватый запах его пота и смотрела в окно, где в черном небе разрывались красно-желто-зеленые фейерверки. Было хорошо. Было так, как надо. Я пыталась во всех деталях запомнить это ощущение абсолютного счастья, но ничего не получалось. Картинка разваливалась, как карточный домик, а я засыпала. И тут я поняла, что не нужно ничего запоминать — гораздо важнее просто лежать без движения и оттягивать момент перехода ко сну как можно дольше. В темноте, словно сквозь вату, я слышала голос: Кирилл говорил

з аспіранткай. Не ведаю, ці праўда. Аднаго разу не выгрымала і, згараюочы ад сораму, спытала, але ён вельмі тактоўна адвёў тутарку ў іншы бок. Помню, прарадаўла я тады ўвесь вечар і ўпершыню, напэўна, усвядоміла, што зусім не жалезнай...

Жалеза, колы, гусеніцы, гарматы, люкі, назіральныя акенцы, вежы, кулямёты, кузавы, антэны, фары, браніраваныя кабіны, браніраваныя бензабакі, браніраваныя рожы ў ка-сках, дзясяткі, сотні касак, насынутых на нясытая воўчыя вочы, — каскі з адзнакамі сяржанта, каскі без адзнак, каскі прастрэленыя, каскі аблупленыя і ў слідах сажы, каскі на брані, на вежах, у люках, у назіральных акенцах, у браніраваных кабінах, у куза-вах, за кулямётамі, і ўсё рухаецца ў пыле, падымает пыл, цягне пыл за сабой, расцяг-вае яго ў доўгі гразкі частакол, з якога даносіцца надтэрэнуты механічны гуд, і лаянка, і трэск рацый, і выццё сігналай, і яшчэ нешта, а часам і стрэлы — адзіночныя, хвосткія, наўскідку, і, калі трапляюць, — вішчыць сабака ці звонка сыплецца шкло, і абавязкова ржанне, маладзецкае ржанне задаволенага пераможцы, які змаўкае, калі за ўзгоркам па-чынае грымець глухая кананада...

Кананадны грукат прыводзіў у захапленне і адначасова палохаў. Я прыціскалася да Кірыла, удыхала саленаваты пах яго поту і глядзела ў акно, дзе ў чорным небе разрываліся чырвона-жоўта-зялёныя феерверкі. Было добра. Было так, як трэба. Я спрабавала ўва ўсіх дэталях запомніць гэта адчуванне абсолютнага шчасця, але нічога не атрымлівалася. Малюнак разбураўся, як картачны домік, а я засынала. І тут я зразуме-ла, што не трэба нічога запамінаць — больш важна проста ляжаць без руху і адцягваць момант пераходу да сну як мага даўжэй. У цемры, нібы праз вату, я чула голас: Кірыл казаў нешта — доўга, прыгожа, закалыхваючы. Здаецца, ён прызначаўся мне ў нечым. Я ўжо спала, калі ён раптам спытаў: «Ты мяне слухаеш?» Я спіярджальна мяўкнула.

что-то — долго, красиво, убаюкивающе. Кажется, он признавался мне в чем-то. Я уже спала, когда он вдруг спросил: «Ты меня слушаешь?» Я утвердительномяукнула. «И что же я сказал?» — поинтересовался он. — «Ты сказал, что если целовать меня долго, я начинаю задыхаться». Некоторое время Кирилл молчал. Я спросила, правда ли, что я задыхаюсь, а он ответил: «Не будем больше об этом...»

Об этом человеке рассказывали, что он трижды горел в бронетранспортере, но это была неправда — горел он единожды, а потом только проскакивал через самодельные мины. Лицо его было обезображеногладкими изжелта-коричневыми ожогами, а кисти рук, когда-то большие и сильные, ссохлись и скрючились, как мертвые пауки. Его самого запросто можно было посчитать мертвым, если, сидя на привале, он вдруг закрывал глаза. У него был тяжелый взгляд и тяжелые, тоже обожженные, веки без ресниц. Он никогда не смотрел ни на кого долго, а если все же приходилось с кем-то объясняться, он старался общаться впол оборота — той стороной, где огонь его пощадил. Иногда он вскрикивал по ночам и начинал сбивать с себя воображаемое пламя, а наутро, мертвенно-бледный и несчастный, литрами вливал в себя воду и никак не мог напиться. Мы называли его Водяной...

Водные аттракционы в то лето были закрыты на ремонт, но я нисколько не расстроилась, потому что мы поехали на месяц к бабушке в деревню. Это был самый лучший месяц в моей жизни. Ничего более яркого я не переживала. Бабушкин дом стоял у самой речки, деревенские называли такое расположение «по-над обрывом». Мне очень нравилось это выражение, и я пользовалась им при любом удобном случае: «Мам, можно погулять по-над обрывом?», «Пап, там по-над обрывом такая вкусная малина!» Я часто стояла на краю этого обрыва и смотрела

«І што ж я сказаў?» — пацікавіўся ён. — «Ты сказаў, што, калі цалаваць мяне доўга, я пачынаю задыхацца». Пэўны час Кірыл маўчаў. Я спытала, ці праўда, што я задыхаюся, а ён адказаў: «Не будзем больш пра гэта...»

Пра гэтага чалавека расказвалі, што ён тройчы гарэў у бронетранспарцёры, але гэта была няпраўда — гарэў ён адзін раз, а потым толькі праскокваў праз самаробныя міны. Твар яго быў знявечаны гладкімі жаўтавата-карыйчневымі апёкамі, а кісці рук, некалі вялікія і моцныя, ссохліся і сагнуліся крукамі, як мёртвыя павукі. Яго самога папросту можна было палічыць мёртвым, калі, седзячы на прывале, ён раптам заплюшчваў вочы. У яго быў цяжкі пагляд і цяжкія, таксама абпаленые, павекі без веек. Ён ніколі не глядзеў ні на каго доўга, а калі ўсё ж даводзілася з кімсьці тлумачыцца, ён імкнуўся размаўляць напаўпаварота — тым бокам, дзе агонь яго пашкадаваў. Часам ён ускрыкваў па начах і пачынаў збіваць з сябе ўяўнае полымя, а раніцай, змярцвела-бледны і няшчасны, літрамі ўліваў у сябе ваду і ніяк не мог напіцца. Мы звалі яго Вадзянік...

Водныя атракцыёны ў тое лета былі зачынены на рамонт, але я ніколькі не засмуцілася, таму што мы паехалі на месяц да бабулі ў вёску. Гэта быў самы лепшы месяц у майм жыцці. Нічога больш яркага я не перажывала. Бабуліна хата стаяла ля самай рэчкі, вісковыя звалі такое размяшчэнне «па-над абрывам». Мне вельмі падабаўся гэты выраз, і я карысталася ім пры кожным зручным выпадку: «Мама, можна пагуляць па-над абрывам?», «Тата, там па-над абрывам такая смачная маліна!» Я часта стаяла на краі гэтага абрыву і глядзела ўніз, дзе ля ракі раслі велізарныя-велізарныя вербы, але не такія, як у горадзе, а іншыя — вытанчаныя, плаўныя, падобныя на мокрыя валасы. І было вельмі весела і незвычайна, таму што дазваллялася скакаць па лужынах і пырскаць на сяброў з бутэлькі. Бабуля ўпотай ад усіх разабрала свой адзіны парасон і спыла мне сукеначку

вниз, где у реки росли огромные-преогромные ивы, но не такие, как в городе, а другие — изящные, плавные, похожие на мокрые волосы. И было очень весело и необычно, потому что разрешалось прыгать по лужам и брызгаться на друзей из бутылки. Бабушка втайне от всех разобрала свой единственный зонтик и сшила мне платьице из зонтичной ткани. Какое это было платьице! Я бегала по деревне и всем хвасталась: смотрите, смотрите, какое у меня платьице! И думала: вот пойдет сейчас дождь, а я не промокну. Потом промокла, конечно, но это уже неважно...

«Не важно, что он здесь забыл, — произнес Ян лениво. — Важно, что у него в карманах». Он стоял над убитым и задумчиво жевал грязную зубочистку. Глаза мертвца остекленело смотрели в потолок, где снарядом пробило огромную дыру. Из дыры хлестал дождь. Мы оттащили убитого обратно к костру, и Ян начал ловко его обыскивать. В котелке над костром вкусно булькала каша, рядом на газете лежали ломтики вяленого мяса, хлеб и фляга с вином. Пока Ян занимался своим делом, мы пили чужое вино, отогревались и на разный лад повторяли, как нам все же повезло застать его врасплох. Хотя на самом деле врасплох застали нас, а мы просто оказались более расторопными. Вскоре Ян закончил возиться и попросил вина. У его ног небольшой кучкой валялись вещи убитого: швейцарский нож, часы, компас, пакетик с анашой, сигареты, зажигалка, деньги, два презерватива, аспирин, карта города с какими-то пометками, записная книжка и опасная бритва. Все добро мы рассовали по карманам, потом перевернули уже начавшее коченеть тело на живот, и Ян подложил под него гранату. Он немного окосел от вина, и поэтому движения его были неосторожны: он долго вертел гранату, устанавливая ее в нужном положении, ругался, сопел, потом лениво, явно напоказ, выдернул чеку, поднялся и не глядя бросил ее в котелок с кашей...

з парасонавай тканіны. Якая гэта была сукеначка! Я бегала па вёсцы і ўсім хвалілася: глядзіце, глядзіце, якая ў мяне сукеначка! І думала: вось зараз пойдзе дождж, а я не прамокну. Потым прамокла, вядома, але гэта ўжо не важна...

«Не важна, што ён тут забыў, — ленавата вымавіў Ян. — Важна, што ў яго ў кішэннях». Ён стаяў над забітым і задуменна жаваў брудную зубачыстку. Вочы мерцвяка апклянела глядзелі ў столъ, дзе снарадам прабіла велізарную дзірку. З дзіркі ліўся дождж. Мы адцягнулі забітага назад да вогнішча, і Ян пачаў спрытна яго абшукваць. У кацялку над вогнішчам смачна булькала каша, побач на газеце ляжалі лустачкі вяленага мяса, хлеб і фляга з віном. Пакуль Ян займаўся сваёй справай, мы пілі чужое віно, адаграваліся і на розны лад паўтаралі, як нам усё ж пашанцавала заспесь яго знянацку. Хоць на самрэч знянацку засталі нас, а мы проста аказаліся больш спрытнымі. Неўзабаве Ян скончыў поркацца і папрасіў віна. Ля яго ног невялікай купкай валяліся рэчы забітага: швейцарскі нож, гадзіннік, компас, пакетік з аншой, цыгарэты, запальнічка, грошы, два прэзерватывы, аспірын, карта горада з нейкімі пазнакамі, нататнік і небяспечная брытва. Усё добро мы рассовалі па кішэннях, потым перавярнулі ўжо пачынаючае калець цела на жывот, і Ян падклаў пад яго гранату. Ён крыху акасеў ад віна, і таму рухі яго былі неасцярожнымі: ён доўга круціў гранату, усталёўваючы яе ў патрэбным палажэнні, сварыўся, соп, потым ленавата, відавочна, напаказ, выдраў чаку, устаў і не гледзячы кінӯ яе ў кацялак з кашай...

Кашаварыць ён не ўмеў, але шчыра верыў, што ўмее. Я не пераконвала. Незадоўга да гатоўнасці выспектлілася, што ў хаце няма прыпраў, і ён пабег у краму. Каша, зразумела, падгарэла, і я прачнулася ад жахлівага паху гарэлага. Кляня яго на чым свет стаіць, цягам паўгадзіны праветрывала кватэру ўсімі даступнымі способамі. Яго кулінарны твор

Кашеварить он не умел, но свято верил, что умеет. Я не переубеждала. Незадолго до готовности обнаружилось, что в доме нет приправ, и он побежал в магазин. Каша, естественно, подгорела, и я проснулась от чудовищного запаха гари. Проклиная его на чем свет стоит, в течение получаса проветривала квартиру всеми доступными способами. Его кулинарное творение спустила в мусоропровод. Думала, придет — устрою ему основательную взбучку. Потом увидела на журнальном столике конвертик. Раскрыла, а там — то самое кольцо, что видела в ювелирном. Сразу ему все и простила. Вымыла кастрюльку, сварила новую кашу. Он прибежал — ничего даже не заметил. Приправил совсем не теми приправами, накрыл на стол. Позавтракали, потом долго и вдумчиво пили кофе со сливками — я себе губы искасала в ожидании. А он, представляешь, решился только вечером, часам к семи...

В семь утра нас построили возле колонны. Начальник колонны речитативом, словно читая псалмы, озвучивал приказ, в большей степени предназначенный водителям. Им приказывалось ехать с определенной скоростью, не останавливаться и не обгонять друг друга. Опухшие со сна водители слушали вполуха и все поглядывали на свои машины. Машины их напоминали истерзанных животных, не раз кусанных и не раз стрелянных. Кузов ближайшего КамАЗа, например, был вогнут внутрь, словно по нему стукнули огромным тараном, каким в древности вышибали крепостные ворота. Начальник колонны говорил, что в случае нападения на колонну водители должны увеличить скорость до максимальной и не останавливаться ни при каких обстоятельствах. Слова «не останавливаться» он повторял очень часто. Это, видно, был его ночной кошмар — отставшая от колонны машина. Один водитель не выдержал и сладко, с оттяжкой зевнул...

спусціла ў смеццеправод. Думала, прыйдзе — дам яму наганяй. Потым убачыла на журнальным століку канверцік. Раскрыла, а там — той самы пярсцёнак, што бачыла ў ювелірнай краме. Адразу яму ўсё і прабачыла. Вымыла каструлю, зварыла новую капу. Ён прыбег — нічога нават не заўважыў. Прывправіў зусім не тымі прывправамі, накрыў на стол. Паснедалі, потым доўга і ўдумліва пілі каву з вяршкамі — я сабе вусны абкусала чакаочы. А ён, уяўляеш, наважыўся толькі вечарам, гадзін у сем...

У сем гадзін раніцы нас пастроілі каля калоны. Начальнік калоны рэчытатывам, нібы чытаочы псалмы, агучваў загад, у большай ступені прызначаны кіроўцам. Ім загадвалася ехаць з пэўнай хуткасцю, не спыняцца і не абганяць адзін аднаго. Апухлыя сну кіроўцы слухалі напаўвуха і ўсё паглядалі на свае машыны. Машыны іх нагадвалі скатаваных жывёл, не аднойчы кусаных і не аднойчы стрэляных. Кузай бліжэйшага КамАЗа, напрыклад, быў увагнуты ўнутр, нібы па ім стукнулі велізарным таранам, якім у старожытнасці выбівалі крапасную браму. Начальнік калоны казаў, што ў выпадку нападу на калону кіроўцы павінны павялічыць хуткасць да максімальнай і не спыняцца ні пры якіх абставінах. Словы «не спыняцца» ён паўтараў вельмі часта. Гэта, відаць, быў яго начны кашмар — адстаўшая ад калоны машына. Адзін кіроўца не вытрымаў і соладка, з адпляжкай пазяхнуў...

Пазяхнула я наўмысна гучна. Храп яго тут жа абарваўся, і велізарная лапішча пачала мацаць пад коўдрай, шукаочы мяне. Я ўціснула паміж намі астылую грэлку, і лапішча адпаўзла назал. Потым мы доўга глядзелі на бязевую столь палаткі, што правісла амаль да твару. Гэта азначала, што ноччу снег усё ж выпаў. Я прыкладна ўяўляла, што зараз робіцца звонку, і ад гэтага рабілася вельмі тужліва. Хацелася выгаварыцца ці, у крайнім выпадку, буркнуть традыцыйнае: «Я ж казала!» Але я маўчала і чакала, калі ён першы

Зевнула я намеренно громко. Храп его тут же оборвался, и огромная лапища принялась шарить под одеялом, выискивая меня. Я втиснула между нами остывшую грелку, и лапища уползла восвояси. Потом мы долго смотрели на бязевый потолок палатки, провисший почти до лица. Это означало, что ночью снег все же выпал. Я примерно представляла, что сейчас творится снаружи, и от этого становилось очень тоскливо. Хотелось выговориться или, в крайнем случае, буркнуть традиционное: «Я же говорила!» Но я молчала и ждала, когда он первый начнет. Хотя я уже знала, что он скажет: что никто меня силком сюда не тянул, что снег ни перед кем не отчитывается и что природа прекрасна во всех своих проявлениях. Ага, прекрасна! Прекрасна, как насморк, как грипп и катар дыхательных путей! Ужасно не хотелось ссориться, но ничего другого не оставалось. Я подождала еще немного, и, когда уже была готова высказать все, что думаю об этих так называемых турпоходах, он вдруг предложил: «А давай начнем все с начала...»

Сначала мы чудом вытащили его из-под гусениц, потом долго выносили из-под пулеметного огня, нас дважды засыпало землей, а он все не успокаивался. В конце концов мы просто связали ему руки и потащили за ноги. Он отчаянно брыкался и требовал, чтобы ему дали гранаты. Вместо гранат я дал ему прикладом в переносицу, и некоторое время он молчал, и пока он молчал, в нас почему-то не стреляли. Мы благополучно дотащили его до бульвара, перекинули через баррикаду, когда он снова принялся орать. Он крил нас, наших матерей и наших сестер и все требовал дать ему гранаты. Нам и без него было несладко, мы уже потеряли две улицы и вот-вот должны были потерять и бульвар, а он все орал у нас под носом, отвлекал и действовал на нервы. Даже не верилось, что это тот самый тихоня, вечно таскающий чужие тяжести и коротающий чужие дежурства. Позже, когда нам наконец разрешили оставить бульвар, из него из-

пачне. Хоць я ўжо ведала, што ён скажа: што ніхто мянэ сюды сілком не цягнуў, што снег ні перад кім не адчытваецца і што прырода прыгожая ва ўсіх сваіх прайвах. Ага, прыгожая! Прыйгожая, як насмарк, як грып і катар дыхальных шляхоў! Вельмі не хацела-ся сварыцца, але нічога іншага не заставалася. Я пачакала яшчэ крыху, і, калі ўжо была гатова выказаць усё, што думаю пра гэтую так званую турпаходы, ён раптам прапанаваў: «А давай пачнём усё з пачатку...»

Спачатку мы цудам выцягнулі яго з-пад гусеніц, потым доўга выносілі з-пад кулямёт-нага агню, нас двойчы засыпала зямлёй, а ён усё не супакойваўся. Урэшце мы проста звязалі яму рукі і пацягнулі за ногі. Ён адчайна брыкаўся і патрабаваў, каб яму далі гранаты. Замест гранат я даў яму прыкладам у пераноссе, і пэўны час ён маўчаў, і пакуль ён маўчаў, у нас чамусыці не стралялі. Мы шчасна давалаклі яго да бульвара, перакінулуць і ўсё патрабаваў даць яму гранаты. Нам і без яго было нясоладка, мы ўжо страцілі дзве вуліцы і вось-вось павінны былі страціць і бульвар, а ён усё крычаў у нас пад носам, адцягваў увагу і дзейнічаў на нервы. Нават не верылася, што гэта той самы ціхоня, які вечна за іншых носіць цяжкае і дзяжурыць. Пазней, калі нам нарэшце дазволілі пакінуць бульвар, з яго вынялі пятнаццаць асколкаў і яшчэ некалькі пакінулуць ўнутры, таму што яны былі занадта маленькія і сядзелі вельмі глыбока...

«Глыбока тут», — прагаварыў ён з аспіярожнасцю. Я з цікавасцю прыгледзелася да яго і спачатку не паверыла. Сашка, самы моцны і разумны Сашка, апора мая і дапамога, не ўмей плаваць! Я з цяжкасцю стрымала ўсмешку. Мне падалося, я зраджу яму, калі засмяюся. Але ён на мянэ нават не глядзеў. Ён глядзеў уніз, на ваду і з нейкім ненату-ральна скамянелым выразам твару ўсё бліжэй падсоўваўся да краю ўступа. Я зразумела,

влекли пятнадцать осколков и еще несколько оставили внутри, потому что они были слишком маленькими и сидели очень глубоко...

«Глубоко тут», — проговорил он с опаской. Я с интересом пригляделась к нему и сначала не поверила. Сашка, сильнейший и умнейший Сашка, опора моя и помощь, не умел плавать! Я с трудом сдержала усмешку. Мне показалось, я предам его, если засмеюсь. Но он на меня даже не смотрел. Он смотрел вниз на воду и с каким-то неестественно окаменевшим выражением все ближе пододвигался к краю уступа. Я поняла, что сейчас он прыгнет. Прыгнет назло себе и во имя меня. Дура! Зачем я его сюда потащила? Я раскрыла рот, чтобы остановить его, но он уже летел вниз. Меня обдало жаром от ужаса. Вода оглушительно лопнула, когда он вонзился в нее ногами. Через несколько секунд стало ясно, что он не всплынет. Я решила прыгнуть следом, но вовремя поняла, что могу задеть его. Тогда я кинулась вниз по тропинке, бессмысленно бормоча себе под нос: «Что же я его родителям скажу? Что же я его родителям скажу?» В голове не укладывалось, как можно прийти к тетя Гале и дядь Коле и объявить, что их сын утонул. Лучше бы я утонула! Лучше бы мы оба утонули! Не помня себя, я выбежала на берег и тут столкнулась с ним нос к носу. Он как раз вылезал из воды: вода стекала с его костлявого тела, трусы сползли до колен, а кожа страшно побледнела...

Бледный худой мальчишка лет семи стоял на обочине возле выгоревшего скелета машины, кутался в бесцветные лохмотья и смотрел на проезжающую мимо колонну. Пыль от колонны накрывала его с головой, кружилась около него косыми вихрями, набегала волнами, разбивалась, словно вода о скалу, и снова набегала. За этой плотной, вязкой, непрерывно движущейся стеной колонна почти не различалась — лишь стремительные угловатые тени, короткие промежутки мут-

што он зараз скокне. Скокне насуперак сабе і дзеля мяне. Дурніца! Навошта я яго сюды пацягнула? Я раскрыла рот, каб спыніць яго, але ён ужо ляцеў уніз. Мяне абдало жарам ад жаху. Вада аглушальна лопнула, калі ён уваткнуўся ў яе нагамі. Праз некалькі секунд стала ясна, што ён не ўсплыве. Я вырашыла скокнуць следам, але своечасова зразумела, што магу зачапіць яго. Тады я кінулася ўніз па сцяжынцы, бессэнсоўна мармычучы сабе пад нос: «Што ж я яго бацькам скажу? Што ж я яго бацькам скажу?» У галаве не ўкладвалася, як можна прыйсці да цётка Галі і дзядзькі Колі і абвясціць, што іх сын патануў. Лепш бы я патанула! Лепш бы мы абодва патанулі! Не помнячы сябе, я выбегла на бераг і тут сутыкнулася з ім твар да твару. Ён якраз вылазіў з вады: вада сцякала з яго капчавага цела, трусы спаўзлі да кален, а скура страшна пабляднела...

Бледны худы хлопчык гадоў сямі стаяў на абочыне каля выгаралага касцяка машыны, хутаўся ў страціўшыя колер лахманы і глядзеў на калону, якая праезджала міма. Пыл ад калоны накрываў яго з галавой, круціўся каля яго касымі віхурамі, набягаў хвалямі, разбіваўся, нібы вада аб скалу, і зноў набягаў. За гэтай пчыльнай, гразкай сцяной, якая бесперапынна рухалася, калона амаль не распазнавалася — толькі імклівия вуглаватыя цені, кароткія прамежкі мутнага святла і зноў цені, прыцярушаныя пылам. І роў — густы механічны надрыўны роў дзясяткай рухавікоў. Хлопчык стаяў у некалькіх кроках ад гэтага руху і не варушыўся. Ён не варушыўся, нават калі з-пад гусеніц у яго ляцелі камяні, і не ўздрыгваў, калі які-небудзь жартайнік націскаў на сігнал і паддаваў газу, з-за чаго яго жалезны звер уставаў на дыбы. Правая рука хлопчыка час ад часу выцягвалася далонькай уверх у зусім недвухсэнсоўным жэсце. Часам на жэст адгукаліся. Тады калона выплёўвала са сваіх браніраваных нетраў упакоўкі паштэту, плаўленага сырка і галет — усяго таго, што не даелі чаго не шкада было. Усё падала хлопчыку пад ногі, як кветкі

ного света и снова тени, припорошенные пылью. И рев — густой механический рев десятков надрывающихся двигателей. Мальчишка стоял в нескольких шагах от этого движения и не шевелился. Он не шевелился, даже когда в него из-под гусениц летели камни, и не вздрагивал, когда какой-нибудь остряк нажимал на сигнал или поддавал газу, отчего его железный зверь вставал на дыбы. Правая рука мальчишки время от времени вытягивалась ладошкой кверху в совершенно недвусмысленном жесте. Иногда на жест откликались. Тогда колонна выплевывала из своих бронированных недр упаковки паштета, плавленого сырка и галет — всего того, что не доели и чего было не жалко. Все падало мальчишке под ноги, как цветы на сцену. Мальчишка ждал, пока колонна проедет вся, и только потом принимался собирать нажитое...

Нажить с ним удалось немного: тридцатидюймовый телевизор, шкаф-сервант с зеркальными дверцами да допотопный холодильник. Если бы не дети, семь лет замужества, считай, коту под хвост. Кот, кстати, убежал год назад. Нюра, соседка моя, как-то проговорилась, что сбила его машина, но потом отнекивалась. Видно, и впрямь попал мой Матроскин под колеса, и лежат его бедненькие косточки в какой-нибудь канаве. Ненавижу Нюру. Да и муж хороший: поискал-поискал да и принес домой котенка. Разругалась с ним вконец, заставила унести обратно. А через неделю принес нового, серо-полосатого, глаза — прям как у Матроскина, зеленые-зеленые. Я сначала расплакалась, потом разозлилась. Поднялась со стула и процедила: «Чтобы ни одного больше, слышишь? Ни одного!..»

В одном дворике на нас кинулась собака с обломанными клыками. Глаза ее были одновременно испуганы и ослеплены яростью. Она громко, с надрывом хрюпела, повисая на толстой цепи, прикрепленной к низенькой будке. Цепь как раз доставала до ворот, так что обойти собаку не было никакой возможности. Мы

на сцэну. Хлопчык чакаў, пакуль праедзе ўся калона, і толькі потым прымаўся збіраць нажытае...

Нажыць з ім атрымалася няшмат: трывцаціцалевы тэлевізар, шафу-сервант з люстраннымі дзверцамі ды дапатопны халадзільнік. Калі б не дзеци, сем гадоў замужжа, лічы, кату пад хвост. Кот, дарэчы, уцёк год таму. Нюра, суседка мая, неяк прагаварылася, што яго збіла машына, але потым аднеквалася. Відаць, і сапраўды трапіў мой Матроскін пад колы, і ляжаць яго бедненъкія костачкі ў якой канаве. Ненавіджу Нюру. Дый муж добры: пашкуаў-пашкуаў дый прынёс дадому кацяня. Пасварылася з ім ушчэнт, прымусіла аднесці назад. А праз тыдзень прынёс новага, шэра-паласатага, вочы — проста як у Матроскіна, зялёныя-зялёныя. Я спачатку расплакалася, потым раззлавалася. Устала з крэсла і працаціла: «Каб ні аднаго больш, чуеш? Ні аднаго!..» У адным дворыку на нас кінуўся сабака з ablаманым ікламі. Вочы яго былі адначасова напалоханыя і аслепленыя лютасцю. Ён гучна, з надрывам хрыпей, павісаючы на тоўстым ланцугу, прыматацівым да нізенькай будкі. Ланцуг якраз даставаў да брамы, так што абысці сабаку не было ніякай магчымасці. Мы началі клікаць гаспадара, і, як заўёды, ніхто не адгукнуўся: дзвёры былі замкнёныя, вокны — забітыя, водаразборная калонка — разабраная. Але сабака відавочна некага ахоўваў. Ён быў занадта раззлаваны для сабакі, якога пакінулі паміраць на ланцугу. І калі я скіраваў на яго ствол аўтамата, ён замоўк, падпіснуў хвост і, пакульгаючы, павольна падаўся да будкі. У яго на баку чырванела ледзь зацягнутая рана ад кулі...

Куляй ён выскачыў з дому, скокнуў у таксі і за падвойную плату паляцеў да мяне. Праз гадзіну ён ужо стаяў пад вокнамі радзільні з букетам руж і кошыкам з апельсінамі. Я назірала за ім з акна чацвёртага паверха. Такім пачаслівым ён быў, мабыць, толькі калі

принялись звать хозяина, и, как всегда, никто не отозвался: двери были заперты, окна — заколочены, водоразборная колонка — разобрана. Но собака явно кого-то охраняла. Она была слишком обозлена для собаки, оставленной умирать на цепи. И когда я направил на нее ствол автомата, она замолкла, поджала хвост и, прихрамывая, медленно попятилась к будке. На боку у нее краснела едва затянувшаяся рана от пули...

Пулей он выскочил из дома, прыгнул в такси и за двойную плату полетел ко мне. Через час он уже стоял под окнами роддома с букетом роз и кошелькой с апельсинами. Я наблюдала его с окна четвертого этажа. Таким счастливым он был, пожалуй, только когда поступил в аспирантуру. Я очень смеялась, пыталась объяснить ему это жестами, но ничего не получалось. Он орал, страшно довольный: «Мальчик? Мальчик?» — будто не знал, что да, конечно, мальчик. Я кивала и все поглядывала на дверь — медсестра почему-то не торопилась. А он вдруг принялся приплясывать, да так нелепо, что вскоре поскользнулся и упал в снег. Апельсины весело посыпались из кошельки. Тут появилась недовольная спросоchnaya медсестра, передала мне сына и, покосившись в окно, пробурчала: «Ишь, развалился...»

Развалившись на заднем дворике сгоревшей автомастерской, мы спорили о героизме и его проявлениях в природе и обществе. Те, кто был постарше, считали героизм бредом: для них имели место лишь умелость командира и подготовленность солдата или, наоборот, — бездарность командира и неподготовленность солдата. Молодые не соглашались, утверждая, что геройзм есть — его только нужно пробудить соответствующими обстоятельствами. Два лейтенанта, старший и младший, не имели собственного мнения, но ухитрились так повторить слова молодых, что получилось что-то новое и даже оригинальное. Парни из дозоров,

паступіў у аспірантуру. Я вельмі смяялася, спрабавала патлумачыць яму гэта жэстамі, але нічога не атрымвалася. Ён гарлапаніў, страшна задаволены: «Хлопчык? Хлопчык?» — быццам не ведаў, што так, вядома, хлопчык. Я ківала і ўсё паглядала на дзвёры — медсястра чамусыці не спышалася. А ён раптам пачаў прыгантцоўваць, ды так недарэчна, што неўзабаве паслізнуўся і зваліўся ў снег. Апельсіны весела пасыпаліся з кошыка. Тут з'явілася незадаволеная спрасонку медсястра, перадала мне сына і, скасавурыўшыся ў акно, прабурчала: «Бач, разваліўся...»

Разваліўшыся на заднім дворыку згарэлай аўтамайстэрні, мы спрачаліся пра герайзм і яго праявы ў прыродзе і грамадстве. Тыя, хто былі старэйшымі, лічылі герайзм глупствам: для іх мела месца толькі ўмеласць камандзіра і падрыхтаванасць салдата і, наадварот, — няздатнасць камандзіра і непадрыхтаванасць салдата. Маладыя не згаджаліся, сцвярджаючы, што герайзм ёсць — яго толькі трэба абудзіць адпаведнымі аbstавінамі. Два лейтэнанты, старшы і малодшы, не мелі ўласнай думкі, але ўхітрыліся так паўтарыць словаў маладых, што атрымалася нешта новае і нават арыгінальнае. Хлопцы з дазораў, якіх амаль не бывала ў роце, заявілі, што герайзм — гэта той жа самы поспех, толькі выстаўлены на агляд публікі, і чым менш поспеху, tym больш бязглузды герайзм. Два лейтэнанты вырашылі былі паспрачацца наконт бязглуздасті герайзму, але іх перабіў старшына. «Героі, — сказаў ён пагардліва, — самы бескарысны народ. Быў у мяне адзін герой — вырашыў неяк разабраць патрон ад пэтээркі. І што вы думаеце? Адарвала яму машонку і некалькі пальцаў. “Героя” яму, вядома, далі, ды каму такі герой патрэбны?..» Патрэбныя рэчы мы займелі не адразу. Першы час слалі матрац проста на падлогу і спалі так. Спачатку думала, нас пацукі з'ядуць, але неяк абышлося. Потым з'явілася

которых почти не бывало в роте, заявили, что героизм — это та же самая удача, только выставленная на обозрение публики, и чем удачи меньше, тем героизм бестолковее. Два лейтенанта решили было поспорить о бестолковости героизма, но их перебил старшина. «Герои, — сказал он презрительно, — самый бесполезный народ. Был у меня один герой — решил как-то разобрать патрон от пэтээрки. И что вы думаете? Оторвало ему мошонку и несколько пальцев. “Героя” ему, конечно, дали, да кому такой герой нужен?..»

Нужными вещами мы обзавелись не сразу. Первое время стелили матрас прямо на пол и спали так. Сначала думала, нас крысы поедят, но как-то обошлось. Потом появилась тахта о трех ножках. Вместо четвертой мы подкладывали неполное собрание сочинений Джека Лондона. Очень удобно, кстати, спалось, когда тебя поддерживала «Маленькая хозяйка большого дома». Часто ночами мы лежали, прижавшись друг к другу, смотрели на облупленный потолок и вслух мечтали о будущих удобствах, хотя на самом-то деле действительно удобно нам было, пожалуй, только тогда. Позже, когда Юрка завершил исследование и получил свой долгожданный грант, я все уговаривала его попробовать как-нибудь вернуть то наше сладкое время. А что? Не такими уж старыми мы были. Я, например, насчитывала до пяти ухажеров единовременно — и это в сорок-то лет! Нет, можно было попробовать. Я вот до сих пор жалею, что так и не уговорила Юрку. Старый упрямец все твердил как заведенный: «Поздно, дорогая, поздно...»

Поздно вечером, когда все поутихло, мы принялись искать его в том месте, где нас накрыло. От перекрестка до самой площади был лишь развороченный асфальт, гильзы и бесформенный дымящийся мусор. Запах стоял как в прачечной. Рискуя быть подстреленными в любой момент, мы бегали от одной воронки к другой и мельком светили на дно умирающим фонариком. Тусклый луч вы-

тахта на трох ножках. Замест чацвёртай мы падкладалі няпоўны збор твораў Джэка Лондана. Вельмі зручна, дарэчы, спалася, калі цябе падтрымлівала «Маленькая гаспадыня вялікага дома». Часта начамі мы ляжалі, прыціснуўшыся адно да аднаго, глядзелі на аблупленую столь і ўслых марылі пра будучыя выгады, хоць насамрэч сапраўды зручна нам было, мабыць, толькі тады. Пазней, калі Юрка завяршыў даследаванне і атрымаў свой доўгачаканы грант, я ўсё ўгаворвала яго паспрабаваць як-небудзь вярнуць той наш салодкі час. А што? Не такім ўжо старымі мы былі. Я, напрыклад, налічвала да пяці кавалераў адначасова — і гэта ў сорак гадоў! Не, можна было паспрабаваць. Я вось да-гэтуль шкадую, што так і не ўгаварыла Юрку. У парты стары ўсё паўтараў як заведзены: «Позна, дарагая, позна...»

Позна вечарам, калі ўсё пацішэла, мы пачалі шукаць яго ў tym месцы, дзе нас накрыла. Ад скрыжавання да самай плошчы быў толькі разварочаны асфальт, гільзы і бясформеннае смецце, якое дымілася. Пах стаяў як у пральні. Рызыкуючы быць падстрэленымі ў любы момант, мы бегалі ад адной варонкі да другой і мімаходам свяцілі на дно паміраючым ліхтарыкам. Цьмяны прамені выхопліваў з цемры камякі чорнай аблаленай зямлі, фрагменты асфальту і бардзюра, але нічога больш там не было — быццам і не існавала такога чалавека. Мы паспелі праверыць дзесятніцацца варонак, перш чым нас заўважылі і адкрылі агонь...

Агні горада. Віск шын па асфальце. Ляск апошніх трамвайў, асветленых знутры, як зачыненая нанач универмагі. Пераклічка замерзлых дварнякоў. Нерухомая шэра-сіняя хмара ў небе. Замест грому — рака, бурчыць незадаволена, утаймаваная бетоннай на-бярэжнай. Клённы і лістоўніцы шамацяць ад ветру. У паветры пахне аzonам. Свежасць і вільгаць. Хочацца дыхаць на поўныя грудзі і не вяртацца гэтай ноччу дадому. У такія моманты добра разумееш, што ніколі не памрэш...

хватывал из темноты комья черной, обожженной земли, фрагменты асфальта и поребрика, но ничего больше там не было — будто и не существовало такого человека. Мы успели проверить девятнадцать воронок, прежде чем нас заметили и открыли огонь...

Огни города. Визг шин по асфальту. Лязг последних трамваев, освещенных изнутри, как закрытые на ночь универмаги. Перекличка мерзнувших дворняг. Недвижная серо-синяя туча в небе. Вместо грома — река, ворчит недовольно, укрытая бетонной набережной. Клены и лиственницы шелестят на ветру. В воздухе пахнет озоном. Свежесть и сырость. Хочется дышать полной грудью и не возвращаться этой ночью домой. В такие моменты отчетливо понимаешь, что никогда не умрешь...

Екатерина Копыткова

Кацярына Капыткова

Екатерина Копыткова родилась 3 марта 1999 года. Студентка историко-филологического отделения филиала МГУ в г. Севастополе.

Кацярына Капыткова нарадзілася 3 сакавіка 1999 года. Студэнтка гісторыка-філалагічнага аддзялення філіяла МДУ ў г. Севастопалі.

ДОЖИТЬ ДО СВОЕЙ СМЕРТИ

Разочарование как стиль жизни пользуется все большим успехом. Мол, кругом обман, предательство и лицемерие. Все мы крутимся в колесе страданий. Так говорил первый Будда. Правда, он также говорил, что есть путь, идя по которому, можно избавиться от этих страданий. Но, пожалуй, эта мысль слишком оптимистична для того, чтобы стать мейнстримом. Каждый день в мире умирают миллионы людей, в Африке дети голодают, а Мексика кишит криминалом. Как при таком раскладе можно жить счастливо? Ведь тогда рискуешь прослыть бессердечным оптимистом. Даже если не рассуждать так глобально, то и в повседневной жизни хватает проблем, из-за которых повеситься можно. Похоже, что популярная идея всеобщего сострадания до добра не доведет. Один мой знакомый любит издеваться над такими «сострадальцами». Он говорит, что все мы умрем, с этим нельзя спорить. Вопрос лишь в том, как именно ты проведешь время до этого знаменательного события. Будешь ли ты ныть и сострадать или все-таки дерзнешь на что-то более сложное и смелое. Например, станешь хвататься за эту жизнь и жадно вкушать каждое ее мгновение. Ну, или, на крайний случай, спасешь чью-то чужую жизнь (ведь если вдуматься, то советы давать всегда проще, чем самому следовать им). В общем, ты просто должен решить, как именно ты хочешь дожить до своей смерти.

I

Пока в мире умирали миллионы людей, в Африке голодали дети, а в Мексике процветал криминал, в московском хосписе никак не мог умереть Николай Пе-

ДАЖЫЦЬ ДА СВАЁЙ СМЕРЦІ

Расчараванне як стыль жыцця карыстаецца ўсё большым поспехам. Маўляй, вакол зман, зрада і крывадушнасць. Усе мы круцімся ў коле пакут. Так казаў першы Буда. Праўда, он таксама гаварыў, што ёсць пуць, ідучы па якім, можна пазбавіцца гэтых пакут. Але, мабыць, гэтая думка занадта аптымістычная для таго, каб стаць мэйнстрывам. Кожны дзень у свеце паміраюць мільёны людзей, у Афрыцы дзеци галадаюць, а Мексіка кішыць крыміналам. Як пры такім раскладзе можна жыць пчасліва? Бо тады рыхыкуеш выславіцца як бессардэчны аптыміст. Нават калі не разважаць так глабальна, то і ў паўсядзённым жыцці хапае праблем, з-за якіх павесіцца можна. Верагодна, што папулярная ідэя ўсеагульнага спагадання да добра не давядзе. Адзін мой знаёмы любіць здзекавацца з такіх «спагадлівых». Ён кажа, што ўсе мы памром, з гэтым не паспрачаешся. Пытанне толькі ў тым, як менавіта ты правядзеш час да гэтай знамянальнай падзеі. Ці будзеш ты ныць і спагадаць або ўсё-ткі адважыцся на нешта больш складанае і сме-лае. Напрыклад, будзем хапацца за гэта жыццё і прагна смакаваць кожнае яго імгненне. Ну, або, на крайні выпадак, выратуеш нечae чужое жыццё (бо калі ўдумацца, то парады даваць заўсёды прасцей, чым самому кіравацца імі). Увогуле, ты проста павінен вырапыць, менавіта як ты жадаеш дажыць да сваёй смерці.

I

Пакуль у свеце паміралі мільёны людзей, у Афрыцы галадалі дзеци, а ў Мексіцы квітнёў крымінал, у маскоўскім хоспісе ніяк не мог памерці Мікалай Пятровіч Бернічэнка. Так,

трович Берниченко. Да, есть на этом свете такой живучий тип людей. Как правило, это очень мерзкие и противные экземпляры рода человеческого. Таким был и Николай Петрович. Медперсонал от него на луну выть начинал, а сопалатники просили вкалывать им побольше морфия или вовсе прикончить их, чтобы не слышать ворчаний этого старика. Николай Петрович успешно испортил жизнь всем своим немногочисленным знакомым и менее многочисленным близким людям. Он был невысокого роста, весь скрюченный, скукоженный и до невозможности злой и ворчливый пенсионер. Сейчас ему 72 года, всю свою родню он давно измучил и похоронил. А когда ему стукнуло 60, жизнь решила помучить его самого. Для Петровича прозвучал страшный диагноз — рак мозга. Причем сразу четвертой стадии. Так он попал в хоспис, в котором уже больше 10 лет от него просто нет спасения. Своего рода старожил хосписа. Никто из врачей не может понять, в чем проблема. Точнее, причина этой проблемы, под названием Николай Берниченко. Говорят, что однажды у старика случилась клиническая смерть. Но и тут он вышел сухим из воды, то есть живым из Рая. У него даже волосы не повыпадали, как это бывает после химии у нормальных больных людей. Вероятно, он переругался со всеми в Райской приемной, и ангелы послали его от Эдема подальше. Короче говоря, и на том свете Николаю Петровичу были не рады.

Чтобы стало понятней, что конкретно было не так с этим противным старики, приведу пару примеров. Однажды он довел медсестру до истерики тем, что несколько дней подряд разыгрывал собственную смерть. Бедняжка не успевала толком нарадоваться своему счастью, как этот Кощей снова воскресал. А сколько бутылок водки он выиграл в ставках на смерть своих соседей по хоспису! Правда, в силу выигрыша он пока так и не получил ни одной бутылки. Немного просчитался старик. Хотя вполне возможно, что он спорил не ради водки, а ради

ёсць на гэтым свеце такі жывучы тып людзей. Як правіла, гэта вельмі гідкія і паскудныя экзэмпляры роду чалавечага. Такім быў і Мікалай Пятровіч. Медперсанал ад яго на месяц выць пачынаў, а аднапалатнікі прасілі ўкальваць ім паболей морфію або зусім прыкончыць іх, каб не чуць бурчанняў гэтага старога. Мікалай Пятровіч паспяхова сапсаваў жыццё ўсім сваім непшматлікім знаёмым і меней шматлікім блізкім людзям. Ён быў невысокага росту, увесь скруканы, скамурданы і да немагчымасці злы і бурківы пенсіянер. Цяпер яму 72 гады, усю сваю радню ён даўно змучыў і пахаваў. А калі яму стукнула 60, жыццё вырашыла памучыць яго самога. Для Пятровіча прагучаў страшны дыягназ — рак мозгу. Прычым адразу чацвёртай стадыі. Так ён патрапіў у хоспіс, у якім ужо больш за 10 гадоў ад яго проста няма ратунку. Свайго роду старажыл хоспіса. Ніхто з урачоў не можа зразумець, у чым праблема. Дакладней, прычына гэтай праблемы, пад называй Мікалай Берніченка. Кажуць, што аднойчы ў старога здарылася клінічная смерць. Але і тут ён выйшаў сухім з вады, гэта значыць жывым з Раю. У яго нават вальсы не выпалі, як гэта бывае пасля хіміі ў нармальных хворых людзей. Верагодна, ён пералаяўся з усімі ў Райскай прыёмнай, і анёлы паслалі яго ад Эдэму падалей. Каравацей кажучы, і на tym свеце Мікалаю Пятровічу былі не рады. Каб стала больш зразумела, што канкрэтна было не так з гэтым агідным старым, прывяду пару прыкладаў. Аднойчы ён давёў медсястру да істэрыкі tym, што некалькі дзён запар разыгрываў уласную смерць. Небарақа не паспявала толкам нарадавацца свайму шчасцю, як гэты Кашчэй зноў уваскрасаў. А колькі бутэлек гарэлкі ён выйграў у стаўках на смерць сваіх суседзяў па хоспісе! Праўда, у сілу выйгрышу ён пакуль так і не атрымаў ні адной бутэлькі. Трохі пралічыўся стары. Хаця зусім верагодна, што ён спрачаўся не дзеля гарэлкі, а дзеля забавы. А чым япчэ цепыцца бессмяротнаму нягодніку? Яму нават баяцца няма чаго —

забавы. А чем еще тешиться бессмертному негодяю? Ему даже бояться нечего — он и так живет в хосписе. Тут можно лишь посочувствовать всем несчастным, страдавшим от этого горе-старика.

Но всему приходит конец. Всему, кроме жизни Николая Петровича. Так он пережил терпение главврача. Когда из-за больного Берниченко уволилась очередная медсестра, главный врач не выдержал и отправил пациента на домашнее лечение, вопреки всем правилам. «На него только морфий переводить. Этот таракан еще всех нас переплюнет. Я согласен, но только пусть он это делает у себя дома, не забирая у меня сотрудников» — не выдержал наконец пострадавший. В итоге, Николай Петрович, как Колобок: он от Боженьки ушел и от врача сбежал, почти по собственной воле.

Отныне жизнь Кощя Петровича стала заметно скучнее. В его однокомнатной квартире было совсем не с кем ругаться. Поначалу он пытался развлекаться с телевизором. Посредством телевизора он изливал обличительные речи в адрес государственной власти. Но Петрович не получал ответной реакции, и это занятие ему быстро надоело. Тогда он пошел портить жизнь продавщицам в местных магазинах. Но там столкнулся с другой гранью любимого развлечения. Старик не рассчитал силу своего соперника — он никак не ожидал, что матерый запас Марьанны окажется настолько богаче, чем его собственный. Да и харизме этой женщины было сложно противостоять. Ну, а когда она, в знак протesta, перестала продавать ему еду, Петрович охладил свой пыл и стал заурядным унылым пенсионером, которых часто можно встретить в продуктовых магазинах рядом с домом. С тех пор существование Николая Петровича стало протекать скучно и тленно. Этот энергетический вампир остался без пищи. Вероятно, еще немногого, и он совсем завернулся бы от такой тоски и, наконец, умер. Но слухи об этом

ён і так жыве ў хоспісе. Тут можна толькі паспачуваць усім няшчасным, якія пакутавалі ад гэтага гора-старога.

Але ўсяму прыходзіць канец. Усяму, акрамя жыцця Мікалая Пятровіча. Так ён перажыў цярпенне галоўурacha. Калі з-за хворага Бернічэнкі звольнілася чарговая медсястра, галоўны ўрач не вытрымаў і адправіў пацыента на хатняе лячэнне, насуперак усім правілам. «На яго толькі морфій пераводзіць. Гэты прусак яшчэ ўсіх нас пераплюне. Я згодны, але толькі хай ён гэта робіць у сябе дома, не забіраючы ў мяне супрацоўнікаў», — не вытрымаў нарэшце пацяргпейшы. У выніку, Мікалай Пятровіч, як Калабок: ён ад Божачкі пайшоў і ад урача збег, амаль па ўласнай волі.

З гэтага часу жыццё Кашчэя Пятровіча стала прыкметна больш сумным. У яго аднапакаёвай кватэры зусім не было з кім лаяцца. Спачатку ён спрабаваў забаўляцца з тэлевізарам. Ля тэлеэкрана ён праліваў выкryвальныя прамовы ў адрас дзяржаўнай улады. Але Пятровіч не атрымліваў зваротнай рэакцыі, і гэты занятак яму хутка надакучыў. Тады ён пайшоў пісаваць жыццё прадаўшчыцам у мясцовых крамах. Але там сутыкнуўся з іншай гранню любімай забавы. Стары не разлічыў сілу свайго суперніка — ён ніяк не чакаў, што мацюкальны запас Мар'янны будзе настолькі багацейшы, чым яго ўласны. Ды і харызме гэтай жанчыны было складана супрацьстаяць. Ну, а калі яна, у знак пратэсту, перастала прадаваць яму ежу, Пятровіч астудзіў свой запал і стаў звычайным маркотным пенсіянерам, якіх часта можна сустрэць у працуктовых крамах побач з домам. З той пары існаванне Мікалая Пятровіча стала працякаць сумна і тленна. Гэты энергетычны вампір застаўся без пажывы. Верагодна, яшчэ трохі, і ён зусім загарнуўся б ад такой нуды і, нарэшце, памёр. Але чуткі аб гэтым яго імкненні хутка даляцелі да нябеснай канцыляры. Нябесныя супрацоўнікі, спалохаўшыся вяртанням блуднага сына, паслалі яму новае выпрабаванне.

его стремлении быстро долетели до небесной канцелярии. Небесные сотрудники, испугавшись возвращения блудного сына, послали ему новое испытание.

II

Лето в этом году выдалось на редкость знойное и противное. Как раз по вкусу Николая Петровича. Он сидел дома и воевал с мухами. Духота приковала старика к дивану, но даже это не мешало ему бороться с насекомыми с помощью любимой мухоловки. Когда он ликовал над трупом очередной мухи, раздался звонок в дверь. Нельзя сказать, что Петрович слегка удивился, — он был ошеломлен неравнодушием окружающего мира. Неужели до него кому-то есть дело? Похоже, что новая жертва сама пришла к нему в гости. Николай Петрович изо всех своих старческих сил помчался к двери. Удивительно, но через глазок Петрович увидел, что за дверью действительно стоит человек.

— Кто там? — с нетерпением спросил пенсионер.

— Э-э-э... это из соцопеки... Меня зовут Игорь, я ваш новый опекун, — пояснил незнакомец.

— В каком смысле — новый? Меня никто не опекал. Что это тебе от меня надо, шарлатан проклятый?

— Э-э, да как ты обращаешься с социальным работником? Трухляк неблагодарный! О тебе что, государство так часто заботится, что ты хамишь мне тут!

«Вот это кадр! — восторгался про себя Петрович. — Вот это, я понимаю, соперник! Ну, ничего, сейчас я и тебя до дурки доведу».

Кряхтя и ворча, Петрович открыл дверь новому опекуну и пустил его в дом.

II

Гэтае лета выдалася на рэдкасць гарачае і агіднае. Як раз да густу Мікалаю Пятровічу. Ён сядзеў дома і ваяваў з мухамі. Духата прыкавала старога да канапы, але нават гэта не перашкаджала яму дужацца з насякомымі з дапамогай любімай мухалоўкі. Калі ён трывумфаваў над трупам чарговай мухі, раздаўся званок у дзвёры. Нельга сказаць, што Пятровіч злёгку здзівіўся, — ён быў ашаломлены неабыякавасцю навакольнага свету. Няўжо ён камусыці спатрэбіўся? Падобна, што новая ахвяра сама прыйшла да яго ў госці. Мікалай Пятровіч з усіх сваіх старэчых сіл панёсся да дзвярэй. Дзіўна, але праз вочка Пятровіч убачыў, што за дзвярыма сапраўды стаіць чалавек.

— Хто там? — з нецярплівасцю спытаў пенсіянер.

— Гэ-э-э... гэта з сацапекі... Маё імя Ігар, я ваш новы апякун, — растлумачыў незнёмец.

— У якім сэнсе — новы? Мяне ніхто не апекаваў. Што гэта табе ад мяне трэба, шарлатан пракляты?

— Э-э, ды як ты абыходзішся з сацыяльным работнікам? Трухляк няўдзячны! Аб табе што, дзяржава так часта клапоціцца, што ты хамішь мне тут!

«Вось гэта кадр! — захапляўся пра сябе Пятровіч. — Вось гэта, я разумею, супернік! Ну, нічога, цяпер я і цябе да дуркі давяду».

Крэкучы і бурчучы, Пятровіч адчыніў дзвёры новаму апекуну і пусціў яго ў хату. У кватэру ўвайшоў малады мужчына, на выгляд каля 30-ці, можа, больш. Росту трохі вышэйшага за сярэдні, кволага целаскладу і ў цэлым нагадваў хутчэй нейкага зэка. Было складана асацыяраваць яго з сацработнікам. Асабліва гэтаму перашкаджалі наколкі на

В квартиру вошел молодой мужчина, на вид около 30-ти, может, больше. Ростом чуть выше среднего, хилого телосложения и в целом напоминавший скорее какого-то зека. Было сложно ассоциировать его с соцработником. Особенно этому препятствовали наколки на руках (именно наколки, а не татуировки, потому что они были дешево-синего цвета и сюжет их не отличался оригинальностью). Игорь выглядел неопрятно и не особо располагал к себе. Какой-то мутный тип, асоциальный социальный работник.

III

Игорек принялся втирать Петровичу какую-то чушь про то, что старик нуждается в особом внимании и уходе. И теперь этим уходом будет заниматься новоиспеченный опекун. Неважно, хочет сам Николай Петрович этого или нет, но так будет лучше для него самого. Соцработник заявил, что будет приходить к больному три раза в день и будет справляться о его здоровье. Он также сказал, что врач прописал Николаю Петровичу лекарство нового поколения, которое всегда избавит старика от боли.

— Но у меня ничего не болит, — возразил Петрович.
— Как? У вас же рак мозга. Третьей стадии, — разъяснил Игорь.
— Четвертой, — вставил старик.
— Тем более. Там же опухоль, небось, как... ну, я не знаю, как у негра... — за-темнил опекун.
— В каком смысле — как у негра? Кем ты меня сейчас назвал? Да я тебе сейчас такого негра покажу!

руках (менавіта наколкі, а не татуіроўкі, таму што яны былі танна-сіняга колеру і сюжэт іх не вылучаўся арыгінальнасцю). Ігар выглядаў неахайна і не вельмі прывабліваў да сябе. Нейкі каламутны тып, асацыяльны сацыяльны работнік.

III

Ігарок стаў вярзіці Пятровічу нейкую лухту пра тое, што старому патрабуенцу асабая ўвага і дагляд. І зараз гэтым даглядам будзе займацца новаспечаны апякун. Усё роўна, жадае сам Мікалай Пятровіч гэтага або не, але так будзе лепш для яго самога. Сацработнік заявіў, што будзе прыходзіць да хворага тро разы на дзень і будзе пытацца пра яго здароўе. Ён таксама сказаў, што ўрач прапісаў Мікалаю Пятровічу лекі новага пакалення, якія назаўжды пазбавяць старога ад болю.

— Але ў мяне нічога не баліць, — запярэчыў Пятровіч.

— Як? У вас жа рак мозгу. Трэцій стадыі, — растлумачыў Ігар.

— Чацвёртай, — уставіў стары.

— Тым больш. Там жа пухліна, мабыць, як... ну, я не ведаю, як у негра... — запямніў апякун.

— У якім сэнсе — як у негра? Кім ты мяне назваў? Ды я табе зараз такога негра пакажу!

— Я не гэта меў на ўвазе... У сэнсе... ну... ведаецце, у неграў... ну, у іх в...вялікія...

— Што вялікія? — не выгрымліваў Пятровіч.

— Пухліны. Пухліны ў іх вялікія. Чо ты завёўся адразу? — занерваваўся Ігарок. — Я ж сацработнік, я твая дзяржаўная маці, апекаваць цябе прыйшоў. Не псіхуй тут мне.

— Я не это имел ввиду... В смысле... ну... знаете, у негров...ну, у них б...большие...

— Что большие? — не выдерживал Петрович.

— Опухоли. Опухоли у них большие. Чё ты завелся-то сразу? — заелозил Игорек. — Я ж соцработник, я твоя государственная мать, опекать тебя пришел. Не психуй тут мне.

Короче говоря, общий язык мужики нашли не сразу. Посредством разговоров соцработник охладил пыл своего подопечного и даже убедил его подписать какие-то документы касательно имущества пенсионера. Затем он споил Петровичу первую порцию лекарства. Самочувствие старика слегка ухудшилось: потемнело в глазах и стало как-то нехорошо. Но Игорь уверял, что это всего-навсего побочный эффект и бояться совершенно нечего. Этот тип явно не нравился пенсионеру, но его желание довести свою жертву до белого каления было сильнее. Он мирно подыгрывал опекуну, жертвуя своим и без того неважным здоровьем. На следующий день, когда Игорь пришел давать Петровичу третью порцию лекарства нового поколения, старик спросил:

— Слушай, а как хоть называется эта параша, которую я должен пить?

— Па...нацея, — растерянно ответил Игорь.

— Ну, это я понял, что не яд какой-нибудь. Хотя, судя по тому, как меня от нее мутит, это хренацея какая-то. Ты точно уверен, что мне надо это пить?

— Однозначно, — на удивление, четко и уверенно произнес Игорек. — Врач сказал, что это лекарство продлит вам жизнь.

Тут Петрович заподозрил что-то неладное.

— О как! А сколько же мне тогда осталось жить без этой панацеи? — спросил старики.

Карацей кажучы, агульную мову мужыкі знайшлі не адразу. Пасродкам гутарак сацработнік астудзіў запал свайго падапечнага і нават пераканаў яго падпісаць нейкія дакументы, якія тычыліся маёмынера. Затым он спаў Пятровічу першую порцыю лякарства. Самаадчуванне старога злёгку пагоршылася: пацямнела ў вачах і стала неяк блага. Але Ігар запэўніваў, што гэта ўсяго толькі пабочны эффект і баяцца зусім няма чаго. Гэты тып яўна не падабаўся пенсіянеру, але яго жаданне давесці сваю ахвяру да шаленства было мацнейшым. Ён мірна падыгрываў апекуну, ахвяруючы сваім і без таго дрэнным здароўем.

На наступны дзень, калі Ігар прыйшоў даваць Пятровічу трэцюю порцыю лякарства новага пакалення, стары спытаў:

— Слухай, а як называецца гэта параша, якую я павінен піць?

— Па...нацэя, — разгублена адказаў Ігар.

— Ну, гэта я зразумеў, што не яд які-небудь. Хаця, судзячы па тым, як мяне ад яе нудзіць, гэта хрэнацэя нейкая. Ты ўпэўнены, што мне неабходна гэта піць?

— Адназначна, — на ўздзіў упэўнена прамовіў Ігарок. — Урач сказаў, што гэта лякарства прадоўжыць вам жыццё.

Тут Пятровіч западозрыў нешта няладнае.

— О як! А колькі ж мне тады засталося жыць без гэтай панацэї? — спытаў стары.

— Ну, не ведаю. Можа, тыдзень, можа, меней. Як пашанцуе. Яно ж ва ўсіх па-рознаму... «Нешта ён цымніць, — падумаў стары. — Не мог урач не паскардзіцца яму на маю неўміручасць. Ну, нічога, гэта мы яшчэ паглядзім, хто каго».

На гэты раз Мікалай Пятровіч не стаў піць лякарства новага пакалення. Ён незаўважна ад Ігарка выплюнуў хрэнацэю ў ракавіну і змыў. Так працягвалася пару дзён. Пятровіч

— Ну, не знаю. Может, неделю, может, меньше. Как повезет. Оно ж у всех по-разному...

«Что-то он темнит, — подумал старик. — Не мог врач не нажаловаться ему на мое бессмертие. Ну, ничего, это мы еще посмотрим, кто кого».

На этот раз Николай Петрович не стал пить лекарство нового поколения. Он незаметно от Игорька выплюнул хренацею в раковину и смыл. Так продолжалось пару дней. Петрович игнорировал прием лекарства и стал чувствовать себя так же, как до появления опекуна. Чего нельзя было сказать о самом опекуне. Спустя еще пару дней старик начал откладывать панацею и при всяком удобном случае подсыпал ее в чай Игорю. Вместе с возрастающей гостеприимностью Николая Петровича постепенно ухудшалось самочувствие соработника. Пока Игорь думал, что успешно втерся в доверие к старику (раз он его чаем поит), организм опекуна понял нечто более серьезное. А именно — то, что Игорь в отнюдь не выигрышном положении. Наконец это понял и сам Игорь. Так они со стариком и хитрили друг друга еще несколько дней: Петрович выплевывал панацею, а Игорь выплевывал чай с панацеей. Благо, раковин в квартире было две.

Однако эти полоскания горла не могли продолжаться вечно. И впрямь, мужикам вскоре надоел этот детский сад. Как-то раз Игорь перепутал двери и вместо ванной попал на кухню и застал там старика за традиционным ритуалом вызволения лекарства нового поколения. Так как рот Николая Петровича был свободен, а во рту Игоря бултыхался чай с панацеей, первым держал слово Петрович:

— Ну, вот ты и попался, шарлатан! — самодовольно ехидничал старики. — Ты думал, я сразу не понял, что тебе нужно? А я еще в первый день тебя раскусил! Да я насквозь тебя вижу, упырь ты эдакий! Квартиру мою заполучить захотел? Ишь что удумал! Да я не то что в суд на тебя подам, я тебя со свету сживу! Ты у меня в дурке дуреть будешь! Ну-ка, отвечай, падла, ты за квартирой моей пришел?

ігнараваў прыём лякарства і стаў адчуваць сябе гэтак жа, як да з'яўлення апекуна. Чаго нельга было сказаць пра самога апекуна. Праз яшчэ пару дзён стары пачаў адкладваць панацэю і пры кожным зручным выпадку падсыпаў яе ў чай Ігару. Разам з узрастгаючай гасціннасцю Мікалая Пятровіча паступова пагаршалася самаадчуванне сацработніка. Пакуль Ігар думаў, што паспяхова ўвайшоў у давер да старога (калі ён яго чаею частую), арганізм апекуна зразумеў штосьці больш сур'ёзнае. А менавіта — тое, што Ігар зусім не ў выйгрышным стане. Нарэшце гэта зразумеў і сам Ігар. Так яны са старымі хітрылі адзін аднаго яшчэ некалькі дзён: Пятровіч выплёўваў панацэю, а Ігар выплёўваў чай з панацэяй. Балазе, ракавін у кватэры было дзве.

Аднак гэтыя паласкани горла не маглі працягвацца вечна. І сапраўды, мужыкам хутка надакучыў гэты дзіцячы сад. Неяк раз Ігар пераблытаў дверы і замест ваннага пакоя патрапіў на кухню і застаў там старога за традыцыйным рытуалам вызвалення лякарства новага пакалення. Паколькі рот Мікалая Пятровіча быў свабодны, а ўроце Ігара плюхайся чай з панацэяй, першым узяў слова Пятровіч:

— Ну, вось ты і папаўся, шарлатан! — самазадаволена яхіднічаў стары. — Ты думаў, я адразу не зразумеў, што табе трэба? А я яшчэ ў першы дзень цябе раскусіў! Я ж наскролькі бачу, крывасмок ты гэткі! Кватэру маю прыбраць захацеў? Бач, што ўдумаў! Ды я не тое што ў суд на цябе падам, я цябе са свету зжыву! Ты ў мяне ў дурцы дурэць будзец! Ану, гавары, падла, ты за кватэрай маёй прыйшоў?

Поўны рот Ігара паставіў яго ў вельмі цяжкае становішча. З аднаго боку, ён і рады быў адказаць, ды не можа, а з другога боку, ён у нейкай ступені ўдзячны гэтай сваёй немагчымасці гаварыць. Карацей, маўчаў, як вады ў рот набраў.

— Адказвай, падлюка! — працягваў прэсаваць Пятровіч.

Полный рот Игоря поставил его в весьма затруднительное положение. С одной стороны, он бы и рад ответить, да не может, а с другой стороны, он в какой-то степени благодарен этой своей невозможности говорить. В общем, молчал, как воды в рот набрал.

— Отвечай, подлюка! — продолжал прессовать Петрович.

— М-м-м, м-м-м-м! — безысходно промычал Игорь.

— А-а, так ты говорить не можешь! От зараза! Ну, так что ж ты? Ты глотай давай, и, глядишь, говорить удобнее станет.

— М-м! — завопил Игорек.

— Чё — м-м? Чё — м-м? Хренацею глотать не хочется? Конечно, не хочется. А то как же ты мертвый квартиру у меня отожмешь? От зараза! От мерзавец! Ну я тебя...

Игорек отчаянно проглотил хренацею. На кухне воцарилась вопросительная тишина.

Покорчившись еще некоторое время от горького лекарства, Игорь присел. Он состроил жалостливые глаза, что сделало его образ в целом еще более жалким. Недозек в потрепанной одежде, бомжеватого вида, небритый и слегка отекший, смотрел теперь на Николая Петровича глазами вселенской тоски и раскаяния, как агнец Божий.

— Понимаете... Должен признаться, что я на самом деле... В общем, да, что я вас обманываю, — начал свое чистосердечное Игорь. — На самом деле никакой я не соцработник...

«Хех, удивил!» — мысленно ликовал Шерлок Петрович.

— Нет, ну, я как бы соцработник, у меня даже бумажка есть. Там ребята со стройки помогли, порыли по знакомым... Все легально как бы... Просто... на са-

— М-м-м, м-м-м-м! — бязвыхадна прамычаў Ігар.

— А-а, дык ты гаварыць не можаш! Вось зараза! Ну, дык што ж ты? Ты глытай давай, і, глядзіш, размаўляй зручней стане.

— М-м! — залямантаваў Ігарок.

— Чо — м-м? Чо — м-м? Хрэнацэю глытаць не хочацца? Канечне, не хочацца. Бо як жа ты мёртвы кватэрү ў мяне адпіснеш? Вось зараза! Вось нягоднік! Ну я цябе...

Ігарок адчайна праглынуў хрэнацэю. На кухні ўсталявалася запытальная цішыня.

Пакурчыўшыся яшчэ нейкі час ад горкага лякарства, Ігар прысеў. Ён састроіў жаласлівия вочы, што зрабіла яго вобраз у цэлым яшчэ больш убогім. Недазэк у патрапаным адзенні, бамжаватага выгляду, няголены і злёгку ацёкшы, глядзеў цяпер на Мікалая Пятровіча вачыма сусветнай тугі і раскаяння, як Божае ягнё.

— Разумееце... Павінен прызнацца, што я на самай справе... Увогуле, так, што я вас апукваю, — пачаў сваё чыстасардэчнае Ігар. — Насамрэч ніякі я не сацработнік...

«Хех, здзівіў!» — у думках радаваўся Шэрлак Пятровіч.

— Не, ну, я як бы сацработнік, у мяне нават паперка ёсць. Там хлопцы з будоўлі дапамаглі, парылі па знаёмых... Усё легальна як бы... Проста... насамрэч, я даўно хацеў знайсці... бацьку. Ну, як Маманцяня. Толькі ён маму шукаў, а я вось... Ну, у кожнага ж сына павінен быць бацька, вось я і падумаў, што вы і ёсць... ну... гэты... баця... Вочы Мікалая Пятровіча заўважна пацямнелі. Ён раптам рэзка змяніўся ў твары, увесь счарнеў і неяк зласліва мармытнуў:

— Ідзі адсюль, мярзотнік.

Ігар устаў і пайшоў. Гэта адбылося ўдзень. Падчас другога прыёму лекаў.

мом деле я давно хотел найти... отца. Ну, как Мамонтенок. Только он маму искал, а я вот... Ну, у каждого же сына должен быть отец, вот я и подумал, что вы и есть... ну... этот... батя...

Глаза Николая Петровича заметно потускнели. Он вдруг резко изменился в лице, весь покернел и как-то злобно пробормотал:

— Уходи отсюда, мерзавец.

Игорь встал и ушел. Это произошло днем. Во время второго приема лекарства.

IV

Игорь понимал, что это был его последний визит, ведь больше не нужно было впаривать старику никакой панацеи. А значит, и повода приходить к Петровичу тоже больше нет. Но приходить было нужно. Потому что шарлатан так и не убил пенсионера и не довел дело до конца. Пока старики живы, Игорь не сможет получить его квартиру, как и задумывал изначально. Тогда мошенник начал придумывать новый способ изжить больного пенсионера. Шарлатан понял, что у него осталась всего одна попытка, последняя возможность убить Петровича и получить его квартиру по поддельным документам соцработника, а потом переписать недвижимость на себя. Действовать надо было быстро. Игорь зашел в ближайший магазин хозтоваров, затем забежал в продуктовый за праздничным набором и вечером направился к Николаю Петровичу с повинными речами. Он пошел к старику, чтобы напоить его «прощальным» чаем с крысиным ядом, который, в отличие от лекарства нового поколения, действует моментально.

IV

Ігар разумеў, што гэта быў яго апошні візіт, бо больш не трэба было ўпарваць старому ніякай панацэі. А значыць, і прычыны прыходзіць да Пятровіча таксама больш няма. Але прыходзіць было трэба. Таму што шарлатан гэтак і не забіў пенсіянера і не давёў справу да канца. Пакуль стары жывы, Ігар не зможа атрымаць яго кватэру, як і задумваў з пачатку. Тады махляр пачаў прыдумваць новы спосаб зжыць хворага пенсіянера. Шарлатан зразумеў, што ў яго засталася ўсяго адна спроба, апошняя магчымасць забіць Пятровіча і атрымаць яго кватэру па падробленых дакументах сацработніка, а потым перапісаць нерухомую маёmasць на сябе. Дзейнічаць трэба было хутка. Ігар зайшоў у бліжэйшую краму гаспадарчых тавараў, потым забег у прадуктовы за святочным наборам і вечарам накіраваўся да Мікалая Пятровіча з пакаяннымі словамі. Ён пайшоў да старога, каб напаіць яго «развітальным» чаэм з пачучыным ядам, які, у адрозненне ад лекаў новага пакалення, дзейнічае імгненна.

Ігар, як звычайна, прыйшоў у назначаны час і пастукаў у дзвёры да Пятровіча, амаль не спадзеючыся на зваротную рэакцыю. Але, на здзіўленне, Мікалай Пятровіч адчыніў дзвёры і запрасіў апекуна ў хату. Было чуваць, як на кухні закіпеў чайнік. У кватэры стаяў пах старасці, які раней не быў такі заўважны, а можа, і зусім адсутнічаў. Стары запрасіў шарлатана да стала, што згуляла на руку Ігару, які, скарастаўшы момант, падрыхтаваў усё патрэбнае для дасягнення запаветнай мэты. Безумоўна, ён крыху здзівіўся такому ветламу прыёму, але пачучыны яд, тым не менш, трymаў напагатове.

— Гэта добра, што ты прыйшоў, а то я ўжо і не спадзяваўся... — загаварыў Пятровіч. — Зараз я патлумачу табе, у чым тут справа.

Игорь, как обычно, пришел в установленное время и постучал в дверь к Петровичу, еле надеясь на ответную реакцию. Но, к удивлению, Николай Петрович открыл дверь и пригласил опекуна в дом. Было слышно, как на кухне закипел чайник. В квартире стоял запах старости, который раньше не был так заметен, а может, и вовсе отсутствовал. Стариk пригласил шарлатана к столу, что сыграло на руку Игорю, который, воспользовавшись моментом, подготовил все необходимое для достижения заветной цели. Несомненно, он несколько удивился такому радушному приему, но крысиный яд, тем не менее, держал наготове.

— Это хорошо, что ты пришел, а то я уж и не надеялся... — заговорил Петрович. — Сейчас я объясню тебе, в чем тут дело.

В движениях Николая Петровича стало заметно больше старости и какой-то немощности. Он как будто перестал быть уверенным в себе, как будто он чего-то боялся.

Бедный пенсионер стал вдруг робким и трусливым. Теперь он похож на большого ребенка и вызывал искреннее чувство жалости. Игорь заметил эту перемену, но пока не изменил своих намерений.

— Меня нельзя убить. Это просто невозможно, — заявил стариk.

Игорь побледнел так, как будто его вновь раскусили.

— В хосписе ходили слухи, что во время клинической смерти я якобы перегрался с ангелами, и они послали меня куда подальше. И, мол, поэтому я уже больше десяти лет живу с раком головного мозга и не могу умереть. Странно, что наука обошла меня стороной. А теперь расскажу, как там было на самом деле. После третьей химии у меня и вправду случилась клиническая смерть. И я попал куда-то, что многие называют Раem, но я бы не был в этом так уверен. Особенно после того, как мне там вынесли вердикт. Точнее, поставили условие. Мол, рано

У рухах Мікалая Пятровіча стала заўважна больш старасці і нейкай немачы. Ён як быццам перастаў быць упэўненым у сабе, нібыта ён чагосыці баяўся.

Бедны пенсіянер стаў раптам нясмелым і баязлівым. Зараз ён падобны на вялікае дзіцё і выклікаў шчырае пачуццё жалю. Ігар заўважыў гэту перамену, але пакуль не змяніў сваіх намераў.

— Мяне нельга забіць. Гэта проста немагчыма, — заяўіў стары.

Ігар збляеў так, як быццам яго зноў раскусілі.

— У хоспісе хадзілі чуткі, што падчас клінічнай смерці я нібы перасварыўся з анёламі, і яны паслалі мяне куды далей. І, маўляў, таму я ўжо больш за дзесяць гадоў жыву з ракам галаўнога мозгу і не магу памерці. Дзіўна, што навука за вярсту абышла мяне. А зараз раскажу, як там было на самай справе. Пасля трэцяй хіміі ў мяне і сапраўды здарылася клінічная смерць. І я трапіў кудысьці, што шмат хто заве Раem, але я б не быў у гэтым так упэўнены. Асабліва пасля того, як мне там вынеслі вердыкт. Дакладней, паставілі ўмову. Маўляў, рана табе яшчэ паміраць. Ты павінен пакінуць нашчадка... — тут Пятровіч ці то зблінтэжыўся, ці то засаромеўся ўласнай шчырасці. — Ну, а я што? Мне тады ўжо за 60 пераваліла. Які нашчадак? Якая нармальная баба паквапіцца на стары корч?.. Уласна кажучы, тады я і стаў бессмяротным.

Мікалай Пятровіч зрабіў паўзу і пра нешта задумаўся. Ігар моўчкі чакаў чагосыці.

— Уласна кажучы, таму я і раскусіў цябе, калі ты мне пра смерць уціраць пачаў... А калі ты пра сына... Хаця адкуль ты мог ведаць... — пажылы чалавек цяжка ўздыхнуў. — У мяне і жонкі ніколі не было. Так, былі нейкія бабы, але гэта так, несур'ёзна. Ябыў заўзятым халасцяком... Праўда, адзін раз быў выпадак. Я тады працаўаў інструктарам па кіраванні і аднаго разу закруціў раман з адной вучаніцай. Як зараз памятаю, яе імя

тебе еще помирать. Ты должен оставить наследника... — тут Петрович не то смущался, не то застеснялся собственных откровений. — Ну, а я что? Мне тогда уже за 60 перевалило. Какой наследник? Какая нормальная баба клюнет на хрыча старого?.. Собственно, тогда я и стал бессмертным.

Николай Петрович сделал паузу и о чем-то задумался. Игорь молча ждал чего-то. — Собственно, поэтому я и раскусил тебя, когда ты мне про смерть втиратъячал... А когда ты про сына... Хотя откуда ты мог знать-то... — пожилой человек тяжело вздохнул. — У меня и жены-то никогда не было. Так, были какие-то бабы, но это так, несерьезно. Я был заядлым холостяком... Правда, один раз был случай. Я тогда работал инструктором по вождению и как-то раз закрутил роман с одной ученицей. Как сейчас помню, Ниной звали, ей лет девятнадцать было, на медика училась... И, в общем, однажды она заявила, что беременна от меня. Я так обрадовался, что наконец-то стану папой... Все-таки мне на тот момент было уже под сорок, как-то и хотелось уже завести своего отпрыска. А она... А она сказала, что сделает аборт. Дура. Понаплела тогда какой-то ереси про любовь-нелюбовь, про возраст... Да, что с нее взять, молодая ж была. Короче, не может у меня быть сына, и все тут. Никого у меня не может быть. Я один остался, понимаешь?

Игорь незаметно убрал крысиный яд, аккуратно обнял старика, попросил прощения за все и молча удалился. Тогда Петрович почувствовал себя еще более одиноким. Он никогда в жизни не был так одинок, как сейчас. Пенсионер так и остался сидеть за столом. Он молча вслушивался в тишину уходящего дня. Ему больше не хотелось никого мучить. Потому что он сам больше не страдал. Только что старики открыл свою душу, он первый раз за эти годы рассказал, что же на самом деле было там. И теперь был оставлен один на один со своей распятой

Ніна, ёй гадоў дзевяцнаццаць было, на медыка вучылася... І аднойчы яна заявіла, што цяжарная ад мяне. Я так узрадаваўся, што нарэшце стану татам... Усё-такі мне на той момант было ўжо пад сарок, неяк і хацелася ўжо завесці свайго напачадка. А яна... А яна сказала, што зробіць аборт. Дурніца. Панапляла тады нейкай ерасі пра каханненекаханне, пра ўзрост... Ды што з яе ўзяць, маладая ж была. Карацей, не можа ў мяне быць сына, і ўсё тут. Нікога ў мяне не можа быць. Я адзін застаўся, разумееш?

Ігар незаўважна схаваў пацучыны яд, акуратна абняў старога, папрасіў прабачэння за ўсё і моўчкі пайшоў. Тады Пятровіч адчуў сябе яшчэ больш адзінокім. Ён ніколі ў жыцці не быў такім адзінокім, як зараз. Пенсіянер так і застаўся сядзець за столом. Ён моўчкі ўслухоўваўся ў цішыню адыходзячага дня. Яму больш не хацелася нікога мучыць. Таму што ён сам больш не пакутаваў. Толькі што стары адкрыў сваю душу, ён першы раз за гэтых гады расказаў, што ж насамрэч было там. І зараз быў пакінуты сам-насам са сваёй раскрыжаванай душой. Ён прасядзеў так увесь вечар. У кватэры было глуха і пуста. Вакуумная цішыня ціснула на вушныя перапонкі, дабіваючы адзіноту безабароннага чалавека.

V

Ігар вярнуўся дамоў, у жалезны фургон на будоўлі. Сёння і ў бліжэйшы час яго месца для начлегу было менавіта тут, у гэтым будаўнічым фургоне. Чалавек заўсёды імкненца да ўтульнасці. Нават калі ён вымушаны жыць далёка не ў самых спрыяльных умовах, ён, прынамсі, будзе зваць гэта месца домам. Нават калі гэты дом пшыльна напігаваны

душой. Он просидел так весь вечер. В квартире было глухо и пустынно. Вакуумная тишина давила на ушные перепонки, добивая одиночество беззащитного человека.

V

Игорь вернулся к себе домой, в железный фургон на стройке. Сегодня и в ближайшее время его место для ночевки было именно здесь, в этом строительном фургоне. Человек всегда стремится к уюту. Даже если он вынужден жить далеко не в самых благоприятных условиях, он, как минимум, будет называть это место домом. Даже если этот дом плотно напичкан посторонними людьми и дискомфортом. Потому что так проще. Потому что человек всегда тянется к дому. И чем сложнее времена в его жизни, тем больше он хочет домой.

И сегодня Игорь как никогда спешил в свой фургон. Среди привычного перегара и дыма сигарет он пробрался к своей койке на первом этаже двухъярусной железной кровати и достал из-под нее пакет со своими вещами. Это был универсальный пакет: в нем были и грязные вещи, и пару чистых; тут же было мыло для мытья, порванные носки и прочий минимум для существования. В этом же пакете Игорь нашел старый потрепанный фотоальбом. В нем хранились самые ключевые моменты жизни: какой-то детский день рождения, снимок любимой собаки, выпускной и фотография какого-то здания. Это был детдом, в котором вырос Игорь. Он никогда не знал, кто его родители. Знал только, что мама была молодой и красивой. Об этом ему как-то рассказал охранник детдома. Игорь листал эти мятые страницы фотоальбома туда и обратно и все пытался что-то

чужымі людзьмі і дыскамфортам. Таму што так прасцей. Таму што чалавек заўсёды імкненца дадому. І чым складаней час у яго жыцці, тым больш ён хоча дадому.

І сёння Igar як ніколі спяшаўся ў свой фургон. Сярод звыклага перагару і дыму сігарэт ён прабраўся да свайго месца на першым паверсе двух'яруснага жалезнага ложка і дастаў з-пад яго пакет са сваімі рэчамі. Гэта быў універсальны пакет: у ім былі і брудныя рэчы, і пару чыстых; тут жа было мыла для мыцця, парваныя шкарпэты і іншы мінімум для існавання. У гэтым жа пакете Igar знайшоў стары патрапаны фотаальбом. У ім захоўваліся самыя ключавыя моманты жыцця: нейкі дзіцячы дзень нараджэння, здымак любімага сабакі, выпускны і фотадзымак нейкага будынка. Гэта быў дзетдом, у якім вырас Igar. Ён ніколі не ведаў, хто яго бацькі. Ведаў толькі, што мама была маладой і прыгожай. Пра гэта яму неяк расказаў вартайнік дзетдома. Igar гартаў гэтыя мятыя старонкі фотаальбома туды і назад і ўсё спрабаваў нешта знайсці ці зразумець. Ён як быццам шукаў адказ на неіснуючае пытанне. Ён сам не ведаў, чаго хацеў. Потым ён дастаў усё з кішэні: запальніцу, дзве сігарэты і змучаны пашпарт, з якога выпалі падробленыя апякунскія дакументы. У іх будаўнік заўважыў цікавае падабенства. Прозвішча хворага — Бернічэнка, а прозвішча самога Iгара адрознівалася толькі адной літарай — Вернічэнка Igar. Верагодна, чыясыці недарэчная памылка карэнным чынам змяніла жыццё чалавека. Адна літара вызначыла лёс сям'і. Здаецца, пакуль шарлатан быў упэўнены, што абхітрыць увесь свет, свет абхітрыць яго самога.

У фургоне выключылі святло, і Igarok застаўся сам-насам са сваім адкрыццём. Яму было вельмі страшна. Ён толькі што ледзь не забіў свайго патэнцыйнага бацьку. У той жа час ён баяўся нават думаць пра магчымае бацькоўства. Рознае бывала ў яго жыцці, але такое ўзрушэнне ён адчуваў упершыню. Igar Вернічэнка ўсю ноч пракручваў у галаве

найти или понять. Он как будто искал ответ на несуществующий вопрос. Он сам не знал, чего хотел. Затем он достал все из кармана: зажигалку, две сигареты и измученный паспорт, из которого выпали поддельные опекунские документы. В них строитель заметил интересное сходство. Фамилия больного — Берниченко, а фамилия самого Игоря отличалась лишь одной буквой — Верниченко Игорь. Вероятно, чья-то глупая опечатка коренным образом изменила жизнь человека. Одна буква решила судьбу семьи. Похоже, пока шарлатан был уверен, что перехитрит весь мир, мир перехитрил его самого.

В фургоне выключили свет, и Игорек остался наедине со своим открытием. Ему было очень страшно. Он только что чуть не убил своего потенциального отца. В то же время он боялся даже думать о возможном отцовстве. Всякое бывало в его жизни, но такое потрясение он испытывал впервые. Игорь Верниченко всю ночь прокручивал в голове тот монолог Николая Петровича Берниченко. Мысль о том, что это был его отец, с каждой минутой крепчала в сознании бедолаги. Он сделался таким потерянным и беззащитным, как маленький ребенок, которого очень сильно обидели. Игоря обидела судьба. Ведь он не виноват в том, что родился не вовремя. Он также не виноват в том, что семья его родителей не состоялась. Чем он заслужил свое сиротство? И чем заслужил еще больший удар — обретение одного из родителей, отца? Несчастный человек совершенно ничего не понимал. Его душили слезы счастья и глубокой обиды. Ком в горле вызывал физическую боль. Его просто сковало чувство тоски.

Игорь точно знал только одно. Утром он непременно отправится к Петровичу. Так он и поступил.

Дверь у Николая Петровича, видимо, была открыта со вчерашнего дня. В квартире было холодно, несмотря на уличный зной. На кухне стояли чашки с чаем, над

той маналог Мікалая Пятровіча Бернічэнкі. Думка пра тое, што гэта быў яго бацька, з кожнай хвілінай мацнела ў свядомасці небаракі. Ён зрабіўся такім разгубленым і безабаронным, як маленькае дзіцё, якое вельмі моцна пакрыўдзілі. Ігара пакрыўдзіў лёс. Бо ён не вінаваты ў тым, што нарадзіўся не ў час. Ён таксама не вінаваты ў тым, што сям'я яго бацькоў не склалася. Чым ён заслужыў сваё сіроцтва? І чым заслужыў яшчэ большы ўдар — знайсці аднаго з бацькоў, бацьку? Няшчасны чалавек нічога не разумеў. Яго душылі слёзы шчасця і глыбокай крываў. Камяк у горле выклікаў фізічны боль. Яго проста скавала пачуццё тугі.

Ігар дакладна ведаў толькі адно. Раніцай ён абавязкова адправіцца да Пятровіча. Так ён і паступіў.

Дзверы ў Мікалая Пятровіча, мабыць, былі адчынены з учараашняга дня. У кватэры было холадна, нягледзячы на вулічную спёку. На кухні стаялі кубкі з чаём, над імі лёталі мухі. Было неяк цёмна і цяжка. Цішыня душыла чалавека. Ігар увайшоў у пакой і ўбачыў на канапе бледнае цела Мікалая Пятровіча. Яго твар быў сумным, на ім не было шчаслівай усмешкі чалавека, які памёр сваёй смерцю. Мабыць, таму што ён так і не паспей зразумець, што нашчадак у яго ўсё-такі ёсць. Ён не дажыў да сваёй смерці зусім крыху — яму не хапіла ўсяго пары слоў, адной простай праўды. Да яго ўласнай смерці заставалася ўсяго адна сустрэча.

ними летали мухи. Было как-то тускло и тяжело. Тишина давила на человека. Игорь вошел в комнату и увидел на диване бледное тело Николая Петровича. Его лицо было грустным, на нем не было блаженной улыбки человека, который умер своей смертью. Вероятно, потому что он так и не успел понять, что наследник у него все-таки есть. Он не дожил до своей смерти совсем немного — ему не хватило всего пары слов, одной простой истины. До его собственной смерти оставалась всего одна встреча.

Алина Осокіна

Аліна Асокіна

Алина Осокина родилась 15 июня 1991 года. Живет в Ульяновске. Работает в Ульяновской областной национальной библиотеке «Дворец книги».

Аліна Асокіна нарадзілася 15 чэрвеня 1991 года. Жыве ва Ульянаўску. Працуе ва Ульянаўскай абласной навуковай бібліятэцы «Палац кніг».

ДО ПЕРВОГО СНЕГА

Субботний городской рынок пах яблоками, луком и грибами. Год выдался урожайным, особенно на грибы. Говорят, примета плохая. Еще поговорка есть такая в народе: «Много грибов — много гробов».

И какие только грибы не томились в корзинах: белые, подберезовики, рыжики, маслята.

— Откуда грибы, мужики? — интересовался дед у продавцов.

— Из Павловки, — пробасил один из мужчин.

— Издалека, значит. А у нас в Сосновке рыжики до первого снега. Мы их по кромке леса, по сосняку берем. А дальше — тайга. Зайдешь ненароком далеко — и выйдешь где-нибудь под Омском. Года три назад один так забрел — до сих пор ищут.

— Дед, ты либо бери что-нибудь, либо проваливай, а то торговать мешаешь, — перебил его мужчина.

— Да куда мне их девать? В том году насолила старуха моя бочку грибов да слегла. Целый год по больницам мается.

— Ну так иди к своей старухе, не мешайся.

Дед Кузьмич пошамкал беззубым ртом, пытаясь что-то еще сказать, и побрел шаркающей походкой в сторону автостанции.

— До Сосновки когда ближайший автобус, дочка? — спросил Кузьмич у грудастой кассирши.

— На информационном стенде расписание смотрите. Я вам не справочное бюро, — отрезала она и закрыла окошко.

ДА ПЕРШАГА СНЕГУ

Суботні гарадскі рынак пах яблыкамі, цыбуляй і грыбамі. Год выдаўся ўраджайным, асабліва на грыбы. Кажуць, прыкмета дрэннаяя. Яшчэ прымалка ёсць такая ў народзе: «Много грибов — много гробов».

І якія толькі грыбы не нудзіліся ў копыках: белыя, падбярозавікі, рыжыкі, маслякі.

— Адкуль грыбы, мужыкі? — цікавіўся дзед у прадаўцоў.

— З Паўлаўкі, — прабасіў адзін з мужчын.

— Здалёк, значыць. А ў нас у Сасноўцы рыжыкі да першага снегу. Мы іх па ўскрайку лесу, па сасонніку бяром. А далей — тайга. Зойдзеш незнарок далёка — і выйдзеш дзенебудзь пад Омскам. Гады тры назад адзін так зайшоў — дагэтуль шукаюць.

— Дзед, ты або бяры што-небудзь, або правальвай, а то гандляваць замінаеш, — перабіў яго мужчына.

— Да куды мне іх падзець? У тым годзе насаліла старая мая бочку грыбоў ды злегла. Цэлы год па бальніцах мучыцца.

— Ну дык ідзі да сваёй старой, не замінай.

Дзед Кузьміч пашамакаў бяззубым ротам, спрабуючы нешта яшчэ сказаць, і пашпоргай у бок аўтастанцыі.

— Да Сасноўкі калі аўтобус, дачка? — спытаў Кузьміч у грудатай касіркі.

— Глядзіце расклад на інфармацыйным стэндзе. Я вам не бюро даведак, — адрэзала яна і зачыніла акенца.

— Да я ж без акуляраў не бачу, — дзед паспеў кінуць услед і паплёніўся да суседняга акенца, дзе з цяжкасцю вырваў запаветны квіток.

— Да я ведь без очков не вижу, — успел кинуть вдогонку дед и поплелся к соседнему окошку, где с трудом вырвал заветный билет.

К станции подошел пыхтящий «пазик». Кузьмич влез в автобус и приземлился на свободное сидение рядом с молоденькой девушкой.

— А ты, дочка, куда едешь — в гости или домой? — спросил он у соседки, но та не ответила, уставившись в экран мобильного телефона. — А я вот в городе лет двадцать не был, пока старуха моя не заболела. Уже год каждый месяц в больницу ее вожу. Тяжело ей лечение идет, совсем плохая стала моя Матрёна. А врачи эти городские так судят: если человек старый, так его лечить и не надо, сам, дескать, помрет. Мне одна врачиха так прямо и сказала: «Взять с тебя, дед, нечего, и со старухи твоей». Я, когда первый раз в той больнице оказался, так ничего найти не мог. Все только ругаются: «Чего, дед, растележился?!» А я говорил Матрёне: «Зачем тебе эта больница? Лучше уж дома травками да молитвами. Сколько Бог даст, столько и протянешь». Но она у меня упрямая, говорит: «Лечиться буду, не хочу помирать». А теперь ослабла совсем, лежит, стонет. Быстрей бы Бог прибрал ее. Сил нет смотреть, как мучается. Только бы до первого снега похоронить успели, а то мерзлую землю тяжело копать. Изматерятся мужики, что померла старуха не вовремя. Дочка, ты слушаешь? — он дотронулся до локтя соседки.

Та вздрогнула и, вынув наушники из ушей, спросила:

— Дедушка, вы что-то сказали? Ой, простите, мне уже выходить пора.

Она вскочила и вышла на ближайшей остановке, несколько раз обернувшись на странного деда.

Кузьмич пододвинулся к окошку и стал оглядываться в поиске нового собеседника. Позади него сидела грузная женщина в красной шляпе с большими полями. Кузьмич повернулся к ней.

Да станцыі пыхаючы падышоў «пазік». Кузьміч улез у аўтобус і прызямліўся на свабоднае сядзенне побач з маладзенчай дзяўчынай.

— А ты, дачка, куды едзеши — у гості ці дахаты? — спытаў ён у суседкі, але тая не адказала, утаропіўшыся ў экран мабільнага тэлефона. — А я вось у горадзе гадоў дваццаць не быў, пакуль старая мая не захварэла. Ужо год кожны месяц у бальніцу яе важу. Цяжка ёй лячэнне ідзе, зусім блага маёй Матроне стала. А ўрачы гэтыя гарадскія так мяркуюць: калі чалавек стары, дык яго і лячыць не трэба, сам, маўляў, памрэ. Мне адна ўрачыха так проста і сказала: «Узяць з цябе, дзед, няма чаго, і са старой тваёй». Я, калі першы раз у той бальніцы апынуўся, дык нічога знайсці не мог. Усе толькі лаюцца: «Чаго, дзед, растапырыўся?!» А я казаў Матроне: «Навошта табе гэтая бальніца? Лепш ужо дома зёлачкамі ды малітвамі. Колькі Бог дасць, столькі і працягнеш». Але ж яна ў мяне ўпартая, кажа: «Лячыцца буду, не хачу паміраць». А зараз саславела зусім, ляжыць, стогне. Хутчэй бы Бог прыбраў яе. Няма сіл глядзець, як мучыцца. Толькі б да першага снегу пахаваць паспелі, а то мерзлую зямлю цяжка капаць. Папалаюцца мужыкі, што памерла старая не ў час. Дачка, ты слухаеш? — ён дакрануўся да локця суседкі.

Тая ўздрыгнула і, выняўшы навушнікі з вушэй, спытала:

— Дзядуля, вы нешта сказали? Ой, прабачце, мне ўжо трэба выходзіць.

Яна падхапілася і выйшла на бліжэйшым прыпынку, некалькі разоў азірнуўшыся на дзіўнага дзеда.

Кузьміч падсунуўся да акенца і стаў аглядзіцца ў пошуку новага суразмоўцы. За ім сядзела мажная жанчына ў чырвоным шаракаполым капелюшы. Кузьміч павярнуўся да яе.

— Старуха моя в больнице городской лежит, так я навещать ее ездил, — только начал он, как женщина его перебила.

— Ой, и не говорите! В этих больницах просто звери какие-то работают! Я вот пришла как-то раз в свою поликлинику, меня в регистратуре в двести первый кабинет отправили. Подхожу я к этому кабинету, а там очередь в километр. Ну я, значит, просидела часа два, потом вхожу, а мне врачиха, такая горластая, говорит: «Вам в другой кабинет». Ну я пошла в другой кабинет, а там тоже очередь. Ну тут уж я ждать не стала, влетела в кабинет, а мне все кричат: «Женщина, куда без очереди!» А там медсестра одна, фифа такая, сидит и тычет красным маникюром мне в талончик: «Вам в другой кабинет». Ну уж тут я не выдержала и пошла к заведующей. А той на месте нет, мне говорят: «Она на третьем этаже, на комиссии». Ну я туда, а ее и там нет. В общем, гоняли меня по этажам, пока я эту заразу не поймала. Она, оказывается, чай там пила.

Кузьмич все время хотел что-то вставить, но женщина не дала ему ни малейшего шанса. Подъехали к указателю на Сосновку. Дед вылез из автобуса и не спеша побрел в сторону деревни. Куда ему было спешить? Кто ждал его дома? Только старая шавка Жучка да корова Машка.

Кузьмич родился в Сосновке и всю жизнь прожил в деревне. Там жили его деды и прадеды, там же на соседней улице жила Матрёна. Когда стукнуло им по восемнадцать, родители поженили их, по-своему, по-соседски договорившись. Вот только долгое время не было у них детей. И какими только слухами не полнилась земля, и чего только не пробовала Матрёна, даже веточки вербы в доме прятала. И ведь помогло, а может, само собой получилось, но через десять лет родила Матрёна пухлого здорового карапуза. Сергеем назвали. В честь деда по матери. Кузьмич уезжал из Сосновки дальше города лишь однажды — когда служил в ар-

— Старая мая ў бальніцы гарадской ляжыць, дык я яе праведаць ездзіў, — толькі пачаў ён, як кабета яго перабіла.

— Ой, і не кажыце! У гэтых бальніцах праста звяры нейкія працуюць! Я вось неяк раз прыйшла ў сваю паліклініку, мянэ ў рэгістратуры ў дзвесце першы кабінет адправілі. Падыходжу я да гэтага кабінета, а там чарга ў кіламетр. Ну, я, значыць, прасядзела гадзіны дзве, потым уваходжу, а мне ўрачыха, такая гарластая, кажа: «Вам у іншы кабінет». Ну, я пайшла ў іншы кабінет, а там таксама чарга. Ну, тут ужо я чакаць не стала, улящела ў кабінет, а мне ўсе крычаць: «Жанчына, куды без чаргі?!» А там медсястра адна, фіфа такая, сядзіць і тыкае чырвоным манікюрам мне ў талончык: «Вам у іншы кабінет». Ну, ужо тут я не вытрымала і пайшла да загадчыцы. А той на месцы няма, мне кажуць: «Яна на трэцім паверсе, на камісіі». Ну, я туды, а яе і там няма. Такім чынам, ганялі мянэ па паверхах, пакуль я гэту заразу не злавіла. Яна, аказваецца, чай там піла.

Кузьміч увесе час хацеў нешта ўставіць, але кабета не дала яму ні маленечкага шанцу. Пад'ехалі да паказальніка на Сасноўку. Дзед вылез з аўтобуса і не спяшаючыся паплёўся ўбок вёскі. Куды яму было спяшацца? Хто чакаў яго дома? Толькі старая кудла Жучка ды карова Машка.

Кузьміч нарадзіўся ў Сасноўцы і ўсё жыццё пражыў у вёсцы. Там жылі яго дзяды і працёдзы, там жа на суседній вуліцы жыла Матронна. Калі стукнула ім па васямнаццаць, бацькі пажанілі іх, па-свойму, па-суседску дамовіўшыся. Вось толькі доўгі час не было ў іх дзяцей. І якімі толькі чуткамі не поўнілася зямля, і чаго толькі не спрабавала Матронна, нават галінкі вярбы ў хаце хавала. І дапамагло, а можа, сама сабою атрымалася, але праз дзесяць гадоў нарадзіла Матронна пульхнага здаровага карапуза. Сяргеем назвалі. У гонар дзеда па маці.

мии под Архангельском. А вот Сергей после школы не захотел в деревне оставаться и рванул в мореходку. Теперь служит где-то под Мурманском. Взрослый мужик уже, а ни семьи, ни детей.

Путь к дому лежал через кладбище. Покосившиеся деревянные кресты торчали из земли, как сгорбленные старушки. И все кресты Кузьмич знал наизусть. Здесь были похоронены его родители, здесь же покоились близкие и дальние родственники. Все чаще смотрел Кузьмич на кресты и думал: а что останется после него на земле? Только крест, и то если сын сподобится поставить, иначе так и останется безымянным холмиком под березой.

Он подошел к дому.

— Кузьмич! — позвал его сосед. — В город, что ли, ездил?

— В больнице был у старухи своей.

— Как там тетя Матрёна?

— А! — Кузьмич махнул рукой. — Все одно от этого лечения толку никакого, мучение одно. Быстрей бы уж отмучилась. На рынке был: грибов там — во! — он провел ладонью по лбу. — Я бы тоже в лесу походил, да куда мне одному. А ты ходил по грибы?

— Нет. Я это дело не очень уважаю. Может, за рыжиками и схожу. Я больше уток стрелять люблю.

— А я свое отстрелял уж давно. Глаза не те, да и ружье я продал.

Послышалось протяжное, как заводской гудок, мычание коровы.

— Это Машка, — оживился Кузьмич, — с утра не доенная. Говорил я старухе: «Куда нам корова? Давай продадим ее». А та — ни в какую. Держится за эту корову, как за душу грешную. А Машке уже десятый год.

— Ну так зарежь ее и не мучайся.

Кузьміч выязджаў з Сасноўкі далей горада толькі аднойчы — калі служыў у войску пад Архангельскам. А вось Сяргей пасля школы не захацеў у вёсцы заставацца і рвануў у мараходку. Зараз служыць недзе пад Мурманскам. Сталы мужык ужо, а ні сям'і, ні дзяцей.

Дарога да хаты ляжала праз могілкі. Драўляныя крыжы пакрываліся і тырчалі з зямлі, як згорбленыя старыя. І ўсе крыжы Кузьміч ведаў на памяць. Тут былі пахаваны яго бацькі, тут жа спачывалі блізкія і далёкія сваякі. Усё часцей глядзеў Кузьміч на крыжы і думаў: а што застанецца пасля яго на зямлі? Толькі крыж — калі сын спадобіцца паставіць, інакш так і застанецца безназоўным узгорачкам пад бярозай.

Ён падышоў да хаты.

— Кузьміч! — паклікаў яго сусед. — У горад ездзіў, ці што?

— У бальніцы быў у старой сваёй.

— Як там цётка Матронай?

— А! — Кузьміч махнуў рукой. — Усё адно ад гэтага лячэння толку ніякага, пакуты толькі. Хутчэй бы ўжо адмучылася. На рынку быў: грыбоў там — во! — ён правёў да-лонню па лбе. — Я б таксама ў ляску пахадзіў, ды куды мне аднаму. А ты хадзіў у грыбы?

— Не. Мне гэта не вельмі падабаецца. Можа, за рыжыкамі і схаджу. Я больш на качак паляваць люблю.

— А я сваё адстравляў ужо даўно. Вочы не тыя, дый стрэльбу я прадаў.

Пачулася працяглае, як заводскі гудок, мычанне каровы.

— Гэта Машка, — ажыўся Кузьміч, — з ранку не доеная. Казаў я старой: «Куды нам карова? Давай прадамо яе». А тая — нізавонта. Трымаеца за гэту карову, як за душу грэшную. А Машы ўжо дзясятъ год.

- Как же я ее зарежу? Она ведь нам со старухой как родная стала.
- Смешной ты, дед. Ни разу корову, что ли, не резал?
- Резал, а эту вот жалко.
- Хочешь, я тебе помогу?
- Не надо пока. Пусть до первого снега доживет.
- Ну, смотри. Если что — зови.

Кузьмич открыл скрипучую, как груженая телега, калитку. Навстречу кинулась Жучка, заливаясь лаем и крутя обрубком хвоста. Дед потрепал шавку по холке и вошел в дом. Было пусто и тихо, как в склепе.

Никогда Кузьмич не знал женской домашней работы: ни стирки, ни уборки, ни готовки, ни дойки. А как Матрёна слегла, так пришлось все делать самому. Он взял ведро и пошел в хлев к Машке.

В последнее время корова мало ела и плохо доилась, наверно, от старости или от тоски. После дойки дед погладил Машку по теплому лбу и начал рассказывать о всех злоключениях, которые случились с ним в городе. Корова смотрела такими умными глазами, как будто все понимала, только ответить не могла, лишь молча мотая головой.

Всю ночь Машка выла как резаная, не давая спать ни хозяину, ни соседям. Утром пришлось вызывать ветеринаршу — фигуристую девицу с нарощенными ресницами и крашеными волосами.

- Болеет ваша корова, — заключила девица, осмотрев животное. — Это как у человека рак, так и у коров.

- А это точно? — взмолился дед в надежде, что ветеринарша изменит диагноз.

- Точно только в городе после анализов скажут. Не бесплатно, разумеется, — отрезала девица.

- Ну дык зарэж яе і не мучся.
— Як жа я яе зарэжу? Яна ж нам са старой як родная стала.
— Смешны ты, дзед. Ні разу карову не рэзаў, ці што?
— Рэзаў, а гэту вось шкада.
— Хочаш, я табе дапамагу?
— Не трэба пакуль. Хай да першага снегу дажыве.
— Ну, глядзі. Калі што — паклічаш.

Кузьміч адкрыў рыплівую, як гружены воз, брамку. Насустрach кінулася Жучка, заліваючыся брэхам і круцячы абрубкам хваста. Дзед патрапаў кудлу па шыі і ўвайшоў у хату. Было пуста і ціха, як у склепе.

Ніколі Кузьміч не ведаў жаночай хатнай працы: ні мыцця бялізны, ні прыбірання, ні гатавання ежы, ні дойкі. А як Матрона злегла, дык давялося ўсё рабіць самому. Ён узяў вядро і пайшоў у хлеў да Машкі.

У апошні час карова мала ела і кепска дайлася, пэўна, ад старасці ці ад нуды. Пасля дойкі дзед пагладзіў Машку па цёплым ілбе і пачаў рассказваць пра ўсе нягody, якія здарыліся з ім у горадзе. Карова глядзела такімі разумнымі вачыма, як быццам усё разумела, толькі адказаць не магла, моўчкі матала галавой.

Усю ноч Машка выла як рэзаная, не даючы спаць ні гаспадару, ні суседзям. Раніцай прыйшлося выклікаць ветэрынарку — фігуристую дзяўчыну з нароччанымі вейкамі і пафарбаванымі валасамі.

— Хварэе ваша карова, — зрабіла выснову дзяўчына, агледзеўшы жывёліну. — Гэта як у чалавека рак, так і ў кароў.

— А гэта дакладна? — уклончыў дзед у надзеі, што ветэрынарка зменіць дыягназ.

— Так лечить ее чем? Ты таблетки какие-нибудь выпиши или уколы.

— Какие таблетки? Какие уколы? — ветеринарша исподлобья взглянула на деда, взмахивая ресницами. — Корову забить нужно, и как можно скорее. Вон как мучается скотина.

Вторую больную Кузьмич вынести уже не мог. И где это Машка только подхватила такую заразу?

Решено было покончить со всем сразу. Кузьмич позвал соседа.

— Ты только постараися резко все сделать, чтобы она не мучилась, — просил дед.

— Ладно, — процидил сосед.

Пока он точил нож, Кузьмич решил попрощаться с коровой.

— Ты прости меня, Машка, что так получилось, — говорил дед, глядя ее по холке. Он решил последний раз взглянуть в большие черные глаза и увидел там слезы. Все она понимала, все чувствовала.

Сосед подошел к корове с ножом. Еще секунда — и все! А может, Матрёна до сих пор жива только благодаря Машке? Может, она лежит там, в городе, в больнице и думает, как вернется к своей корове, как будет сжимать мозолистыми руками соски ее вымени, как потреплет ее по холке и скажет: «Молодец, Машка». Нет, не может он просто так убить корову!

— Стой! — крикнул Кузьмич.

Сосед опустил нож.

— Пусть живет сколько сможет. Не могу я. Понимаешь?

— А ну тебя! — сосед махнул рукой. — Странный ты, дед, честное слово!

— Вот поживи с мое, тогда, может, и поймешь.

Кузьмич и сам не понимал, почему ему так невыносимо, до боли в груди, стало жалко Машку. Но он почему-то верил, что пока жива корова, будет жить и Матрёна.

— Дакладна толькі ў горадзе пасля аналізаў скажуць. Не задарма, вядома, — адрэзала дзяўчына.

— Даўк лячыць яе чым? Ты таблеткі якія выпішы ці ўколы.

— Якія таблеткі? Якія ўколы? — ветэрынарка спадылба глянула на дзеда, узмахваючы вейкамі. — Карову забіць трэба, і як мага хутчэй. Вунь як мучыцца скаціна.

Другую хворую Кузьміч вынесці ўжо не мог. І дзе гэта Машка толькі падхапіла такую заразу?

Вырашыў скончыць з усім адразу. Кузьміч паклікаў суседа.

— Ты толькі паспрабуй рэзка ўсё зрабіць, каб яна не мучылася, — прасіў дзед.

— Добра, — працадзіў сусед.

Пакуль ён вастрыў нож, Кузьміч вырашыў развітацца з каровай.

— Ты прабач мяне, Машка, што так атрымалася, — казаў дзед, гладзячы яе па шыі.

Ён вырашыў у апошні раз зазірнуць у вялікія чорныя вочы і ўбачыў там слёзы. Усё яна разумела, усё адчувала.

Сусед падышпой да каровы з нажом. Яшчэ секунда — і ўсё! А можа, Матрона дагэтуль жывая толькі дзякуючы Машцы? Можа, яна ляжыць там, у горадзе, у бальніцы і думае, як вернецца да сваёй каровы, як будзе сціскаць мазольнымі рукамі смочки яе вымія, як патрэпле яе па шыі і скажа: «Малайчына, Машка». Не, не можа ён проста так забіць карову!

— Стой! — крикнуў Кузьміч.

Сусед апусціў нож.

— Хай жыве колькі зможа. Не магу я. Разумееш?

— А ну цябе! — сусед махнуў рукой. — Дзіўны ты, дзед, чэснае слова!

— Вось пажыві з маё, тады, можа, і зразумееш.

Через три дня корова сдохла. Ночью, чтобы никого не беспокоить. А утром позвонили из больницы и сообщили, что Матрёна скончалась.

Хоронили ее на кладбище всей деревней — теперь уже не разберешь, где родня, а где просто соседи. Из воинской части, где служил сын, прислали ответ на телеграмму, что он на учениях в море и приехать никак не сможет.

В сырой холмик воткнули крест с черной табличкой, поп из соседнего села прочитал молитву над могилой, да и разошлись все по домам, добром поминая усопшую. Только Кузьмич остался и все причитал, глядя на черную табличку:

— А я ведь говорил мужикам, чтобы ближе к березе могилу копали, а они ни в какую. Сказали, что дерево потревожат. А я все боюсь, что когда меня хоронить будут, чтобы могилку твою не потревожили. Я Сереге телеграмму дал, а он не приехал, шельмец. Учения у него. Может, по весне теперь приедет. И как же ты теперь оставила меня, Матрёна? Ведь прожили мы с тобой полвека вместе, и прожили хорошо. Ну, ругались, как все. Куда ж без этого? Ты там замолви за меня словечко, чтобы прибрали поскорее. Сил нет одному маяться. И за Машку прости, что не сберег корову твою. Вот ведь как вышло.

А дома стояла гнетущая тишина, только во дворе раскатисто лаяла глупая шавка, гоняясь за своим хвостом. И все напоминало о Матрёне: швейная машинка, кастрюли, гора незаштопанного белья, недовязанный свитер для сына и ведро с прокисшим молоком, которое никак руки не доходили вылить.

— Как же я теперь буду один? Последнее потерял, — все время причитал Кузьмич.

Справили поминки. Потом девять дней, потом сорок, все как положено. А после Кузьмич слег. В ноябре нежданно-негаданно приехал сын Сергей, повез отца в городскую больницу. Там сказали, что у Кузьмича опухоль здоровенная, та-

Кузьміч і сам не разумеў, чаму яму так невыносна, да болю ў грудзях, стала шкада Машку. Але ён чамусыці верыў, што пакуль карова жывая, будзе жыць і Матрона.

Праз тры дні карова здохла. Ноччу, каб нікога не турбаваць. А раніцай патэлефанавалі з бальніцы і паведамілі, што Матрона сканала.

Хавалі яе на могілках усёй вёскай — зараз ужо не разбярэш, дзе радня, а дзе праста суседзі. З вайсковай часці, дзе служыў сын, даслалі адказ на тэлеграму, што ён на вучэннях у моры і прыехаць ніяк не зможа.

У сырый ўзгорачак уваткнулі крыж з чорнай таблічкай, поп з суседняга сяла прачытаў малітву над магілай, ды і разышліся ўсе па хатах, дабром успамінаючы памерлую. Толькі Кузьміч застаўся і ўсё галасіў, гледзячы на чорную таблічку:

— А я ж казаў мужыкам, каб бліжэй да бярозы магілу капалі, а яны ні ў якую. Сказаі, што дрэва патурбуюць. А я ўсё баюся, што калі мяне хаваць будуць, каб магілку тваю не патурбавалі. Я Сяргею тэлеграму даў, а ён не прыехаў, шэльма. Вучэнні ў яго. Можа, вясной цяпер прыедзе. І як жа ты цяпер мяне пакінула, Матрона? Мы ж пражылі з табой паўвека разам, і пражылі добра. Ну, сварыліся, як усе. Куды ж без гэтага? Ты там замоў за мяне слоўца, каб прыбралі хутчэй. Сіл няма аднаму мучыцца. І за Машку прабач, што не збярог карову тваю. Вось жа як выйшла.

А дома стаяла гнятлівая ціпрыня, толькі ў двары гулка брахала дурная кудла, ганяючыся за сваім хвастом. І ўсё напамінала пра Матрону: швейная машынка, каструлі, гары незацыраванай бялізны, недавязаны світар для сына і вядро з пракіслым малаком, якое ніяк рукі не даходзілі выліць.

— Як жа я цяпер буду адзін? Апошняе страсціў, — увесь час галасіў Кузьміч.

кую даже лечить не стоит. Вернулись в деревню, а через неделю Кузьмич умер, в бреду повторяя:

— Только бы до первого снега...

Похоронили его рядом с Матрёной. Сын проследил, чтобы могилу не потревожили. И вырос на кладбище новый крест, и стало в деревне крестов больше, чем людей. А ночью выпал первый снег, припорошив сырую землю, и еще пару недель грибники находили в лесу рыжики.

Зладзілі памінкі. Потым дзеўяць дзён, потым сорак, усё як трэба. А пасля Кузьміч злёг. У лістападзе нечакана-негадана прыехаў сын Сяргей, павёз бацьку ў гарадскую бальніцу. Там сказалі, што ў Кузьміча вялізна пухліна, такую нават лячыць не мае сэнсу. Вярнуліся ў вёску, а праз тыдзень Кузьміч памёр, у трызненні паўтараючы:

— Толькі б да першага снегу...

Пахавалі яго побач з Матронай. Сын прасачыў, каб магілу не патурбавалі. І вырас на могілках новы крыж, і стала ў вёсцы крыжоў больш, чым людзей. А ноччу выпаў першы снег, прыцерушыўшы сырную зямлю, і япчэ пару тыдняў грыбнікі знаходзілі ў лесе рыжыкі.

Яна Павлова

Яна Паўлава

Яна Павлова родилась 25 мая 1993 года. Студентка Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола). С 2015 года регулярно публикуется в литературно-художественном журнале Марий Эл «Литера» с короткой прозой. Лауреат Международного творческого конкурса «Медицинские истории» (2015), дипломант IV Международного конкурса прозаических миниатюр «Колибри-2016», лауреат Международного творческого конкурса «Не в деньгах счастье» (2017), победитель (1-е место) Всероссийского конкурса «Золотое перо» в номинации «Проза» (г. Саранск, 2018), победитель конкурса «Творческие инициативы молодежи» (2018) в номинации «История и литература» с проектом «Пушкин в VK».

Яна Паўлава нарадзілася 25 мая 1993 года. Студэнтка Марыйскага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Йашкар-Ала). З 2015 года рэгулярна публікуецца ў літаратурна-мастацкім часопісе Марый Эл «Літера» з кароткай прозай. Лаўрэат Міжнароднага творчага конкурсу «Медыцынскія гісторыі» (2015), дыпламант IV Міжнароднага конкурсу празаічных мініяцюр «Калібры-2016», лаўрэат Міжнароднага творчага конкурсу «Не ў грошах і часце» (2017), пераможца (1-е месца) Усерасійскага конкурсу «Залатое пяро» ў намінацыі «Проза» (г. Саранск, 2018), пераможца конкурсу «Творчыя ініцыятывы моладзі» (2018) у намінацыі «Гісторыя і літаратура» з праектам «Пушкін у VK».

СОПРИЧАСТНОСТЬ

1.

Письмо пришло во вторник: огромный конверт не поместился в почтовый ящик, и почтальон свернула его надвое. Осторожно выудив надутый пакет, Михаил и не подумал взглянуть на строчку «Отправитель», заполненную круглым бисерным почерком, а сразу занервничал; казалось, внутри кроется что-то опасное, угрожающее, быть может, задолженности по счетам, или штрафы, или что-то другое, не менее неприятное. Однако содержимое письма, к удивлению Миши, который никогда не был любимчиком фортуны, заключало в себе не что иное, как сообщение о выигранном конкурсе.

— Я выиграл гра-а-ант! Гра-ант! — трубка кричала так громко, что даже старый дед встрепенулся.

— Чёво? — трескуче спрашивал он. — Чёво случилось, что ли?

— Умница, милый! — мать перекрикивала и деда, и телевизор, который он смотрел. — Давай я выйду на улицу, ладно? Тут ничего не слышно!

Захлебываясь детским, наивным счастьем, Миша рассказывал матери о громовой победе на конкурсе молодежных проектов: это был первый в его жизни самостоятельный грант, и заявку на него он писал тоже сам, и ни одна живая душа не знала о ней, потому что в Мише внезапно проснулись языческие предрассудки, нашептывающие, что лучше раньше времени ничего никому не говорить, чтобы не сглазили.

Проект у Михаила был исторический: он хотел рассказать всему миру о военной блокаде Ленинграда, потому что никто из его окружения (а это были люди

ДАТЫЧНАСЦЬ

1.

Ліст прыйшоў у аўторак: велізарны канверт не ўмясціўся ў паштовую скрыню, і паштальёнка склала яго напалам. Асцярожна вывудзішы надзьмыты пакет, Міхаіл і не падумаў зірнуць на радок «Адпраўшчык», запоўнены круглым пацеркавым почыркам, а адразу занерваваўся; здавалася, усярэдзіне тоеца нешта небяспечнае, пагрозлівае, можа быць, запазычанасці па рахунках, або штрафы, ці нешта іншае, не менш непрыемнае. Аднак змест ліста, да здзіўлення Мішы, які ніколі не быў любімчыкам фартуны, змяшчай у сабе не што іншае, як паведамленне аб выйграным конкурсе.

— Я выйграў гра-а-ант! Гра-ант! — трубка крычала так гучна, што нават стары дзед страпянінуўся.

— Чаго? — траскуча пытаўся ён. — Здарылася чаго, ці што?

— Малайчына, мілы! — маці перакрыквала і дзеда, і тэлевізар, які ён глядзеў. — Давай я выйду на вуліцу, добра? Тут нічога не чуваць!

Захлынаючыся дзіцячым, наўным шчасцем, Міша распавядала маці пра грамавую перамогу на конкурсе маладзёжных праектаў: гэта быў першы ў яго жыцці самастойны грант, і заяўку на яго ён пісаў таксама сам, і ні адна жывая душа не ведала пра яе, таму што ў Мішу раптоўна прачнуліся паганская забабоны, якія нашэпталі, што лепш раней часу нічога нікому не казаць, каб не сурочылі.

Праект у Міхаіла быў гістарычны: ён хацеў расказаць усюму свету пра ваенную блакаду Ленінграда, таму што ніхто з яго акружэння (а гэта былі людзі інтэлігентныя і пава-

интеллигентные и уважаемые) особо ничего о ней не знал, кроме сухих цифр (в лучшем случае), и это раздражало, ведь умирали-то не цифры, а люди, настоящие, из крови и плоти, с чувствами и мыслями.

Сама идея родилась полгода назад, когда он вечером, по обыкновению, открыл первую попавшуюся книгу, которая оказалась дневником старого солдата, прошедшего блокаду и погибшего где-то в недрах Европы, и, читая, проникся до того, что чуть не заплакал. Записи были очень пронзительными и при этом фактографическими, что добавляло им еще больше пронзительности. Не сумев остановиться, Миша копнул дальше, и услужливый Гугл подкинул ему несколько похожих изданий. Утром Михаил, пересилив себя и с трудом оторвавшись от «Детской книги войны», отправился на работу и в перерыве дежурно заглянул на преподавательскую кафедру. Именно этот момент он считал началом своего головокружительного взлета.

— Напиши заявку, на вот тебе, читай, — на ходу бросила заведующая, — чтоб послезавтра была готова.

Она сунула ему в руки Положение о конкурсе молодежных проектов. Вчитываясь в буквы, плывущие перед усталыми глазами, Миша продирался сквозь debris бюрократического языка и ничего не понимал, потому что в словах «цель», «задачи», «аудитория», «методы», «реализация» не было ни намека на живую материю. Буквы были глуповато выпуклыми, без засечек, что оскорбляло взгляд любителя изящной типографики. «Наверное, так читать проще, но ведь некрасиво», — некстати мелькнуло в голове Михаила. Он был устроен так, что отзывался только на зов жизни; черствый язык, на котором писали документы, не обладал свойством живого, но что-то внутри Миши зашевелилось, и он упорно перечитывал Положение, пока его смысл не стал прозрачным и ясным, и тогда тесный, маленький мирок Миши настигла великая, едва помещающаяся в нем идея.

жаныя) асабліва нічога пра яе не ведаў, акрамя сухіх лічбаў (у лепшым выпадку), і гэта раздражняла, бо паміралі не лічбы, а людзі, сапраўдныя, з крыві і плоці, з пачуццямі і думкамі.

Сама ідэя нарадзілася паўгода назад, калі ён вечарам, як звычайна, адкрыў першую кнігу, якая трапіла ў руکі. Гэта быў дзённік старога салдата, які прайшоў блакаду і загінуў дзесяці ў нетрах Еўропы, і пакуль чытаў, пранікся да таго, што ледзь не заплакаў. Запісы былі вельмі пранізлівымі і пры гэтым фактаграфічнымі, што дадавала ім яшчэ больш пранізлівасці. Не здолеўшы спыніцца, Міша капнуў далей, і паслужлівы Гугл падкінуў яму некалькі падобных выданняў. Раніцай Міхаіл, пераадолеўшы сябе і з цяжкасцю адарваўшыся ад «Дзіцячай кнігі вайны», адправіўся на працу і ў перапынку дзяжурна зазірнуў на выкладчыцкую кафедру. Менавіта гэты момант ён лічыў пачаткам свайго галавакружнага ўзлёту.

— Напішы заяўку, на вось табе, чытай, — на хаду кінула загадчыца, — каб паслязаўтра была гатовая.

Яна сунула яму ў рукі Палажэнне аб конкурсе маладзёжных праектаў. Учытваючыся ў літары, што плылі перад стомленымі вачыма, Міша прадзіраўся праз нетры бюракратычнай мовы і нічога не разумеў, таму што ў словах «мэта», «задачы», «аўдыторыя», «метады», «реалізацыя» не было ні намёку на жывую матэрыю. Літары былі дурнавата выпуклымі, без засечак, што зневажала погляд аматара вытанчанай тыпографікі. «Напэўна, так чытаць прасцей, але ж непрыгожа», — недарэчы мільганула ў галаве Міхаіла. Ён быў уладкованы так, што адгукаўся толькі на покліч жыцця; чэрствая мова, на якой пісалі дакументы, не валодала ўласцівасцю жывога, але штосьці ўнутры Мішы заварушылася, і ён упартая перачытваў Палажэнне, пакуль яго сэнс не стаў празрыстым

2.

«Сегодня важный день, важный день», — бормотал Миша и старательно сбивал редкие волосы над верхней губой. «Очень-очень важный», — нервно продолжал бубнить он, пока завтракал и одевался в темные джинсы и белую рубашку поло, чтобы выглядеть одновременно представительно и неформально. Встав перед зеркалом, Михаил на мгновение испугался: ему показалось, будто оттудаглядит на него незнакомый изможденный парень с красными кроличьими глазами, какие он часто видел у студентов, но это было лишь отражение самого Миши, который снова не спал; он читал дневник маленькой девочки, которая то ли от страха, то ли от безысходности во время голодной блокады в Ленинграде начала на обрывках бумаги со скрупулезностью товароведа записывать, что ела семья. Он пришел на полчаса раньше и подкрался к читальному залу, борясь с диким желанием сбежать — и пусть они тут разбираются как хотят, а он скажет, что трубы дома прорвало или матери в деревне срочно понадобилась помощь; но, покачав головой в знак величайшей глупости этой мысли, он сделал десять глубоких вдохов — таких, что голова закружилась, — и потянул дверь на себя.

— В общем, в чем суть... — начал Миша неуклюже, забыв поздороваться.

Он всегда волновался, когда говорил перед публикой, а сегодня особенно, потому что перед ним сидела вся кафедра и две или три группки перешептывающихся студентов. Михаил никогда в жизни не говорил перед таким количеством людей; его рекордным числом слушателей были пятнадцать бледных, не желающих получать знания первокурсников, к которым он так привык, что больше их не боялся.

і ясным, і тады цесны, маленькі свет Мішы напаткала вялікая ідэя, якая ледзь змяшчалася ў ім.

2.

«Сёння важны дзень, важны дзень», — мармытаў Мішы і старанна збрываў рэдкія валасы над верхній губой. «Вельмі-вельмі важны», — нервова працягваў бубніць ён, пакуль снедаў і апранаўся ў цёмныя джынсы і белую рубашку пола, каб выглядаць адначасова прадстаўніча і нефармальна. Устаўшы перад люстэркам, Міхаіл на імгненне спалохаўся: яму падалося, быццам адтуль глядзіць на яго незнайомы знясілены хлопец з чырвонымі трусінамі вачымі, якія ён часта бачыў у студэнтаў, але гэта было толькі адлюстраванне самога Мішы, які зноў не спаў; ён чытаў дзённік маленькай дзяўчынкі, якая ці то ад страху, ці то ад бязвыходнасці падчас галоднай блакады ў Ленінградзе пачала на абрыўках паперы са скрупулёзнасцю таваразнаўцы запісваць, што ела сям'я.

Ён прыйшоў на паўгадзіны раней і падкрайці да чытальнай залы, змагаючыся з дзікім жаданнем збегчы — і няхай яны тут разбіраюцца як хочуць, а ён скажа, што трубы дома прарвала або маші ў вёсцы тэрмінова спатрэбілася дапамога; але, паматаўшы галавой у знак найвялікшага глупства гэтай думкі, ён зрабіў дзесьць глыбокіх удыхаў — такіх, што галава закружылася, — і пацягнуў дзвёры на сябе.

— Увогуле, у чым сутнасць... — пачаў Мішы нязграбна, забыўшыся прывітацца.

Ён заўсёды хваляваўся, калі гаварыў перад публікай, а сёння асабліва, таму што перад ім сядзела ўся кафедра і дзве ці тры групкі студэнтаў, якія перашэптваліся. Міхаіл ніколі

Нервозности прибавлял тот факт, что молодому преподавателю чрезвычайно трудно было передать гениальность замысла, которую он чувствовал, но не мог облечь в правильные слова и страдал от этой несовершенности.

— Проект «Блокада» — это своего рода социальная сеть, только ненастоящая, ее имитация. Внешне все выглядит так же, как в известной всем «ВКонтакте». В «Блокаде» создано около пятидесяти аккаунтов людей, живших в Ленинграде во время военной блокады и оставивших нам какие-то записи: дневники, стихи, заметки, все что угодно. Ежедневно каждый из этих людей как будто делает пост (на самом деле это делает админ, конечно, то есть я), — Михаил робко улыбнулся, но никто не поддержал его — только заведующая, которая коротко кивнула и, поглядывая на дверь, явно собираясь куда-то уйти. — Например, девочка Света в своем дневнике двенадцатого апреля сорок второго года пишет, что на обед она ела половину картошки и стакан чая, и именно двенадцатого апреля в социальной сети появится эта запись. Понимаете? — Миша торжественно обвел взглядом не поддающий признаков жизни зал, — ощущение причастности... Вот вы просыпаетесь двадцать второго июня, заходите на сайт, а там мама Светы пишет, что артобстрел начался, и аудиозапись воющих снарядов прикрепляет. У вас разве сердце от этого не болит?

Скудные аплодисменты раздались только после неловкого: «Ну, вот, в общем-то, и все», — и студенты, загомонив, понеслись к выходу.

— Я бездарь, — жаловался Миша начальнице, — некоторые так говорят... Так... А я... Да меня даже никто не слушал!

— Студентам всегда все равно, и ты это знаешь. Их просто сняли с пары, чтобы набрать людей. А преподаватели тебя внимательно выслушали, и я тоже, — спокойно ответила заведующая. — Не расстраивайся, проект — это не жизнь. Надо

ў жыцці не гаварыў перад такой колькасцю людзей; яго рэкордным лікам слухачоў былі пятнаццаць бледных першакурснікаў, якія не жадалі атрымліваць веды. Ён так да іх прывык, што больш іх не баяўся.

Нервовасці дадаваў той факт, што маладому выкладчыку надзвычай пяжка было перадаць геніяльнасць задумы, якую ён адчуваў, але не мог выказаць правільнымі словамі і пакутаваў ад гэтай недасканаласці.

— Праект «Блакада» — гэта своеасаблівая сацыяльная сетка, толькі несапраўдная, яе імітацыя. Знешне ўсё выглядае так жа, як у вядомай усім «ВКонтакте». У «Блакадзе» створана каля пяцідзесяці акаўнтаў людзей, якія жылі ў Ленінградзе падчас ваеннай блакады і пакінулі нам якія-небудзь запісы: дзённікі, вершы, нататкі, усё што заўгодна. Штодня кожны з гэтых людзей як быццам робіць пост (на самай справе гэта робіць адмін, канечне, гэта значыць я), — Міхаіл ня смела ўсміхнуўся, але ніхто не падтрымаў яго — толькі загадчыца, якая коратка кіўнула і, пазіраючы на дзвёры, яўна збіралася кудысьці пайсці. — Напрыклад, дзяўчынка Света ў сваім дзённіку дванаццатага красавіка сорак другога года піша, што на абед яна ела палову бульбіны і шклянку чаю, і менавіта дванаццатага красавіка ў сацыяльнай сетцы з'явіцца гэты запіс. Разумееце? — Міша ўрачыста абвёў поглядам залу без ніякіх прыкмет жыцця, — адчуванне датычнасці... Вось вы прачынаецца дваццаць другога чэрвеня, заходзіце на сайт, а там мама Светы піша, што артабстрэл пачаўся, і аўдыёзапіс віску снарадаў прымапоўвае. Хіба у вас сэрца ад гэтага не баліць?

Скупыя апладысменты пачуліся толькі пасля няёмкага: «Ну, вось, здаецца, і ўсё», — і студэнты, загаманіўшы, панесліся да выхаду.

просто поставить птицегалку, понимаешь? И сделать так, чтобы все показатели в отчете совпали с теми, которые ты напланировал. Как у тебя, кстати, с отчетом?

— Ну, нормально, сделал уже.

— Вот и правильно, — она встала и, положив руку на плечо Михаила, повела его к двери, — если что, обращайся. Чем смогу.

Выпроводив воспитанника, она тут же забыла о нем: из кабинета раздавался ее деловой, звонкий не по годам голос, решающий какие-то кафедральные проблемы, которые без ее участия превратились бы в настоящие катастрофы. Поняв, что она переключилась на свои дела, Миша снова ощущил себя одиноким, и от этого острее почувствовал лихорадочное желание завершить проект с блеском и сделать так, чтобы все узнали о нем, прониклись и пожелали сделать что-то столь же прекрасное и простое, полезное. «Телевидение, разговоры с политиками... Как вы придумали идею? Кто помогал вам в реализации? О, это было озарение, проблеск гениальности, если позволите. И никто не помогал, я все придумал и сделал сам. И оглушительные аплодисменты... Почему они не обращают внимания на НЕГО? Почему они не печатают новости про НЕГО? Как же это обидно... Неправильно...»

3.

Он читал до самого рассвета, пока тяжелая голова не упала на подушку и не закрыла опухшие от усталости веки, погружая хозяина в бесспокойное состояние сна, в котором он ощущал себя все менее и менее причастным к реальности.

— Я бездар, — скардзіўся Міша начальніцы, — некаторыя так гавораць... Так... А я...
Ды мяне нават ніхто не слухаў!

— Студэнтам заўсёды ўсё роўна, і ты гэта ведаеш. Іх праста знялі з пары, каб набраць людзей. А выкладчыкі цябе ўважліва выслушалі, і я таксама, — спакойна адказала загадчыца. — Не сумуй, праект — гэта не жыццё. Трэба праста паставіць птушкагалку, разумееш? І зрабіць так, каб усе паказчыкі ў справаздачы супалі з тымі, якія ты напланаваў. Як у цябе, дарэчы, са справаздачай?

— Ну, нармальна, зрабіў ужо.

— Вось і правільна, — яна ўстала і, паклаўшы руку на плячо Міхаіла, павяла яго да дзвярэй, — калі што, звяртайся. Чым змагу.

Выправадзіўшы выхаванца, яна тут жа забылася пра яго: з кабінета чуўся яе дзелавы, звонкі не па гадах голас, які вырашаў нейкія кафедральныя праблемы, якія без яе ўдзелу ператварыліся б у сапраўдныя катастрофы. Зразумеўшы, што яна пераключылася на свае справы, Міша зноў адчуў сябе адзінокім і ад гэтага вастрэй адчуў ліхаманкавае жаданне завяршыць праект з бліскам і зрабіць так, каб усе даведаліся пра яго, пранікліся і пажадалі зрабіць штосьці такое ж прыгожае і простае, карыснае. «Тэлебачанне, размовы з палітыкамі... Як вы прыдумалі ідэю? Хто дапамагаў вам у рэалізацыі? О, гэта было азарэнне, пробліск геніяльнасці, калі дазволіце. І ніхто не дапамагаў, я ўсё прыдумаў і зрабіў сам. І аглушальныя апладысменты... Чаму яны не звяртаюць увагі на ЯГО? Чаму яны не друкуюць навіны пра ЯГО? Як жа гэта крыўдна... Няправільна...»

Михаил лежал на полу в теплом, наполненном солнцем доме, сладко поджав колени к животу и положив руки под голову. Дом был деревянным, пах смолой и свеженарубленными дровами. Миша огляделся и увидел уютные светящиеся столбы пыли, напомнившие ему о собственном доме, в котором он вырос. Нарушив ностальгическую магию момента, в эту сонную действительность прорвался детский восторженный крик, далекий, как вопли чайки над морем, слышные с берега:

— Мама! Мама! Папа хлеб принес! Четыреста граммов! Мама! — в комнату впорхнула девчушка лет семи или даже шести, худенькая, костиистая, с двумя косичками, прыгающими на спине.

На ней было серое платье из жесткой ткани, очевидно, хлопковое; на косичках болтались куцые бантики; лицо было широким, с ярко выраженным склоном. Подскакивая, девчушка бежала прямо на Мишу, а приблизившись, проскочила сквозь незваного гостя, будто его там и не было.

4.

Потрясение было настолько сильным, что настоящий Миша, а вернее, его тело опасно подвинулось на край кровати и, не удержавшись, с грохотом обрушилось на пол. Сновидец вскочил и бросился прыжком на кухню греть чайник и успокаивать руки, трясущиеся после удивительно осознанного ночного видения.

— Надо меньше читать дневников, — шепнул он, умываясь, своему отражению. Отпив себя чаем до вполне вменяемого состояния, Миша решил, что это к лучшему — поможет быстрее и гармоничнее слиться с тем временем, опробовать его

3.

Ён чытаў да самага рання, пакуль цяжкая галава не ўпала на падушку і не заплюшчыла апухлыя ад стомы павекі, апускаючы гаспадара ў неспакойны сон, у якім ён адчуваў сябе ўсё менш і менш датычным да рэальнасці.

Міхайл ляжаў на падлозе ў цёплым, напоўненым сонцам доме, салодка падціснуўшы калені да жывата і паклаўшы руکі пад галаву. Дом быў драўляным, пах смалой і свежанарубленымі дровамі. Міша агледзеўся і ўбачыў утульныя слупы пылу, якія свяціліся і нагадвалі яму пра ўласны дом, у якім ён вырас. Парушыўшы настальгічную магію моманту, у гэтую сонную рэчаіснасць прарваўся дзіцячы захоплены крык, далёкі, як крыкі чайкі над морам, чутныя з берага:

— Мама! Мама! Тата хлеб прынёс! Чатырыста грамаў! Мама! — у пакой упыхнула дзяўчынка гадоў сямі ці нават шасці, худзенькая, капчавая, з дзвюма касічкамі, якія скакаклі на спіне.

На ёй была шэршая сукенка з жорсткай тканіны, відаць, баваўняная; на касічках бўталіся куртатыя банцікі; твар быў шырокім, з ярка выражанымі скуламі. Падскокваючы, дзяўчынка бегла прама на Мішу, а наблізіўшыся, праскочыла скр诏ь няпрошанага госца, быццам яго там і не было.

4.

Узрушэнне было настолькі моцным, што сапраўдны Міша, а дакладней, яго цела небяспечна пасунулася на край ложка і, не ўтрымаўшыся, з грукатам абринулася на падлогу.

на себе, а значит, суметь передать остальным. Определившись с чувствами по поводу сна, он снова принялся за чтение, которое занимало теперь почти все его время, свободное от работы.

Только настойчивый звонок начальницы вывел Мишу из состояния транса, в который он впал, пытаясь одушевить в собственной фантазии мир, описанный в дневнике маленькой девочки и виденный во сне. Первая пара давно началась, а студенты, честно прождав преподавателя пятнадцать минут, отправились в деканат. Скоро начнется вторая, к которой Миша явно уже не успеет. Трубка долго и возмущенно говорила об ответственности и безответственности, что сама она ни разу в жизни не опоздала на занятия, даже в то время, когда ее сын был таким маленьким, что не умел ходить.

— А мне нельзя отпуск? — виновато попросил Миша, стоя уже перед самой заведующей. — На пару недель хотя бы.

— Нельзя, — снова начала заводиться она, — нельзя! Начало года, кто будет вести твоих студентов? Все заняты!

По дороге домой Миша с едва заметным чувством вины думал о том, что прогул и выговор сейчас не особенно его волнуют, хотя он всегда гордился гипертрофированным чувством ответственности. За время учебы Михаил не пропустил ни одного занятия, даже когда серьезно грипповал, да и в течение первого года работы, до этой осени, на каждую пару приходил раньше студентов. Теперь это качество незаметно для своего обладателя растворилось в чем-то более значительном, хранящемся глубоко в подсознании и вырывавшемся наружу, позволяя себя разглядеть лишь во сне, и все его существо, забыв о жизни, к которой он никогда не имел особых претензий, стремилось к ночи, когда, закрыв глаза, Михаил погружался в ту ленинградскую реальность, вычитанную в книжке.

Снавідзец ускочыў і кінуўся напрамкі на кухню грэць чайнік і супакойваць рукі, якія дрыжалі пасля дзіўнага ўсвядомленага начнога мроіва.

— Трэба меніп чытаць дзённікаў, — шапнунуў ён, умываючыся, свайму адлюстраванню. Адпаіўшы сябе чаэм да цалкам прытомнага стану, Міша вырапыў, што гэта да лепшага — дапаможа хутчэй і больш гарманічна зліцца з тым часам, паспытаць яго на сабе, а значыць, здолець перадаць астатнім. Вызначыўшыся з пачуццямі, якія выклікаў сон, ён зноў узяўся за чытанне, якое займала зараз амаль увесь яго вольны ад працы час.

Толькі настойлівы званок начальніцы вывеў Мішу са стану трансу, у які ён упаў, спрабуючы ажывіць ва ўласнай фантазіі свет, апісаны ў дзённіку маленъкай дзяўчынкі і бачаны ў сне. Першая пара даўно пачалася, а студэнты, сумленна прачакаўшы выкладчыка пятнаццаць хвілін, адправіліся ў дэканат. Хутка пачнецца другая, да якой Міша, відаць, ужо не паспее. Трубка доўга і абурана гаварыла аб адказнасці і безадказнасці, што сама яна ні разу ў жыцці не спазнілася на заняткі, нават у той час, калі яе сын быў такім маленъкім, што не ўмёў хадзіць.

— А ці можна мне адпачынак? — вінавата папрасіў Міша, стоячы ўжо перад самай зарадчыцай. — На пару тыдняў хаця б.

— Нельга, — зноў пачала заводзіцца яна, — нельга! Пачатак года, хто будзе весці тваіх студэнтаў? Усе занятыя!

Па дарозе дадому Міша з ледзь прыкметным пачуццём віны думаў пра тое, што прагул і вымова зараз не асабліва яго хвалююць, хоць ён заўсёды ганарыўся гіпертрафіраваным пачуццём адказнасці. Падчас вучобы Міхаіл не прапусціў ніводнага занятку, нават калі сур'ёзна грыпаваў, ды і на працягу першага года працы, да гэтай восені, на кожную пару

5.

Семейство собралось за квадратным деревянным столом, все держали в руках большие столовые ложки. Наконец вошла мать, неся в руках дымящуюся кастрюлю. Сначала она разлила по маленькому половнику двум своим детям, потом — мужу и себе. Бабушка, бывшая при них, смущенно улыбалась: ей не наливали суп; вместо этого на ее тарелочке лежала ложка вареной крупы, приправленная небольшим количеством масла.

— Гера, — сказала мать и убрала за ухо прядку волос, спадающую на лицо, открав торчащие скулы, обтянутые кожей, — сегодня идешь за хлебом, я дам карточки. Стой сколько сможешь.

— Угу, — кивнул большой, на вид совершенно здоровый парень.

Миша тяжело встал с деревянного облитого солнечным светом пола и прошел на кухню, не имея больше сил глядеть на этот обед. Увидев кастрюльку побольше, он наклонился над ней и ощутил тянувший, кислый запах клейстера, который еще мама в детстве разводила, и они потом обои на него сажали.

— Чая дают двенадцать грамм в месяц на одного, — говорила мать как будто никому, уставясь в одну ей ведомую точку где-то напротив окна, — яиц не дают. Что дают, там очередь, человек по сто, я вчера с четырех утра стояла до вечера и ничего не достала...

6.

Кафедра отмечала День учителя: на столе стояли тарелки с колбасой, сыром, вяленым мясом, овощами и фруктами. Между тарелок, лавируя, аккуратно вме-

прыходзіў раней за студэнтаў. Зараз гэта якасць непрыкметна для свайго ўладальніка растала ў нечым больш значным, што захоўвалася глыбока ў падсвядомасці і вырывалася вонкі, дазваляючы сябе разгледзець толькі ў сне, і ўся яго істота, забыўшыся пра жыццё, да якога ён ніколі не меў асаблівых прэтэнзій, імкнулася да ночы, калі, заплюшчыўшы вочы, Міхаіл паглыбліўся ў ту ю ленінградскую рэальнасць, прачытаную ў кніжцы.

5.

Сямейства сабралася за квадратным драўляным сталом, усе трymалі ў руках вялікія столовыя лыжкі. Нарэпце ўвайшла маці, несучы ў руках кастрюлю, з якой падымалася пара. Спачатку яна разліла па маленькім чарпаку двум сваім дзесяцям, потым — мужу і сабе. Бабуля, якая была пры іх, сарамліва ўсміхалася: ёй не налівалі суп; замест гэтага на яе талерачцы ляжала лыжка вараных круп, прыпраўленая невялікай колькасцю масла.

— Гера, — сказала маці і прыбрала за вуха пасмачку валасоў, якая спадала на твар, адкрыўшы выпіраочныя скулы, абцягнутыя скурай, — сёння ідзе за хлебам, я дам картачкі. Стой колькі зможаш.

— Угу, — кінёуў вялікі, з выгляду зусім здаровы хлопец.

Міша цяжка ўстаў з драўлянай аблітай сонечным святлом падлогі і прайшоў на кухню, не маючы больш сіл глядзець на гэты абед. Убачыўшы каструльку паболей, ён нахіліўся над ёю і адчуў цягучы, кіслы пах клейстару, які яшчэ мама ў дзяцінстве разбаўляла, і яны потым шпалеры на яго садзілі.

щались бутылки спиртного. Вокруг стола толпились люди, громко и весело переговариваясь.

— О, заходи, дорогой! — заведующая подбежала к Михаилу, стремительно приобняла его и потащила к столу. — Давай посиди с нами!

Миша, упираясь, вспомнил семейство, которое ело по три ложки супа, и не смог проглотить досаду:

— Спасибо, я не ем такую еду. А вам советую вспомнить голодную блокаду или африканских детей, если прошлое вас не интересует.

Недоуменные лица обратились к нему, и в комнате установилась почтительная тишина. Некоторые женщины едва заметно улыбались, одна откровенно хихикала, уткнувшись носом в бокал «Советского шампанского», а заведующая нахмурилась и, положив на плечо Миши тяжелую руку, властно направила его в сторону пустого кабинета.

— Что с тобой происходит? — устало спросила она, когда они остались одни.

— Я готовлю проект...

— Проект уже готов, — с нажимом на слово «уже» сказала она.

— Вы не понимаете, они же суп из клея ели...

— Да, это впечатляет, но не означает, что мы должны голодать, — раздраженно заметила начальница. — Знаешь что? Отдохни неделю, я попрошу кого-нибудь заменить тебя.

Миша пришел домой опустошенный, с почти неуловимым ощущением совершённой ошибки. Сунувшись в ящик письменного стола, где хранилась огромная черная папка, предназначенная для отчета по гранту, он внезапно обнаружил, что папка пуста, хотя вплоть до настоящей минуты был искренне убежден, что отчет — всеобъемлющий, страниц так на сто — был готов еще пару месяцев назад.

— Чаю даюць дванаццаць грам у месяц на аднаго, — казала маці як быццам нікому, утаропячыся ў адну ёй вядомую кропку недзе насупраць акна, — яек не даюць. Што даюць, там чарга, чалавек па сто, я ўчора з чатырох раніцы стаяла да вечара і нічога не дастала...

6.

Кафедра адзначала Дзень настаўніка: на стале стаялі талеркі з каўбасой, сырам, вяленым мясам, гароднінай і фруктамі. Паміж талерак, манеўруючы, акуратна ўмяшчаліся бутэлькі спіртнога. Вакол стала тоўпіліся людзі, гучна і весела пераговорваючыся.

— О, заходзь, дарагі! — загадчыца падбегла да Міхаіла, імкліва прыабняла яго і пацягнула да стала. — Давай пасядзі з намі!

Міша, упіраючыся, успомніў сямейства, якое ела па тры лыжкі супу, і не змог праглынуць прыкрасць:

— Дзякуй, я не ем такую ежу. А вам раю ўспомніць галодную блакаду ці афрыканскіх дзяцей, калі мінулае вас не цікавіць.

Неўразумелыя твары павярнуліся да яго, і ў пакоі ўсталявалася пачцівая цішыня. Некаторыя жанчыны ледзь прыметна ўсміхаліся, адна адкрыта хіхікала, утыкнуўшыся носам у келіх «Савецкага шампанскага», а загадчыца нахмурылася і, паклаўшы на плячо Мішу цяжкую руку, уладна скіравала яго ў бок пустога кабінета.

— Што з тобой робіцца? — стомлена спытала яна, калі яны засталіся адны.

— Я рыхтую праект...

«Приснилось, что ли? Может, и сейчас сплю? А вдруг весь этот грант — сон? Просто меня машина сбила, и я в коме лежу...» Миша отупело смотрел на сиротливую папку, которая способна была вместить в себя целую диссертацию.

«Я идиот, — обреченно шептал он, — полный, конченый идиот. Интересно, если я не сдам отчет, что будет — суд? Деньги заставят вернуть, это понятно, а еще? Напишут везде, что вот такой-то взял деньги и облажался? Интересно, с работы уволят или нет? И куда я тогда пойду? На кассу? Грузчиком?»

Миша крепко задумался: подготовить полновесный отчет за неделю, а тем более во время отпуска, было ему вполне по силам, однако какая-то часть Михаила знала, что он не сделает этого. Увидев на столе брошенную книгу, эта часть ощутила страстное, непреодолимое желание открыть ее, прочесть хоть строчку, и Миша застонал от бессильного гнева.

— Это не я, не тот я, который я, а какой-то другой, которому на все плевать, и он только плятится в свой компьютер, чтобы сделать очередной пост от имени маленькой Светы, и читает книгу про Свету, одну и ту же книгу каждую ночь...

Миша глядел в глаза изможденному, бледному парню и жевал корку черного хлеба, специально, чтобы понять, а смог бы он выжить в голодном, обстреливаемом городе или нет, назло всем этим преподавателям, пирующим на кафедре, и назло всему миру, который не заметил Мишин проект и продолжал вертеться, как прежде. Хлеб был черствый, невкусный, и живот урчал, требуя нормальной еды, но Михаил был непреклонен.

— Праект ужо гатоў, — з націскам на слова «ўжо» сказала яна.

— Вы не разумееце, яны ж суп з клею елі...

— Так, гэта ўражвае, але не азначае, што мы павінны галадаць, — раздражнёна зазначыла начальница. — Ведаеш што? Адпачні тыдзень, я папрашу каго-небудзь падмяніць цябе.

Міша прыйшоў дадому спустошаны, з амаль няўлоўным адчуваннем зробленай памылкі. Сунуўшыся ў шуфлядку пісьмовага стала, дзе захоўвалася велізарная чорная папка, прызначаная для справаздачы па грэнце, ён рагтам выявіў, што папка пустая, хоць аж да гэтай хвіліны быў шчыра перакананы, што справаздача — усёхопная, старонак гэтак на сто — была гатовая яшчэ пару месяцаў назад. «Прыснілася, ці што? Можа, і цяпер сплю? А рагтам увесь гэты грант — сон? Проста мяне машына збіла, і я ў коме ляжу...» Міша атупела глядзеў на сіратлівую папку, якая здольная была змясціць у сабе цэлуу дысертацыю.

«Я ідыёт, — безнадзейна шаптаў ён, — поўны, кончаны ідыёт. Цікава, калі я не здам справаздачу, што будзе — суд? Грошы прымусіць вярнуць, гэта зразумела, а яшчэ? Напішуць усюды, што вось такі ўзяў грошы і аблажаўся? Цікава, з працы звольняць ці не? І куды я тады пайду? На касу? Грузчыкам?»

Міша моцна задумаўся: падрыхтаваць паўнаважкую справаздачу за тыдзень, а tym больш падчас адпачынку, было яму цалкам па сілах, аднак нейкая частка Міхаіла ведала, што ён не зробіць гэтага. Убачыўшы на стале кінутую книгу, гэта частка адчула палкае, непераадольнае жаданне раскрыць яе, прачытаць хоць радок, і Міша застагнаў ад бяссільнага гневу.

7.

Света бегала по дому и кого-то звала. «Фимка! Фимка!» — кричала девочка и начала плакать, поняв, что Фимка не отзовется. Миша догадался, что речь о животном, но он не видел раньше в этом доме ни кошки, ни собаки.

Вышел из спальни опухший Герка и, едва шевеля толстенными ногами, потащился в сторону кухни. Поглядывая на хныкающую Свету, Миша не без сожаления пошел за ним. В кухне мать, вытирая слезы, орудовала ножом. Миша видел ее со спины и подумал, что она где-то достала лук.

— Мам? — негромко спросил Герка, но ответа не дождался. — Не плачь, мам. Может, нас тоже эвакуируют, ведь Герасимовых увозят, уже послезавтра...

Женщина, с сутулой, но решительной спиной, нервно шмыгнула носом и бросила ему страшным голосом, не поворачиваясь:

— Уйди!

8.

— Конференция! Финальная! — шепеляво скандировал Миша перед зеркалом, стоя с зубной щеткой во рту. — Я расскажу всем про Свету, и ее маму, и ее кошку, и брата!

— Я должен быть первоклассным оратором! — громко, чеканно, будто стихи Маяковского, звучали в омертвевшей квартире слова Михаила. — Надо написать речь — вдохновляющую! яркую! чтобы прям до дна достала! — и выучить ее наизусть, так, чтобы, разбуди меня кто среди ночи, я бы ка-ак выдал ее! Без

— Гэта не я, не той я, які я, а нейкі іншы, якому на ўсё пляваць, і ён толькі таращыцца ў свой камп'ютар, каб зрабіць чарговы пост ад імя маленькай Светы, і чытае книгу пра Свету, адну і туую ж книгу кожную ноч...

Міша глядзеў у вочы знясіленаму, бледнаму хлопцу і жаваў скарынку чорнага хлеба, спецыяльна, каб зразумець, змог бы ён выжыць у галодным горадзе, які абстрэльваецца, ці не, насуперак усім гэтым выкладчыкам, якія балююць на кафедры, і насуперак усяму свету, які не здзяйсніў Мішын праект і працягваў круціцца, як і раней. Хлеб быў чэрствы, нясмачны, і жывот бурчаў, патрабуючы нармальнай ежы, але Міхаіл быў непахісны.

7.

Света бегала па дому і некага клікала. «Фімка! Фімка!» — кричала дзядзьчынка і пачала плакаць, зразумеўши, што Фімка не адгукнецца. Міша здагадаўся, што гаворка пра жывёлу, але ён не бачыў раней у гэтым доме ні кошкі, ні сабакі.

Выйшаў са спальні апухлы Герка і, ледзь варушачы таўшчэзнымі нагамі, пацягнуўся ў бок кухні. Паглядаючы на Свету, якая хныкала, Міша не без шкадавання пайшоў за ім. У кухні мадці, выпіраючы слёзы, арудавала нажом. Міша бачыў яе са спіны і падумаў, што яна недзе дастала лук.

— Мам? — нягучна спытаў Герка, але адказу не дачакаўся. — Не плач, мам. Можа, нас таксама эвакуіруюць, бо Герасімавы ад'язджаюць, ужо паслязаўтра...

Жанчына, з гарбаватай, але рапучай спінай, нервова шморгнула носам і кінула яму страшным голасам, не паварочваючыся:

— Ідзі адсюль!

запинки! Надо договориться с Большой библиотекой, чтобы они разрешили провести конференцию у них. Надо принести книги с собой и зачитать несколько самых пронзительных мест. Обязательно взять цитаты из Светиного дневника, а еще можно для контраста зачитать дневник мальчика, чтобы не только женский взгляд...

Долгие часы он сидел за столом и выводил карандашом на белых альбомных листах план своей речи. Выходило не так гладко, пронзительно и сопричастно. Речь была похожа на жалкие потуги глупого мальчишки поведать миру истину, которой он в жизни никогда не видел. Этот мальчишка, который писал речь, напоминал Мише пластиковую фигурку, точную копию мраморного изваяния, которая думает, что она настоящая. Злясь на себя и проявление, не давшее ему таланта вдохновлять людей, Миша грыз корку черного хлеба и упрямо писал, прерываемый лишь урчанием собственного живота.

Он остановился, только когда безумная голова упала на стол, и в реальность проникло сновидение. Миша, вопреки своему ожиданию, не увидел ни полюбившегося ему залитого солнцем дома, ни пыли, играющей в столбах света, ни семьи, которая успела стать ему родной. Только плачущие глаза маленькой девочки, пронзительно глядящие на него из черноты ночи. Казалось, они о чем-то говорили, но Миша не мог догадаться, что хотела сказать ему Света.

Сон оставил после себя тяжелое ощущение беспокойства. Снедаемый страхом и предчувствием неотвратимой катастрофы, дрожа, Миша позвонил в библиотеку и договорился об аренде большого читального зала.

8.

— Канферэнцыя! Фінальная! — шаплява скандзіраваў Міша перад люстэркам, стоячы з зубной шчоткай у роце. — Я раскажу ўсім пра Свету, і яе маму, і яе кошку, і брата!

— Я павінен быць першакласным прамоўцам! — гучна, чаканна, быццам вершы Маякоўскага, гучалі ў апусцелай кватэры словаў Міхаіла. — Трэба напісаць прамову — натхняльную! яркую! каб ажно да дна дастала! — і вывучыць яе на памяць, так, каб, пабудзі мяне хто сярод ночы, я б я-ак выдаў яе! Без запінкі! Трэба дамовіцца з Вялікай бібліятэкай, каб яны дазволілі правесці канферэнцыю ў іх. Трэба прынесці книгі з сабой і зачытаць некалькі самых праніzlівых месцаў. Абавязкова ўзяць цытаты са Свецінага дзённіка, а яшчэ можна для контрасту зачытаць дзённік хлопчыка, каб не толькі жаночы погляд...

Доўгія гадзіны ён сядзеў за столом і выводзіў алоўкам на белых альбомных лістах план сваёй прамовы. Выходзіла не так гладка, праніzlіва і датычна. Прямова была падобна на жаласныя патугі дурнога хлапчука распавесці свету праўду, якой ён у жыцці ніколі не бачыў. Гэты хлапчук, які пісаў прамову, нагадваў Мішы пластыковую фігурку, дакладную копію мармуровай статуі, якая думае, што яна сапраўдная. Злуючыся на сябе і провід, што не даў яму таленту натхняць людзей, Міша грыз скарынку чорнага хлеба і ўпарты пісаў, перапыняла толькі буркатацьне ўласнага жывата.

Ён спыніўся, толькі калі ўтрапёная галава ўпала на стол, і ў рэальнасць пракраўся сон. Міша, насуперак свайму чаканню, не ўбачыў ні ўпадабанага ім залітага сонцам дома, ні пылу, што гуляе ў слупах святла, ні сям'і, якая паспела стаць яму роднай. Толькі заплачаныя очы маленькай дзяўчынкі, што праніzlіва глядзелі на яго з чарнаты ночы.

9.

— Мы собрались здесь сегодня, чтобы почтить память ленинградцев, оказавшихся в кольце вражеских войск в период с сорок первого по сорок четвертый год. Я разработал исторический проект, который позволит каждому из вас погрузиться в то время.

Он говорил долго и красочно, взмахивая руками, вскакивая со стула, начиная возбужденно ходить по сцене. Выученные строки такочно въелись в его память, что ни одна случайность не могла заставить его забыть хоть слово.

— К сожалению, мое поколение ничего не знает о той эпохе, разве что простые факты. В сорок первом блокада началась, а в сорок четвертом она закончилась. Люди умирали от голода. Вот, пожалуй, и все. Но разве этого достаточно? — проревел он, и зал ответил эхом. — Разве это раскрывает всю суть той страшной национальной катастрофы? Нет! — оглушительно громко крикнул Миша.

На крик возникли, будто из ниоткуда, служащие библиотеки и робко встали у дверей, не решаясь пройти.

— У вас Михаил Правдин работает? — начальница библиотеки опасливо шептала в трубку. — Приезжайте скорей, он, кажется, с ума сошел, я «скорую» и милицию уже вызвала.

Миша кланялся и повторял: «Да! Именно так! Мой проект — настоящая гордость страны! Никто так, как я, не смог показать людям всю горькую правду той страшной национальной катастрофы! Спасибо! Спасибо, что вы пришли!»

— Что случилось? — тихо спросила застывшая в дверях запыхавшаяся женщина.

— Он снял зал для конференции. Сказал, народу будет человек сто. Ну, мы тоже пришли, а тут... — начальница библиотеки развела руками, — по сцене скачет, руками машет, кричит, а в зале-то никого нет...

Здавалася, яны пра нешта казалі, але Міхась не мог здагадацца, што хацела сказаць яму Света.

Сон пакінуў пасля сябе цяжкае адчуванне непакою. Яго з'ядаў страх і прадчуванне непазбежнай катастрофы, дрыжучы, Міхаіл патэлефанаваў у бібліятэку і дамовіўся аб арэндзе вялікай чытальняй залы.

9.

— Мы сабраліся тут сёння, каб ушанаваць памяць ленінградцаў, якія апынуліся ў коле варожых войскаў у перыяд з сорак першага па сарок чацвёрты год. Я распрацаваў гістарычны праект, які дазволіць кожнаму з вас паглыбіцца ў той час.

Ён гаварыў доўга і малюніча, узмахваючы рукамі, ускокваючы з крэсла, пачынаючы ўзбуджана хадзіць па сцэне. Вывучаныя радкі так трывала ўеліся ў яго памяць, што ніводная выпадковасць не магла прымусіць яго забыць хоць слова.

— На жаль, маё пакаленне нічога не ведае пра ту ў эпоху, хіба што простыя факты. У сорак першым блакада пачалася, а ў сорак чацвёртым яна скончылася. Людзі паміралі ад голаду. Вось, мабыць, і ўсё. Але хіба гэтага дастаткова? — прароў ён, і зала адказала рэхам. — Хіба гэта раскрывае ўсю сутнасць той страшнай нацыянальнай катастрофы? Не! — агульшальна гучна крыкнуў Міша.

На крык уznіклі, быццам з ніадкуль, служачыя бібліятэкі і нясмела ўсталі ля дзвярэй, не адважваючыся прайсці.

— У вас Міхал Праўдзін працуе? — начальніца бібліятэкі баязліва шаптала ў трубку. — Прывяджайце хутчэй, ён, здаецца, з глузду з'ехаў, я «хуткую» і міліцыю ўжо выклікала. Міхась кланяўся і паўтараў: «Гак! Менавіта так! Мой праект — сапраўдны гонар краіны! Ніхто так, як я, не змог паказаць людзям усю горкую праўду той страшнай нацыянальнай катастрофы! Дзякую! Дзякую, што вы прыйшлі!»

— Што здарылася? — ціха спытала, застываючы ў дзвярах, задыханая жанчына.

— Ён зняў залу для канферэнцыі. Сказаў, народу будзе чалавек сто. Ну, мы таксама прыйшлі, а тут... — начальніца бібліятэкі развяла рукамі, — па сцэне скача, рукамі махае, крычыць, а ў зале нікога няма...

МОЛОДЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ПИСАТЕЛИ
МАЛАДЫЯ БЕЛАРУСКІЯ ПІСЬМЕННІКІ

Андрей Кулеш Андрэй Кулеш

Алёна Попко Алёна Папко

Юлия Шурбина Юлія Шурбіна

Карина Пашкевич-Ломтева Карына Пашкевіч-Ломцева

Анастасия Бакунович Анастасія Бакуновіч

Андрей Кулеш

Андрэй Кулеш

Андрей Кулеш родился 2 января 1996 года в городе Браслав Витебской области. Позже семья переехала в Слуцк.

После окончания школы, в 2011 году поступил в Гомельский государственный колледж железнодорожного транспорта. «На этот раз переезд на юг страны — Гомель. Собственно, именно тогда я впервые начал что-то сочинять и записывать. Разумеется, сразу же нашелся человек, который согласился меня поддержать. За что низко ему кланяюсь!»

Сейчас обучается на историческом факультете УО «Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины».

Гран-при в номинации «Проза» в Республиканском конкурсе литературного творчества студентов и школьников «БрамаМар» (2018), 3-е место в конкурсе эссе «Інтэлектуальная спадчына Беларусі: постаці, ідэі і кантэксты» (2016), диплом первой степени в номинации «Автограф» на Республиканском фестивале «АРТ-вакацыі» (2016), 3-е место в конкурсе им. Ивана Савина (Москва, 2017), лауреат в номинации «Проза» VI Международного литературного конкурса «Славянский калейдоскоп» (2018), дипломант в номинации «Молодые авторы» III Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман».

Андрэй Кулеш нарадзіўся 2 студзеня 1996 года ў горадзе Браслаў Віцебскай вобласці. Пазней сям'я пераехала ў Слуцк.

Пасля заканчэння школы, у 2011 годзе паступіў у Гомельскі дзяржаўны каледж чыгуначнага транспарту. «У гэты раз пераезд на поўдзень краіны — Гомель. Уласна кажучы, менавіта тады я ўпершыню пачаў нешта прыдумваць і запісваць. Зразумела, адразу ж знайшоўся чалавек, які пагадзіўся мяне падтрымліваць. За што нізка яму кланяюся!»

Зараз вучыцца на гістарычным факультэце УА «Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны».

Гран-пры ў намінацыі «Проза» ў Рэспубліканскім конкурсе літаратурнай творчасці студэнтаў і школьнікаў «БрамаМар» (2018), 3-е месца ў конкурсе эсэ «Інтэлектуальная спадчына Беларусі: постаці, ідэі і канцэктсы» (2016), дыплом першай ступені ў намінацыі «Аўтограф» на Рэспубліканскім фестывалі «АРТ-вакацыі» (2016), 3-е месца ў конкурсе імя Івана Савіна (Масква, 2017), лаўрэат у намінацыі «Проза» VI Міжнароднага літаратурнага конкурсу «Славянскі калейдаскоп» (2018), дыпламант у намінацыі «Маладыя аўтары» III Міжнароднага літаратурнага фестывалю-конкурсу «Рускі Гофман».

МОТЮ

«Парень, напиши, пожалуйста, про наше кладбище, ведь эти березы и сосны вот-вот все рухнут, — взывала живая посетительница кладбища, — нет сил уже бегать по разным инстанциям».

Это не просто слова, а крик о помощи. А все дело в том, что на территории кладбища в Нновке, а точнее, в его старой части, множество больных деревьев. Преимущественно это уже погибшие березы, которые при любом сильном ветре могут рухнуть прямо на захоронения. А они падают очень часто. Последний такой случай был минувшей осенью. При падении деревьев у многих захоронений были погнуты ограждения, одно из надгробий нужно устанавливать заново.

Последствия этого недавнего крушения с болью и тревогой отзываются в сердцах людей. Ведь следующее падение может случиться когда угодно, может, даже в этот момент, когда вы читаете этот текст. Во время разговора с сельчанами я видел, что страх, отчаяние и злость слились в их глазах. Страх перед постоянно висящей угрозой, и не только для мертвых. А злость и отчаяние от того, что, сколько люди ни пытались добиться ликвидации аварийных деревьев, все бесполезно. Лишь гробовая тишина в ответ.

И вообще грустно. У нас столько говорят и пишут о памяти и уважении к предкам. А на выходе что? Удар стволом о сталь? И потом снова и снова, и не только здесь. Или наши чиновники, и в частности господин Жнских, думают (попутно занимаясь распилом чего-то другого вместо аварийных деревьев), что они будут перекладывать папочки вечно? Нет, дорогие, смерть — она, брат,

МОЦІО

«Хлопец, напішы, калі ласка, пра нашы могілкі, бо гэтыя бяфозы і сосны вось-вось усе паваліца, — прасіла жывая наведвальніца могілак, — няма сіл ужо бегаць па розных інстанцыях».

Гэта не проста слоўы, а крык аб дапамозе. А ўся справа ў тым, што на тэррыторыі могілак у Ннаўке, а дакладней, у іх стафонай частцы, мноства хворых дрэў. Пераважна гэта ўжо памерлыя бяфозы, якія падчас кожнага моцнага ветру могуць паваліца проста на могілкі. А яны падаюць вельмі часта. Апошні такі выпадак быў мінулай восенню. Пры падзенні дрэў у многіх магіл былі пагнуты агароджы, адно з надмагілляў трапіла ставіць наноў.

Наступствы гэтага нядайняга крушэння з болем і трыговагай адклікаюца ў сэрцах людзей. Бо наступнае падзенне можа здафыцца калі заўгодна, можа, нават у гэты момант, калі выг чытаеце гэты тэкст. Падчас гутаркі з вяскоўцамі я бачыў, што страх, адчай і злосць зліліся ў іх вачах. Страх перад навіслай пастаяннай пагрозай, і не толькі для мёртвых. А злосць і адчай ад таго, што, колькі людзі ні спрабавалі дамагчыся ліквідацыі аварыйных дрэў, усё дафэмна. Толькі мёртвая цішыня ў адказ.

І ўвогуле сумна. У нас столькі кажуць і пішуць пра памяць і павагу да продкаў. А на выхадзе што? Удар ствалом аб сталь? І потым зноў і зноў, і не толькі тут. Ці нашы чыноўнікі, і ў прыватнасці спадар Знскіх, думаюць (мімаходам займаючыся распілам чагосці іншага замест аварыйных дрэў), што яны будуць перакладаць папачкі вечна? Не, дарагія, смерць — яна, брат, такая — усіх ураўнене і памірыць. Думаю, што не трапіба даводзіць до праクленай і ад жывых, і ад мёртвых.

Wскія ведамасці, 17.12.2014, 11:31

такая — всех уравняет и помирит. Думаю, что не стоит доводить до проклятий и от живых, и от мертвых.

Вские ведомости, 17.12.2014, 11:31

— Мы ж гэт — убранцы! А чаму, знаеш, не?

— Ой, надаеў! — отгребаясь.

— А таго, — выдержав увесистую паузу. Не хватает многозначительно поднятого пальца. И хотел бы поднять, да руки заняты. — Што мы ў свята сядзім чыстыя ды ўбраныя, як паны, — таго і ўбранцы! А вы ў канавах у свята рыцецеся — за... зарыванцы!

— Ай, соль табе ў вочы...

Шумно, но без тени злобы и ненависти спорили мужики о своих этнографических окрасах.

Плющу распылавшийся от температуры лоб в оконное стекло. Хорошо здесь, у окна. Вот сейчас коснусь лбом стекла здесь и еще спустя пару минут снова прижмусь, и так много раз до самой моей остановки буду трогать хрустальный холдище. Обдувает из-под расхлябанной резины уплотнителя проема. И вбитые в щели отъезженные билеты не исправляют — только помахивают сереющей махрой торца своего. Ничего — теплоотвод, как говорят инженеры, лучше будет. Уезжаю — решил сделать паузу в словах, большу-у-ую такую — где-то на неделю. Как в перефразированной считалке давней и почти забытой игры: «Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать... ЛИШНИЙ УГОЛ». Игра та звалась просто — прятки. Только игра ли это теперь? Главное, что далеко — туда, где остановки — реже, а лес — гуще. Только вот забыл оставить объявление в местной рекламной газетке: «Меняю чловейник на муравейники. СРОЧНО!» И желательно не думать о звуках и забыть о сетке этой календарной...

— Мы ж гэт — ўбранцы! А чаму, знаеш, не?

— Ойй, надаеў! — адгрэбваючыся.

— А таго, — вытрымаўшы важкую паўзу. Не хапае шматзначна ўзнятага пальца. І хацеў бы ўзняць, ды рукі занятыя. — Што мы ў свята сядзім чыстыя ды ўбраныя, як паны, — таго і ўбранцы! А вы ў канавах у свята рыцеся — за... зарыванцы!

— Ай, соль табе ў вочы...

Шумна, але без ценю злосі і няnavісі спрачаліся мужыкі аб сваіх этнографічных афарбоўках.

Плюшчу разгарэўшыся ад тэмпературы лоб у шыбу. Добра тут, ля акна. Вось цяпер крану лбом шкло тут і яшчэ праз пару хвілін зноў прыпіснуся, і так шмат разоў да самага майго прыпынку буду кратань крыштальную халадэчу. Абdziмае з-пад расхлябанай гумы ўпchyльника праёма. І ўбітыя ў шчыліны ад'езджаныя квіткі не выпраўляюць — толькі памахваюць шэрай махрой тарца свайго. Нічога — цеплаадвод, як кажуць інжынеры, лепшы будзе.

Ад'яджаю — вырашыў зрабіць паўзу ў словах, вялі-і-ікую такую — недзе на тыдзень. Як у перафразаванай лічылцы даўняй і амаль забытай гульні: «Раз, два, тры, чатыры, пяць, я іду шукаць... ЛІШНІ КУТ». Гульня тая называлася проста — хованкі. Толькі ці гульня гэта зараз? Галоўнае, што далёка — туды, дзе прыпынкі — радзей, а лес — гусцей. Толькі вось забыў пакінуць аб'яву ў мясцовай рэкламнай газетцы: «Мянняю людзяшнік на мурашнікі. ТЭРМІНОВА!» І пажадана не думаць пра гукі і забыць пра сетку гэту каляндарную...

— Ад'яджаеш? Надоўга? А куды? Запісвайся ў журнал. Во, з налепкай, гэты.

— Уезжаешь? Надолго? А куда? Записывайся в журнал. Во, с наклейкой, этот. И что сказать? «Свой храм еду я искать!» Не-а, пафосу многовато. А давай, думаю, шутки ради:

— В свой храм.

— А, домой, значит.

Ну, и где реакция? Не-а, скорее со мной заканчивать и возвращаться к своему полному салата ведру из-под майонеза. Пишу ФИО, и иное, и прочее.

— Дата, — проговаривает медленно. Да не в первый же раз пишу! — И-и-и подпись.

Чуток покорежило меня тут. Аж от этих «росписей» чуть про подпись не забыл. Ай, говорили мне тут на днях, что проще надо все воспринимать. Восприятие решает. Ладно. Ухожу в декабрь — звучит, как строка из какой-нибудь песни на радио для таксистов и дальнобойщиков...

Мужички, над которыми подтрунивал то меланхоличным, то порой раздраженным голосом контролер, искали по карманам билеты. Иногда просто похлопывая по бугорку своего хранилища, иногда и вовсе запуская глубоко руки и выворачивая нутро, выкладывая на колени сигареты и мелочь, которую с лязгом роняли и с матерком спешно подбирали, что-то мятое и бумажное, порой никелированные гайки и болты, футляры для очков с чем угодно внутри, помимо окуляров, ну и, наконец, билеты. Воздух был пропитан лосьонами, потом и сырой пустотой изодранной подкладки. Едем дальше — все туда же.

«Прицепился. Все равно голый оклад в конце месяца получишь. Ай, ладно», — подумал сам про себя, снова приклеившись челом к леденящей стеклине и прокручивая в горячем своем чане мантру о восприятии. Надо не брать в голову, как те, что просты да хитры:

І што сказаць? «Свой храм еду я шукаць!» Не-а, запмат пафасу. А давай, думаю, дзеля жарту:

— У свой храм.

— А, дахаты, значыць.

Ну, і дзе рэакцыя? Не-а, хутчэй са мной заканчваць і вяртацца да свайго поўнага салату вядра з-пад маянэзу. Пішу прозвішча, імя, імя па бацьку, і тое, і гэтае.

— Дата, — павольна прагаворвае. Ды не ў першы ж раз пішу! — I-i-i подпіс.

Крыху павяло мяне тут. Аж ад гэтых «роспісаў» ледзь пра подпіс не забыў. Ай, казалі мне тут на днях, што прасцей трэба ўсё ўспрымаць. Успрыманне вырашае. Добра. Іду ў снежань — гучыць, як радок з якой-небудзь песні на радыё для таксістаў і дальнабойшчыкаў...

Мужычкі, з якіх пакепліваў то меланхалічным, то часам раздражнёным голасам кантраплёр, шукалі па кішэннях квіткі. Часам проста паляпваючы па грудку свайго сховішча, часам і зусім глыбока запускаючы рукі і выварочваючы нутро, выкладваючы на калені сігарэты і дробныя грошы, якія з ляскатам гублялі і з мацюкамі спешна падбіралі, нешта мятае і папяровае, часам нікељянія гайкі і балты, футаралы для акуляраў з чым заўгодна ўнутры, апрача акуляраў, ну і, нарашце, квіткі. Паветра было прасякнута ласьёнамі, потам і сырой пустэчай падранай падкладкі. Едзем далей — усё туды ж.

«Прычапіўся. Усё адно голы аклад у канцы месяца атрымаеш. Айй, ладна», — падумаў сам сабе, ізноў прыляпіўшыся чалом да ледзянай шкліны і пракручуваючы ў гарачым сваім чане мантру пра ўспрыманне. Трэба не браць у галаву, як тыя, хто простиа ды хітрыя:

— Слухай. Во! — очевидно, что собеседник весь и так внимает. Ах, это ж для пущего флеру важности к рассказу — тогда хорошо!

— Заходжу, дзе той ангар бурый. Ну ты ж знаешь, ну!

— Ага, там за станцыяй.

— Так, так. Ну і там жалезца харашэзнае! Гавару сторожу тóму — во такі музык! — бацька яго з нашага сяла: «Дай два лісты вазьму, а? Адзін чорт у КамАЗ пакідаюць і ў чармет!» «Та бяры!» «А чатыры?» «Бяры!» «А шэсь?» «Ладно!» Кароч, забраў дзесяць!

Дельцы, чего и говорить. Оборачиваюсь, дабы посмотреть, в надежде отыскать ту общую делецкую жилку: нос, уши, губу, шапку, глаза? Глаза, глаза, смотри, чтобы они тебя не сбили: таинственные зеркала эти, что хочешь, ретранслируют. Увидел мужчину лет 45-ти, среднего, на границе с крупным, телосложения — сбитого, как говорят, чуть уставшего на вид, с живым и добряцким таким взглядом. Про таких говорят — тертый калач, аж куртка на локтях блестит — настолько тертый. Обратился ко мне, любопытствующему зрителю этого мини-спектакля, легко, будто мы совсем уж закадычные и на брудершафты эти всякие пили:

— Слухай, чувак! — пытается меня расположить, думая, что эти слова из начала нулевых все еще пользуют многие. — Не знаш, дзе ідэю знайсці тую?

Я растерялся, потому что вопрос был слегка нетривиальным для здешних «салонов» (автопарковых) и сложным, так вот, с кондачка. Да еще так уверенно и по-детски непосредственно, мол, я знаю, в каком кармане прячешь ты эту самую идею! Или добрую парочку идей! А я вообще не знаю — прятать нечего!

Переспросил уточнительно:

— А так какую идею?

— Слухай. Во! — відаць, што суразмоўца ўвесь і так слухае. Ах, гэта ж для большага флёру важнасці да аповеда — тады добра!

— Заходжу, дзе той ангар бурылі. Ну ты ж знаешь, ну!

— Ага, там за станцыяй.

— Так, так. Ну і там жалезца харащэзнае! Гавару сторажу тому — во такі мужык! — бацька яго з нашага сяла: «Дай два лісты вазьму, а? Адзін чорт у КамАЗ пакідаюць і ў чармет!» «Та бяры!» «А чатыры?» «Бяры!» «А шэсь?» «Ладна!» Кароч, забраў дзесяць! Дзялкі, што і казаць. Паварочваюся, каб паглядзець, у надзеі адпушкаць ту ю агульную дзялецкую жылку: нос, вушы, губу, шапку, вочы? Вочы, вочы, глядзі, каб яны цябе не збліж: гэтыя таямнічыя люстэркі, што хочаш, рэтрансліруюць.

Убачыў мужчыну гадоў 45-ці, сярэдняга, на мяжы з буйным, складу цела — збітага, як кажуць, з выгляду крыху стомленага, з жывым і добрым такім позіркам. Пра такіх кажуць — цёрты калач, аж куртка на локцях блішчыць — настолькі цёрты. Звярнуўся да мяне, цікаўнага гледача гэтага міні-спектакля, лёгка, быццам мы зусім ужо закадычныя і на брудэршафты гэтыя ўсялякія пілі:

— Слухай, чувак! — спрабуе мяне схіліць да сябе, думаючы, што гэтыя слова з пачатку нулявых усё яшчэ многа хто выкарыстоўвае. — Не знаешь, дзё ѯдэю знайсці тую?

Я разгубіўся, таму што пытанне было крышачку нетрывіяльным для тутэйшых «салонаў» (аўтапарковых) і складаным, так вось, з насоку. Да яшчэ так упэўнена і па-дзіцячы наіўна, маўляў, я ведаю, у якой кішэні ты хаваеш гэтую самую ѯдэю! Ці добрую парачку ѯдэй! А я наогул не ведаю — хаваць няма чаго! Перапытаваў удакладняючы:

— А дык якую ѯдэю?

— Ну, ты не чуў? Што з жалезца зрабіць? Крышу перакрыць ці што другое! Ну, калпачкі на комін ці яшчэ што?

— Колпачки, — говорю, — самое оно! И продать излишки можно!

«Хотя, — думаю, — кому я это? Еще те народные капиталисты!»

— Ну! Што казаў?!

Довольно так протащил, будто бы получил высшую легитимизацию идеи своей или даже патент с гербовой печатью!

Темно. Зима. Седьмой час. Вот уже сорок минут тянется смачный и широкий темнющий мазок леса на снежном холсте. Тянется-тянется — хоп! — прогалина. Это поле. По пенке коего посыпана сям-там шоколадная крошка оголенных калтырей землицы.

Погода обещала быть стабильной и без атмосферных шалостей. Диаграмма так и похваляется: «Все хорошо! Пакостить не буду! Хочешь на рыбалку? Можешь на лыжах или на коньках по гребному каналу!»

Что ж, спасибо, что не грязь и слякотища. Сегодня минус семь, завтра минус девять, послезавтра что-то около минус шести, хотя всякое бывает... В любом случае 7 и 9 — хорошие цифры, мне нравятся. Не случайно одни из лучших футболистов выступают под этими номерами. Тучки на экране рисовались без осадков, порой было и солнце, пиксельное и искусственное, но от того не перестающее возбуждать теплые ассоциации. Да и, надеюсь, за неделю ледники Антарктиды не растают, как часто модно стало обещать. Ну, или в обратном случае Гольфстрим не замерзнет и новый «Челюскин» где-то во льдах не застянет. А вот ты застял, кажись...

Уж добротно развиднело, как «пазик» филигранно въехал в проторенную у края остановки колею в снегу. Последний дрыг — и все, приехали! Слегка подрагивая

— Ну, ты не чуў? Што з жалезца зрабіць? Дах перакрыць ці што іншое! Ну, каўпачкі на комін ці яшчэ што?

— Каўпачкі, — кажу, — самае тое! І прадаць лішкі можна!

«Хоць, — думаю, — каму я гэта? Яшчэ тыя народныя капіталісты!»

— Ну! Што казаў?!

Задаволена так працягнуў, быццам бы атрымаў самую высокую легітымізацыю сваёй ідэі ці нават патэнт з гербавай пячаткай!

Цёмна. Зіма. Сёная гадзіна. Вось ужо сорак хвілін цятнечца смачны і шырокі цёмны мазок лесу на снежным палатне. Цятнечца-цятнечца — хоп! — прагал. Гэта поле. Па пенцы якога пасыпаны сям-там шакаладная крошка аголеных калтыроў зямелькі.

Надвор'е абяцала быць стабільным і без атмасферных штук. Дыяграма гэтак і выхвалянецца: «Усё добра! Паскудзіць не буду! Хочаш на рыбалку? Можаш на лыжах ці на каньках па вяслярным канале!»

Што ж, дзякую, што не бруд і халепа. Сёння мінус сем, заўтра мінус дзесяць, пасля заўтра недзе каля мінус шасці, хоць па-рознаму бывае... Ва ўсякім разе 7 і 9 — добрыя лічбы, мне падабаюцца. Не выпадкова адны з лепшых футбалістаў выступаюць пад гэтымі нумарамі. Хмаркі на экране маляваліся без ападкаў, часам было і сонца, піксельнае і штучнае, але ад таго не пераставала выклікаць цёплыя асацыяцыі. Дый, спадзяюся, за тыдзень ледавікі Антарктыды не растануть, як часта модна стала абяцань. Ну, альбо ў адваротным выпадку Гальфстрым не замерзне і новы «Чалюскін» недзе ў ільдах не засядзе. А вось ты засеў, здаецца...

Ужо добра развіднела, калі «пазік» філігранна заехаў у пракладзеную ў снезе ля краю прыпынку каляіну. Апошні дрыг — і ўсё, прыехалі! Злёгку падрыгваючы на кожнае

на каждое колесо, железная «буханочка» приподнялась, пустая, но еще хранящая тепло и запахи. Двери закрываются, складываются, захлопываются.

Мелкими шажками, легко пошаркивая, чтобы не растянуться на гололеде, выхожу к дороге. До бабкиного брата хат девятнадцать. Это не я такой счетун, мне так сказали: «Девятнадцать от остановки в бок водонапорки». Очень и очень давно. Здесь говорят не «в сторону», а «в бок». Будто все восемьдесят шесть дворов — это тело с боками и прочими конечностями.

Почти зашпарил. Местные барбосы — это или же форменные разгильдяи, нюхающие ладонь с намеком на то, чтобы их пожалели аль позолотили бы язык чем вкуснющим и теплым, или же ревностные служители своего отмеренного цепью пятакча.

Дернул калитку. Все как-то выбирирующе шатнулось — и брама, и звонок. Функционально. Я забыл, что зимой фундаменты здесь малость погуливают: прямоугольник калитки чуть скосило влево и притиснуло к трубе.

— О-о-о! А хто там такі ідзе?!

Конечно, он знал, кто, но тут так заведено: весело и с хитрецой спрашивать.

— Дядька, эт я, Матвей.

Он годился мне в деды, а точнее, был из одного поколения с дедом, но я как-то всю жизнь называл его дядькой Пилипом.

Чистота, минимализм, печь. Подушки пирамидкой под потолок —«зиккуратище», набитый пухом жертвенных гусей. Фотографии за всю жизнь в одной большой и ладной рамке под стеклом. Невольно вглядываешься да призадумываешься над карточками, особенно групповыми: «А кто остался? Про тебя вот так же спросят, когда час подойдет?» Мда-с, с мороза бы сейчас и к экзистенциальным вопросам: «Еще будет время или...» Расшитый и топтанный-степаный весь из себя

кола, жалезная «буханка» прыўзнялася, пустая, але яшчэ захоўвала цяпло і пахі. Дзвёры зачыняюцца, складваюцца.

Дробнай хадой, лёгка пашоргваючы, каб не расцягнуцца на галалёдзе, выходжу да дарогі. Да бабулінага брата хат дзевятнаццаць. Гэта не я такі рахункавод, мне так сказали: «Дзевятнаццаць ад прыпынку ў бок ваданапоркі». Вельмі і вельмі даўно. Тут кажуць не «в сторону», а «ў бок». Быццам усе восемдзясят шэсць двароў — гэта цела з бакамі і іншымі канцавінамі.

Амаль зашпарыў. Мясцовыя барбосы — гэта ж альбо форменныя разгільдзяі, якія нюхаюць далонь з намёкам на тое, каб іх пашкадавалі ці пазалацілі б язык чым смачненікім і цёплым, альбо старанныя служкі свайго адмеранага ланцугом пятачка.

Тузануў брамку. Усё неяк вібрыруючы захісталася — і брама, і званок. Функцыянальна. Я забываўся, што ўзімку падмуркі тут крыху пагульваюць: прамавугольнік брамкі ледзь скасіла ўлева і прыціснула да трубы.

— О-о-о! А хто там такі ідзе?!

Канечне, ён ведаў, хто, але тут так заведзена: весела і з хітрынкай пытаць.

— Дзядзька, гэта я, Мацвей.

Узростам ён мне як дзед, а дакладней, быў з аднаго пакалення з дзедам, але я неяк усё жыццё зваў яго дзядзькам Піліпам.

Чысціня, мінімалізм, печка. Падушкі пірамідкай пад столъ —«зікурацішча», набіты пухам ахвярных гусей. Фотаздымкі за ўсё жыццё ў адной вялікай і добрай рамцы пад шклом. Мімаволі ўглядается ды прызадумваецца над карткамі, асабліва групавымі: «А хто застаўся? Пра цябe вось гэтак жа спытаюць, калі час падыдзе?» Мда-с, з марозу б зараз і да экзістэнцыяльных пытанняў: «Яшчэ будзе час ці...» Выпіты і таптаны

пейзажный половик. Все та же эстетика, что и десятки лет назад, — хорошо...
Хорошо!

На скамье стопочкой лежали газеты. Не думаю, что для моих потреб они здесь, но с детства любил их листать, даже теперь, когда есть интернет, это доставляет мне удовольствие. Пролистав несколько верхних экземпляров, услышал, что меня позвали к столу. Захлопнул мягкий парус периодики, пахло бумагой и краской — приятный запах, особенно с выдержанкой.

Дивный борщ из печи... Тут уж мои художественные средства в описании, увы, ограничены: неописуемо! Ем, да раз за разом что-то упадет: то ложка, то хлеб искачается по полу. На четвертый раз не выдержав, спрашиваю:

— Спешит кто? Ждешь кого? — не суеверный, да и особо не верю в стародавние забабоны, но контекст влияет на восприятие происходящего. Да и как-то на «гаворку» плавно перехожу.

— Не-а. Кому я тут уже нужон?!

«Начинается», — думаю.

Хотя можно понять... Обида и горькая тоска, переходящая в обыденную пытку. Уезжают, все уезжают. И останутся здесь сновать повсюду средь трупного цвета старых потемневших заборов и построек всяческих, забитых-перезабитых разным хламом, чтоб не дуло, кормящие своих верных четвероногих друзей и защитников бабушки да дедушки. В старых шубках, непонятных шапках и с палками — стругаными или «красивезными», из «Медтехники», которые подарили для отцепного — «типа помним». Плачущие тихо, без громких криков и звучных всхлипов, или же просто помалкивая, глядя у окна на свалившиеся хлопоты в виде дров, сваленных с кузова не очень мастеровитым водилой (хотя там можно было еще подрулить и лучше сгрузить), или же наблюдая за снегом. Тем, который кружится романтично, но не так виртуозно и сказочно летит с лопаты

сцяпаны ўвесь з сябе пейзажны палавік. Усё тая ж эстэтыка, што і дзесяткі гадоў таму, — добра... Добра!

На лаве стосікам ляжалі газеты. Не думаю, што для маіх патрэб яны тут, але з дзяцінства любіў іх гартаць, нават зараз, калі ёсць інтэрнэт, гэта прыносіць мне задавальненне. Прагартайшы некалькі верхніх экзэмпляраў, пачуў, што мяне паклікалі да стала. Загарнуў мяккі ветразь перыёдыкі, пахла паперай і фарбай — прыемны пах, асабліва з выгрымкай.

Цудоўны боршч з печкі... Тут ужо мае мастацкія сродкі ў апісанні, на жаль, абмежаваны: неапісальная! Ем, ды штораз нешта зваліцца: то лыжка, то хлеб пакачаецца па падлозе. На чацвёрты раз не выгрымаўшы, пытаяю:

— Спяшаецца хто? Чакаеш каго? — не прымхлівы, ды і асабліва не веру ў старадаўнія забабоны, але кантэкст упłyвае на ўспрыманне таго, што адбываецца. Ды і неяк на гаворку плаўна пераходжу.

— Не-а. Каму я тут ужо нужон?

«Пачынаецца», — думаю.

Хапя можна зразумець... Крыўда і горкая туга, якая пераходзіць у штодзённую пакуту. З'яджаюць, усе з'яджаюць. І застануцца тут сноўдацца паўсюль сярод трупнага колеру старых пацямнелых платоў і ўсялякіх пабудоў, забітых-перезабітых розным хламам, каб не дзымула, карміць сваіх адданых чатырохногіх сяброў і абаронцаў бабулі ды дзядулі. У старых кажушках, дзіўных шапках і з палкамі — струганымі ці «красіvezнымі», з «Медтэхнікі», якія падарылі для адчэпнага — «тыпу помнім». Якія плачуць ціха, без гучных крыкаў і ўсхліпаў, ці проста маўчаць, гледзячы ў вокны на звалішыяся клопаты ў выглядзе дроў, зваленых з кузава не вельмі ўмелымі кіроўцам (хоча там можна было

в кучки. Закономерный конец сказки, не находите? Так и живут — борьбой против, но так и не поняв и в затишные годы возвращаясь к думам: «Как все вот так вот обернулось?» Наверное, тяжко быть свидетелем того, как сыплется и валится то, что ты строил всю жизнь для потомков. А те со всем тупым цинизмом и выстреливают им:

— А зачем?

И тут он резко добавляет. Я и не понял: мысль была так быстра у меня или пауза очень затянута?

— Бацька мой злуецца... І маці, і браты з сястрой — усе. Даўно не былі, чакаюць ў адведкі. Трэба ўсё неяк, ды снег па... пояс самы.

Понятно, по какое место, но он смягчил. «Злуецца» слышалось так угрожающе, словно дед Кондрат действительно может прийти во сне и спросить: «Пашто забыліся пра нас?» — и даст «калом у плечы». Страшновато.

Я уже догадывался, вернее, внутренне готовился, что придется идти. Готовился до того, как дядька заведет свое умоляющее и жалостливое вопрошение. Хотя зря я так. Ну а к кому ему? Это и малость раздражало, и топило в черной грусти, как от мелькания двадцать пятого кадра в диафильме о своей возможно грядущей судьбе.

— Мото-о-тю, — растягивая «о», протянул дядька, словно мать, которая нежно будит семиклассника в школу. Умоляюще и одновременно заискивающе.

Не люблю и оттого хороню дальнейшие его унижения.

— Я тебя понял. Где лопата снежная? А кожух дашь? Дедам чекушку нальешь?
Ага, понял. Надеваюсь.

— Эт, ща налью. Во што: абыдзі сябрукоў маіх яшчэ, а?! — налил более, чем обычно только к дедам. Сунул еще их общее фото.

яшчэ падруліць і лепши згрузіць), ці назіраючы за снегам. Тым, які круціца рамантычна, але не так віртуозна і казачна ляціць з рыдлёўкі ў купкі. Заканамерны канец казкі, як лічыце? Так і жывуць — барацьбой супранаць, але так і не зразумеўшы і ў запішныя часы вяртаючыся да думак: «Як усё вось так вось атрымалася?» Напэўна, цяжка быць сведкам таго, як сыплецца і валіцца тое, што ты будаваў усё жыццё для напачадкаў. А тыя з усім тупым цынізмам і выстрэльваюць ім:

— А навопшта?

І тут ён рэзка дадае. Я і не зразумеў: думка была такая хуткая ў мяне ці паўза вельмі зацягнутая?

— Бацька мой злуецца... І маці, і браты з сястрой — усе. Даўно не былі, чакаюць ў адведкі. Трэба ўсё неяк, ды снег па... пояс самы.

Зразумела, па якое месца, але ён змякчыў. «Злуецца» чулася так пагрозліва, нібы дзед Кандрат сапраўды можа прыйсці ў сне і спытаць: «Пашто забыліся пра нас?» — і дасць «калом у плечы». Страшнавата.

Я ўжо здагадваўся, дакладней, унутрана рыхтаваўся, што давядзенца ісці. Рыхтаваўся да таго, як дзядзька завядзе сваё ўмольнае і жаласліве маленне. Хаця дарэмна я так. Ну а да каго яму? Гэта і крыху раздражняла, і тапіла ў чорным суме, як ад мільгаценення дваццаць пятага кадра ў дыястужцы пра свой магчыма будучы лёс.

— Мото-о-ци, — расцягваючы «о», працягнуў дзядзьку, нібы маці, якая пяшчотна будзіць сямікласніка ў школу. Умольна і адначасова лісліва.

Не люблю і таму хаваю далейшыя яго прыніжэнні.

— Я цябе зразумеў. Дзе снегавая рыдлёўка? А кажух дасі? Дзядам чакушку нальепі? Ага, зразумеў. Апранаюся.

— Та знаю я их всех.

— Не, бяры!

Взял, чего уж. Карман не тянет.

Все. Кожушок — как со своего же плеча. Набрал конфет в карманы, чекушку, камеру с телефоном, взял лопату снежную (деревянная, да подбита жестью).

— З Богам! — кричит мне вдогонку.

Я чешу, не оборачиваясь, чтобы в дом быстрее спрятался и не провожал за самый край.

«Ха, небо вон какое — цвета голубого вертолета, с белым карандашным штрихом от самолета на три пальца выше бора. Рисовальщик, что ль, завелся?» — с нескрываемым удивлением задал я себе такой наивный и слегка бесполезный вопрос. Подобно тем, которые я задавал по дороге в сад, сидя в санях, крутя во все стороны охочую до всего интересного мордашку. Немудрено. Это так напомнило детские годы... Годы, когда все казалось проще и легче и вместо конфет и горькой в кармане были только конфеты.

Шаг все шире и забористей, в такт весело поскрипывал снег. Далее перемело все. Ветер с маниакальным упрямством согнул все то, что не укрыл собой снег. Были бы лыжи — хлопот было бы меньше, даже и не беспокоился бы. Некое куцее очертание дороги все ж имелось. Ногу нужно ставить осторожно, дабы не провалиться по самое не хочу. Рядышком была колея от саней: ровная, стройная, с красивым и посверкивающим отпечатком профиля в этой перине. Кто-то еще держит лошадь, кто-то еще не пропил всю эту хитромудрую науку — помнят. Накапливается — тяжело и веками, а пропивается на раз-два и за пару лет — и все! Поминай как звали ту штуку, что с ней делать, и для чего все это нужно, и нужно ли? Если из ответственного за все хозяина залез в пастушью клетку

— Эт, шча налью. Во што: абыдзі сябрукоў маіх яшчэ, а?! — наліў больш, чым звычайна толькі да дзядоў. Сунуў яшчэ іх агульнае фота.

— Та ведаю я іх усіх.

— Не, бяры!

Узяў, чаго ўжо. Кішэню не цягне.

Усё. Кажушок — як са свайго ж пляча. Набраў цукерак у кішэні, чакушку, камеру з тэлефонам, узяў снегавую рыдлёўку (драўляная, ды падбіта бляхай).

— З Богам! — крычыць мне ўслед.

Я чашу, не абарочваючыся, каб у хату хутчэй схаваўся і не праводзіў за самы край.

«Ха, неба вунь якое — колеру блакітнага верталёта, з белай алоўкавай рыскай ад самалёта на тры пальцы вышэй бору. Малявалышчык завёўся, ці што?» — з непрыхаваным здзіўленнем задаў я сабе такое наіўнае і крыху дарэмнае пытанне. Падобнае да тых, якія я задаваў па дарозе ў сад, седзячы ў санях, круцячы ва ўсе бакі ахвочую да ўсяго цікавага мордачку. Няхітра. Гэта так нагадала дзіцячыя гады... Гады, калі ўсё здавалася прасцей і лягчэй і замест цукерак і горкай у кішэні былі толькі цукеркі.

Крок усё шырэй і энергічней, у такт весела паскрыпваў снег. Далей перамяло ўсё. Вецер з маніякальной упартасцю сагнуў усё тое, што не схаваў сабою снег. Былі б лыжы — клопатаў было б менш, нават і не турбаваўся б. Нейкі куцы абрыйс дарогі ўсё ж быў. Нагу трэба ставіць асцярожна, каб не праваліцца па самае не хачу. Побач была каляіна ад саней: роўная, стройная, з прыгожым і паблісківаючым адбіткам профілю ў гэтай пярыне. Хтосьці яшчэ трymae каня, хтосьці яшчэ не прапіў усю гэту хітрамудрую наувку — помніць. Назапашваецца — цяжка і стагоддзямі, а прапіваецца на раз-два і за пару гадоў — і ўсё! Толькі і чулі пра ту ю штуку, што з ёй рабіць, і навошта ўсё гэта

и пасешь безответственно и на отцепись, и тебя пасут — твои страсти горькие и прозрачные...

Добрел как-то, как сапер, без ошибок и провалов. У калитки кладбищенских ворот лежали обломанные и с пощипанным шпоном «Телеханы». А далее — глубокие следы и следы волока. И кого же тут волокли? Ладно. Я здесь, видимо, не единственная живая душа. Радует.

Вдоль оград, чтоб не угодить к кому, прости Господи, в гости... Знал, куда идти: через шесть рядов могил — к сосне, у которой в войну расстреливали людей. Мертвые земли бледный ствол с гнойными точками. Дядька говорил, что птица на этом живом обелиске не селится. Повесили после войны на самую макушку колесо от телеги. Высоченная — тяжело вскарабкаться. Старались. Хотелось, чтобы буслы семью создали. Зря... Ни буслы, ни вороны не хотят, а колесо ржавеющим венцом над обелиском — на манер креста аль звезды, или и того и другого...

Предки выглядывали из сугроба фотокарточками на памятниках по старшинству: прадед с чубом и в кепке, прабабка и сыны их. Кто тоже козыряет чубом, ну а кто петлицами с медалями.

Чистка далась легко. Снега много, но он почти воздушный, легко рассыпается в стороны от взмахов лопаты. Я даже и не вымок. Из оттянутого кармана утвердилась бутылка. Разлил.

«Каб за год прыжалі і нас доўга чакалі. Бывайце!» — так заведено. Ухожу. Решил что-нибудь щелкнуть — пусть дядька посмотрит. Интересная вещь — фотография. Смотришь порой на сделанное годы назад без особой цели и мотивации фото, а там видишь, например, дом, сгоревший от беспроудной пьянки: деревья пошли в дрова, а старую литую скамейку украли и пропили. Чем дальше годы, тем менее жаль потратить время на фото. Прошли минуты, часы — все. Новых

трэба, і ці трэба? Калі з адказнага за ўсё гаспадара залез у пастуховую клетку і пасенш безадказна і на адчапіся, і цябе пасвяць — твае пакуты горкія і празрыстыя...

Дацягнуўся неяк, як сапёр, без памылак і правалаў. Ля могілкавай брамы ляжалі абламаныя і з паскубенай шпонай «Целяханы». А далей — глыбокія сляды і сляды волаку. І каго ж тут валаклі? Ладна. Я тут, відаць, не адзіная жывая душа. Цепышь.

Уздоўж агароджы, каб не патрапіць да каго, пррабач Божа, у госці... Ведаў, куды ісці: праз шэсць радоў магіл — да сасны, каля якой у вайну расстрэльвалі людзей. Бледныя як нябожчыкі ствол з гнойнымі кропкамі. Дзядзька казаў, што птушка на гэтым жывым абеліску не селіцца. Павесілі пасля войны на самую верхавіну кола ад воза. Высачэзная — цяжка ўскараскацца. Стараліся. Хацелася, каб буслы сям'ю стварылі. Дарма... Ні буслы, ні крумкачы не хочуць, а кола ржавее вянком над абеліскам — на манер крыжа альбо зоркі, і ці і таго і іншага...

Продкі выглядавалі з гурбы фотакарткамі на помніках па старшынстве: прадзед з чубам і ў кепцы, пррабабка і сыны іх. Хто таксама казырае чубам, ну а хто пятліцамі з медалямі. Чыстка далася лёгка. Снегу шмат, але ён амаль паветраны, лёгка рассыпаецца ў бакі ад узмахаў рыдлёўкі. Я нават і не вымак. З адцягнутай кішэні замацавалася бутэлька. Разліў. «Каб за год прыжалі і нас доўга чакалі. Бывайце!» — так заведзена. Іду. Вырашыў штосьці паздымашь — хай дзядзька паглядзіць. Цікавая рэч — фотаздымак. Глядзіш часам на зроблене гады назад без асаблівай мэты і матывацый фота, а там бачыш, напрыклад, хату, што згарэла ад непрабуднай п'янкі: дрэвы пайшлі ў дровы, а старую адлітую лаўку скралі і прагілі. Чым далей гады, tym меней шкада патраціць час на фота. Прайшлі хвіліны, гадзіны — усё. Новых ніхто не выпіша, і не купіш у спекулянтаў з-пад крыса, і чараўнік не падорыць. А фота — застануцца. Гэта магчымасць ухапіць цётачку —

никто не выпишет, и не купишь у спекулянтов из-под полы, и волшебник не подарит. А фото — останутся. Это возможность ухватить тетеньку — ускользающую натуру за рукав. Не все схватил, но нить выдернул-таки... Хоть мгновение в код и пиксель зашифровать — такая себе альтернатива живому и осязаемому, но иного не дано... Ах, карточка!

Вспомнил еще и о друзьях. Сунул пальцы меж пуговиц кармана, вытягиваю согнутую в арку карточку. Ну вот, смотрят молодые, полные надежды и любви, а может, еще и по-молодецки дурные хлопцы, пятеро: Борис, Сашка, Ёсик, Максим и дядька. И, конечно же, с чубами! Сколько юных они с ума свели?! А ты — под машинку. И без чуба ходишь, и в основном сводят тебя... Эх, в чубах ли дело?!

Благо они не очень далеко один от одного лежат. Иду и думаю: рюмку откапывать или на снег налить вполне нормально будет? Даже не знаю, что об этом говорят традиции — так досконально не вникал. Разберемся...

Борис. Он ушел самый первый. Был в свои годы киномехаником — носился по району на «Урале» с коляской. Приедет весь важный такой, в начищенных сапогах и рыжим чубом из-под кепки. Растворит полотно в каком большом помещении, а летом — на улице. Борька дернет станцию (генератор) за шнур стартера и давай нести искусство в массы. Крутил здесь в селе «Весну на Заречной улице» на стене сельмага по улице Заречной, 24. Забавно. И многие, и многие иные ленты. Вскоре «Горизонты», «Рубины» и прочие ламповые чудеса начали затмевать летучие кинотеатры. И в один день Борька повесился. Поговаривают, что на шнурке стартера генератора. Не знаю...

Не так уж сильно его засыпало, ну или чистил кто. Наливаю и стою тихо и долго. Дань памяти или немой вопрос?

знікаючую натуру за рукаў. Не ўсё схапіў, але нітку выдраў-ткі... Хоць імгненне ў код і піксель запыфраваць — такая сабе альтэрнатыва жывому і адчувальнаму, але іншага не дадзена... Ах, картка!

Успомніў яшчэ і пра сяброў. Сунуў пальцы паміж гузікаў кішэні, выцягваю сагнутую ў арку картку. Ну вось, глядзяць маладыя, поўныя надзеі і кахання, а можа, яшчэ і памаладзецку дурнаватыя хлошты, пяцёра: Барыс, Сашка, Ёсік, Максім і дзядзька. І, канечне ж, з чубамі! Колькі юных яны з разуму звялі?! А ты — пад машынку. І без чуба ходзіш, і ў асноўным зводзяць цябе... Эх, хіба ў чубах справа?!

Балазе яны не вельмі далёка адзін ад аднаго ляжаць. Іду і думаю: чарку адкопваць або на снег наліць нармальна будзе? Нават не ведаю, што пра гэта кажуць традыцыі — так дасканала не ўнікаў. Разбяромся...

Барыс. Ён пайшоў самы першы. Быў у свае гады кінамеханікам — настаяўся па раёне на «Урале» з каляскай. Прыедзе ўвесь важны такі, у наваксаваных ботах і рудым чубам з-пад кепкі. Расцягнуць палатно ў якім вялікім памяшканні, а летам — на вуліцы. Борка рване станцыю (генератар) за шнур стартара і давай несці мастацтва ў масы. Круці тут у вёсцы «Вясну на Зарэчнай вуліцы» на сцяне сельмага па вуліцы Зарэчнай, 24. Цікава. І многія, і многія іншыя стужкі. Неўзабаве «Гарызонты», «Рубіны» і іншыя лямпавыя цуды пачалі засланяць лягучыя кінатэатры. І ў адзін дзень Борка павесіўся. Паговорваюць, што на шнурку стартара генератара. Не ведаю...

Не так ужо моцна яго засыпала, ну або чысціў хто. Наліваю і стаю ціха і доўга. Даніна памяці або нямое пытанне?

Так, трэба рухацца. Ёсік на чарзе. Ён пайшоў гадоў дзесяць таму, і я яго яшчэ памятаю. Часта з дзядзькам яны пакепвалі адзін з аднаго на адвечную старэчую тэму:

Так, надо двигаться. Ёсик на очереди. Он ушел лет десять назад, и я его еще помню. Часто с дядькой они подтрунивали друг над другом на извечную старческую тему:

— Ну, калі ты ўжо?
— Апасля вас! А ты?
— Недаждёсся, ха!

Очевидно, кто сошел с дистанции раньше...

Максима вообще по бумагам звали Мэлсом, но, видимо, он решил иначе. С детства утонченный обладатель славного лирического слога всегда проигрывал грубым задирам и матерным загибам. Как представилась возможность, он упорхнул отсюда прочь. Пообещав в сердцах, что никогда более не вернется. Судьба распорядилась иначе. После долгих лет странствий он вернулся — земля всегда берет свое.

А Сашка в другой области лежит вообще. Сразу об этом и не вспомнил. Остатки из бутылки добил сам и заел «Дюшесом». Приятно запекло. Все как-то стало проще и легче. Надо еще пощелкать.

Черные сосны средь утопших крестов и обелисков — не пейзаж для яркой обложки, но он реалистичен. Ладно. У нас как-то в чести гедонизм. Надо щелкнуть что-то другое: иссохшие травы в снегах — тривиальный шаблон, мороз и солнце — тем более...

— А хто ты тут такі і чый? — окликнули.
— Из газеты, я — журналист, — вру. Уверенно и даже не краснея.
— Ой, дзіцятка маё! Няўжо пачулі нас?
— Ага! — подыгryваю. Циник. Мелкий и противный.
У ограды стояла бабушка, с обветренным лицом и более короткой, чем моя, лопатой. Сразу вспомнил про лыжи. Возможно, хозяйка.

— Ну, калі ты ўжо?

— Апасля вас! А ты?

— Недаждёсся, ха!

Відавочна, хто сышоў з дыстанцыі раней...

У Максіма ўвогуле па паперах было імя Мэлс, але, мабыць, ён вырашыў інакш. З дзяцінства вытанчаны ўладальнік слайнага лірычнага складу заўсёды прыйграваў грубым задзірам і мацерным загібам. Як выпала магчымасць, ён уляпцеў адсюль прэч. Злосна паабяцаўшы, што ніколі больш не вернеца. Лёс распарадзіўся інакш. Пасля доўгіх гадоў падарожжаў ён вярнуўся — зямля заўсёды бярэ сваё.

А Сашка ўвогуле ў іншай вобласці ляжыць. Адразу пра гэта і не ўспомніў. Рэшткі з бутэлькі дабіў сам і заеў «Дзюшэсам». Прыемна запякло. Усё неяк стала прасцей і лягчэй. Трэба яшчэ пашчоўкаць.

Чорныя сосны сярод патанулых крыжоў і абеліскаў — не пейзаж для яркай вокладкі, але ён рэалістычны. Ладна. У нас неяк у пашпане геданізм. Трэба шчоўкнуць нешта іншое: ссохлыя травы ў снягах — трывіальны шаблон, мароз і сонца — тым больш...

— А хто ты тут такі і чый? — аклікнулі.

— З газеты, я — журналіст, — хлушу. Упэўнена і нават не чырванеючы.

— Ой, дзіцятка маё! Няўжо пачулі нас?

— Ага! — падыгрываю. Цынік. Дробны і гадкі.

Каля агароджы стаяла бабуля, з абветраным тварам і больш кароткай, чым мая, лапатай. Адразу ўспомніў пра лыжы. Магчыма, гаспадыня.

— Колькі ўжо змагаемся — і ніяк рады не дамо! Колькі ўжо пісалі і хадзілі, а ўсё адно і тое ж — не хочуць дрэвы рэзап' тут! Крычаць: «Няма срокаў у іх!» Што б яны апруцянялі, паскуды! А дрэвы — падаюць!

— Колькі ўжо змагаемся — і ніяк рады не дамо! Колькі ўжо пісалі і хадзілі, а ўсё адно і тое ж — не хочуць дрэвы рэзаць тут! Крычаць: «Няма срокаў у іх!» Што б яны апруцянулі, паскуды! А дрэвы — падаюць!

Баба Марыля начала рассказывать долгую эпопею о борьбе за спасение могил. Показывала могилы с оградами — гнутые, как кузнецким молотом, внушительно и с отпечатком страшной силы. Один памятник — в крошево. Из снега сиротливо торчит арматурка от основания. Скрупулезно снял все, на что она указывала: повреждения, разрушения, опасность, неизвестность...

Обещаю опубликовать. Благодарит, чуть не в пояс кланяется. Останавливаю — не люблю. Марыля рассказала много интересного и почти про каждого, кто лежал вдоль обратного пути. Кто сгорел, кто на спор выпил тормозной жидкости и умер — много всяких... А лыжи действительно ее:

— Не, ну а што? Зручна.

На том и разошлись. Возвращаюсь той же тропкой. Спешу, ибо подошвы основательно промерзли. Да и обратный путь всегда быстрее видится.

Замерз, а Тишка хочет поиграть. Прыгает радостный, дурной, с закрученным в сушку хвостом. А руку не кусает, кладет ее себе в пасть, не сжимая, мол: «Ага, я тебя поймал! Не уйдешь, но можешь попытаться! Но если ты меня погладишь, то я тебя отпущу, честное собачье слово!» Хитрец какой!

Дядька тоже рад:

— Як?!

— Хорошо. Привет передавали.

На лаконичный вопрос — краткий ответ.

Чую, что картошка почти готова, да и грибы вижу. Ладно, пока — на печь и буду решать вопрос с плодами своей брехни. Ну и спину греть с ногами. Ух, классно дрыжки выгоняет!

Баба Марыля пачала расказваць доўтую эпапею аб барацьбе за выратаванне магіл. Паказвала магілы з агароджамі — гнутыя, як кавальскім молатам, моцна і з адбіткам страшнай сілы. Адзін помнік — у крышанку. Са снегу сіратліва тырчыць арматурка ад падмурка. Скрупулёзна зняў усё, на што яна паказвала: пашкоджанні, разбурэнні, не-бяспеку, невядомасць...

Абяцаю апубліковаць. Дзякую, ледзь не ў пояс кланяецца. Спяняю — не люблю. Марыля распавяла шмат цікавага і амаль пра кожнага, хто ляжаў уздоўж зваротнага шляху. Хто згарэў, хто на спрэчку выпіў тармазной вадкасці і памёр — шмат усялякіх... А лыжы сапраўды яе:

— Не, ну а што? Зручна.

На tym і разышліся. Вяртаюся той жа спежкай. Спяшаюся, бо падэшвы зусім прamerзлі. Да і зваротны шлях заўсёды хутчэй бачыцца.

Замёрз, а Цішка хоча пагуляць. Скача радасны, дурны, з закручаным у сушку хвастом. А руку не кусае, кладзе яе сабе ў пашчу, не спіскаючы, маўляў: «Ага, я цябе злавіў! Не ўцячэш, але можаш паспрабаваць! Але калі ты мяне пагладзіш, то я цябе адпушчу, сло-ва гонару сабакі!» Хітрун які!

Дзядзька таксама рады:

— Як?!

— Добра. Прывітанне перадавалі.

На лаканічнае пытанне — кароткі адказ.

Чую, што бульба амаль гатовая, ды і грыбы бачу. Добра, пакуль — на печ і буду вы-рашыць пытанне з пладамі сваёй брахні. Ну і спіну грэць з нагамі. Ух, класна дрыжыкі выганяе!

Лучший способ расхлебать сооруженные самим же собой замки из пены — выполнить обещание.

Так, кто там у нас есть? О, Витя — хороший знакомый из районки. Надо помочь в заполнении материалом, а не все только банерную рекламу окон и дверей шлепать.

Пишу: «Здорова! Слушай, есть дело по части вашей власти четвертой!» Молчит. Ну, думаю, ты же видишь, что тебе сообщение доставлено. Ну отвлекись ты от «джинсы» и глянь на конвертик в углу.

«— Привет. Какое?

— Социально значимый материал. Счас и текст скину с фотками, годится?

— Ок, жду».

Печатаю прямо в сообщение — за дорогу все продумал уже. Двадцать пять строк и четыре фото.

«— Хорошо, — отвечает, — утром поставлю на сайт и попробую в номер.

— Спасибо тебе от... всех! И живых, и тех, что далече...»

— Есці ідзі. Усеўся ўжо ў тэлефона свайго.

«Иду-иду, а то ж у меня дистрофия, и вообще, сейчас глаза провалятся на фоне истощения, и помру с голоду».

Опять плачу ему незаслуженными словами, хоть и в мыслях. Черт! Пропащее поколение: гоняемся, а потом плачем из-за пенопластовых чувств, насмехаемся и отталкиваем подлинную любовь и заботу. А грибы хорошие. За занавеской сыплет мягкий и мелкий снежок. Тишка с яростным азартом ловит его. Как-то невпопад запеваю:

— Ты куды мяне клічаш, паслухай? Завіруха мяце, завіруха...

А куды? I како слухаць?

Лепшы спосаб расхлябаць збудаваныя самім жа сабою замкі з пены — выкананаць абязанне.

Так, хто там у нас ёсць? О, Віця — добры знаёмы з раёнкі. Трэба дапамагчы ў запаўненні матэрыялам, а не ўсё толькі банерную рэклamu вокнаў і дзвярэй ляпаць.

Пішу: «Здарова! Слухай, ёсць справа па частцы вашай улады чацвёртай!» Маўчыць. Ну, думаю, ты ж бачыл, што табе паведамленне дастаўлена. Ну адарвіся ты ад «джынсы» і глянь на канверцік ў куце.

«— Прывітанне. Якое?

— Сацыяльна значны матэрыял. Шчас і тэкст скіну з фоткамі, падыдзе?

— Ок, чакаю».

Пішу прама ў паведамленне — за дарогу ўсё прадумай ужо. Дваццаць пяць радкоў і чатыры фотаздымкі.

«— Добра, — адказвае, — раніцай пастаўлю на сайт і паспрабуем у нумар.

— Дзякую табе ад... ўсіх! І жывых, і тых, што далёка... »

— Есці ідзі. Усеўся ўжо ў тэлефона свайго.

«Іду-іду, а то ж у мяне дыстрафія, і ўвогуле, зараз вочы правалацца на фоне знясілення, і памру з голаду».

Зноў плачу́ яму незаслужанымі словамі, хоць і ў думках. Чорт! Пррапашчае пакаленне: ганяемся, а потым плачам з-за пенапластавых пачуццяў, насміхаемся і адптурхоўваем шчырую любоў і турботу. А грыбы добрыя. За фіранкай сыпле мяккі і дробны сняжок. Цішка з шалёнym азартам ловіць яго. Неяк неўпадад зацягнуў:

— Ты куды мяне клічаць, паслухай? Завіруха мяце, завіруха...

А куды? І каго слухаць?

Алёна Попко

Алёна Папко

Алёна Попко родилась 24 февраля 1990 года в д. Соколово Березовского района Брестской области.

В 2007 году окончила Огородниковскую среднюю школу. В том же году поступила в Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина на факультет иностранных языков, по окончании которого в 2012 году получила специальность «Преподаватель немецкого и английского языков». Работает в школе.

Лауреат Международного литературного конкурса «Першацвет» (номинация «Проза», 2018), победитель III Международного молодежного фестиваля-конкурса поэзии поэтических переводов «Берега дружбы» (диплом I степени, с. Покровское, 2018).

Алёна Папко нарадзілася 24 лютага 1990 года ў в. Сакалова Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці.

У 2007 годзе скончыла Агароднікаўскую сярэднюю школу. У tym жа годзе паступіла ў Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна на факультэт замежных моў, па заканчэнні якога ў 2012 годзе атрымала спецыяльнасць «Выкладчык нямецкай і англійскай моў». Працуе ў школе.

Лаўрэат у намінацыі «Проза» Міжнароднага літаратурнага конкурсу «Першацвет» (2018), пераможца III Міжнароднага маладзёжнага фестывалю-конкурсу паэзii і паэтычных перакладаў «Берагі дружбы» (дыплом I ступені, с. Пакроўскае, 2018).

РАДУГА

*В знак благодарности тете Нине,
которая открыла мне красоту
города над Бугом*

Счастье живет в самых лучших снах. В касаниях, улыбках, стеснительных взглядах, скромных волнениях и, известно же, в мечтах. Несмотря на их недостатки — наивность, — они остаются самыми светлыми и чистыми проводниками, что связывают наши судьбы с будущим. Своеобразная цепочка, только не электрического тока, а сердечных сокращений, которые готовят нас к испытаниям современности. Загадочно, но счастье не имеет определенного окраса. Оно включает в себя цвета радуги, которые берет в долг в небесах.

Красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Семь оттенков бессмертия и надежды. Без надежды не существует счастья. И благодаря ей оно будет стремиться насладиться явными — прозрачными — красками. Возможно, для того, чтобы каждый из нас мог написать его по-своему на кримпленовых или шерстяных жизненных лентах. И сделать это — рукой, или культей, или вообще зубами. Как делал он...

Однажды я неожиданно зашла в его комнату-мастерскую и увидела, как он, за jakiав кисти между зубами, пишет «Петунью». Розовые колокольчики — нежные и такие деликатные — смотрели на меня с бледного мольберта. Они будто со-дрогнулись, испугавшись меня, когда я вбежала в комнату, которая молилась на тишину. Тут господствовала гармония, о которой я давно забыла в ежедневной беготне.

ВЯСЁЛКА

*У знак уздячнасці ўёце Ніне,
якая адкрыла мне прыгажосць
горада над Бугам*

Шчасце жыве ў самых лепшых снах. У дотыках, усмешках, сарамлівых позірках, сціплых хваляваннях і, вядома ж, у мірах. Нягледзячы на іх недахопы — наўнасць, — яны застаюцца самымі светлымі і чыстымі праваднікамі, што паядноўваюць напы лёсы з будучыніяй. Своеасаблівы ланцужок, толькі не электрычнага току, а штуршкоў сэрца, якія рыхтуюць нас да выпрабаванняў сучаснасці. Загадкова, але шчасце не мае пэўнай афарбоўкі. Яно складаецца з колераў вясёлкі, якія пазычае ў нябёсах.

Чырвоны, аранжавы, жоўты, зялёны, блакітны, сіні, фіялетавы. Сем адценняў бессмяротнасці і надзеі. Без надзеі не існуе шчасця. І дзякуючы ёй яно будзе імкнунца атрымаць асалоду ад рэальных — празрыстых — фарбаў. Магчыма, для таго, каб кожны з нас мог напісаць яго па-свойму на крымпленавых або ваўняных стужках жыцця. І зрабіць гэта — рукой, ці куксай, ці ўвогуле зубамі. Як рабіў ён...

Аднойчы я нечакана зайшла ў яго пакой-майстэрню і ўбачыла, як ён, запіснушы пэндзлі ў зубах, піша «Петуній». Ружовыя званочкі — пяшчотныя і такія далікатныя — глядзелі на мяне з бледнага мальберта. Яны быццам задрыгануліся, спалохаўшыся мяне, калі я ўбегла ў пакой, які маліўся на цішынію. Тут панавала гармонія, пра якую я даўно забылася ў штодзённай мітусні.

Петуны задиристо подняли носики, когда я бросила растерянный взгляд на художника. Тот, разволнивавшийся, уронил кисть, и яркое пятно когтисто впилось в рубашку.

Вот так я — девушка-практикантка, неровно дышащая на художника, — впервые встретилась с настоящим творцом. Наша встреча, конечно, могла бы произойти при других обстоятельствах: если бы я от волнения не забыла постучать в окно и терпеливо дождаться, когда меня пригласят войти в дом. Но мне везет на приключения. В галерее столицы организовывалась выставка, куда мне было поручено пригласить художников из глубинки. Я тысячу раз прокручивала в голове сценарий вступительной беседы, и мне показалось, будто дверь под воздействием моей мысли открылась и позволила мне попасть в таинственную комнату, которая пропахла масляными красками.

Чувствуя вину перед творцом за свой неожиданный визит, я поспешила поднять с пола кисть, но... Вдруг увидела, как художник сник, застеснялся того, что не может сделать это сам. Его пальцы слегка зашевелились, будто пробовали схватить вещь, которая все время высказывала из них.

— Оставьте...

Он произнес это слово уверенно, уставившись в цветные занавески. Меньше всего ему хотелось, чтобы его жалели.

— Какие красивые у вас цветы, — произнесла я первое, что пришло в голову. И как-то ненатурально улыбнулась, чем — к своему удивлению — вызвала искреннюю улыбку в ответ.

Резануло чувство, будто в непривлекательную серую комнату ворвалось солнце и растопило ледяные барьера между вещами и людьми. И я выразительно осознала, что передо мной — не инвалид-колясочник, что обычно первое приходит

Петуній задзірліва паднялі носікі, калі я кінула разгублены пагляд на мастака. Той, расхваляваны, выпусціў пэндзаль, і яркая пляма, нібы кіпцюрамі, упілася ў капшулю.

Вось так я — дзяўчына-практыкантка, якая няроўна дыхала на мастака, — упершыню сустрэлася з сапраўдным творцам. Наша сустрэча, вядома, магла б адбыцца пры іншых абставінах: калі б я ад хвалявання не забылася пацукаць у акно і цярпіва дачакалася, калі мяне запросяць увайсці ў дом. Але мне шантуе на прыгоды. У галерэі сталіцы арганізоўвалася выставка, куды мне было даручана запрасіць мастакоў з глыбінкі. Я тысячу разоў пракручвала ў галаве сцэнарый уступнай гутаркі, і мне падалося, быццам дзвёры пад уздеяннем маёй думкі расчыніліся і дазволілі мне трапіць у таямнічы пакой, які пратапах алейнымі фарбамі.

Адчуваючы віну перад творцам за свой нечаканы візіт, я паспяшалася падняць з падлогі пэндзаль, але... Раптам убачыла, як мастак панікнуў, засаромеўся таго, што не можа зрабіць гэта сам. Яго пальцы злёгку заварушыліся, быццам спрабавалі схапіць реч, якая ўвесь час выслізгвала з іх.

— Пакіньце...

Ён вымавіў гэта слова ўпэўнена, утаропіўшыся ў каляровыя фіранкі. Менш усяго яму хацелася, каб яго шкадавалі.

— Якія прыгожыя ў вас кветкі, — прамовіла я першае, што прыйшло ў галаву. І неяк ненатуральна ўсміхнулася, чым — да свайго здзіўлення — выклікала пічырую ўсмешку ў адказ.

Разанула пачуццё, быццам у непрывабны шэры пакой уварвалася сонца і расплывіла ледзяныя бар'еры паміж речамі і людзьмі. І я выразна ўсвядоміла, што перада мной — не інвалід-вазочнік, што звычайна першае прыходзіць у галаву, калі бачыш асобу

в голову, если видишь личность с ограниченными способностями, а прежде всего — человек. И при этом — необычный, с трепетной душой художника.

— Вам нравится? — деликатно поинтересовался он и бросил стеснительный взгляд на расцветшие на мольберте петуны.

Я кивнула в ответ.

— На прошлой неделе я наткнулся на них в брестском парке. Издалека привлекли меня. Такие нежные и яркие. Облепили со всех сторон серый камень, установленный к 100-летию основания парка, и вытянули свои шейки в направлении солнца. Так необычно, не находите?

Хотелось согласиться, поддержать беседу, но я никогда не была в Бресте. Не видала ни знаменитой Брестской крепости, ни парка. Во время учебы в университете я вообще забыла об отдыхе и путешествиях — затягивали книги и красный диплом. Не то от стыда, не то от пристального внимания со стороны художника я почувствовала, как по моему лицу разлилось тепло. Скорее всего, внешне я в тот момент имела значительно больше сходства с красным букетом, чем существо, которое называется человеком.

— Я никогда не была в Бресте.

— Жаль, — произнес он так, будто сочувствие в первую очередь необходимо было мне. — Значит, вы никогда не видели удивительных рассветов над Бугом, не были свидетелем того, как фонарщик с наступлением темноты зажигает фонари на Советской?

Мне осталось только пожать плечами в ответ.

Внезапно трепетную тишину в мастерской нарушили быстрые шаги сапог. Оглянувшись, я увидела мужчину лет сорока, рослого, статного, в теплом свитере грубой вязки. Он подозрительно поднял бровь в мою сторону, и от колючего взгляда мне сделалось неудобно. А когда я догадалась, что он принял меня за

з аблежаванымі здольнасцямі, а перш за ўсё — чалавек. І пры гэтым — незвычайны, з трапяткой душой мастака.

— Вам падабаецца? — далікатна пацікавіўся ён і кінуў сарамлівы позірк на расквітнелыя на мальберце петуніі.

Я кіунула ў адказ.

— На мінулым тыдні я натрапіў на іх у брэсцкім парку. Здалёк прыцягнулі мяне. Такія далікатныя і яркія. Абліпілі з усіх бакоў шэры камень, усталіваны да 100-годдзя заснавання парка, і выцягнулі свае шыйкі ўнакірунку сонца. Так незвычайна, не знаходзіце? Хапелася пагадзіцца, падтрымаць гутарку, але я ніколі не была ў Брэсце. Не бачыла ні знакамітай Брэсцкай қрэпасці, ні парка. Падчас навучання ва ўніверсітэце я зусім забыла пра адпачынак і вандраванні — зацягвалі книгі і чырвоны дыплом. Ці то ад сорamu, ці то ад пільнай увагі з боку мастака я адчула, як па майм твары разліося цяпло. Хутчэй за ўсё, знешне я ў той момант мела значна больш падабенства з чырвоным букетам, чым істота, якая завецца чалавекам.

— Я ніколі не была ў Брэсце.

— Шкада, — прамовіў ён так, быццам спачуванне ў першую чаргу патрэбна было мне.

— Значыць, вы ніколі не бачылі дзівосных світанняў над Бугам, не былі сведкай таго, як ліхтаршчык з наступленнем цемры запальвае ліхтары на Савецкай?

Мне засталося толькі паціснуць плячамі ў адказ.

Раптам трапяткую цішыню ў майстэрні парушылі хуткія крокі ботаў. Азірнуўшыся, я ўбачыла мужчыну гадоў сарака, рослага, ладнага, у цёплым світары грубай вязкі. Ён падазронна падняў брыво ў мой бок, і ад калючага позірку мне зрабілася няёмка. А калі

злодейку, то чуть не провалилась на месте. Спасибо художнику, который пришел мне на помощь.

— У меня гости, Степан.

Я смогла с облегчением ухватить воздуха. Но для мужчины с колючими серыми глазами этого скучного объяснения было недостаточно, чтоб возвести меня в ранг «своих знакомых». В отличие от художника, который был готов обнять весь мир.

— Если бы мы знали, что вы зайдете... — попрекнул меня диковатый друг художника. Но не договорил.

— Степан, покажи нашей гостье мои картины.

Хозяин дома неохотно согласился — кивнул головою. И через некоторое время я, будто зачарованная Золушка, широко раскрытыми глазами созерцала красоту города, в котором никогда не была. Картины в обычных деревянных рамках привлекали к себе насыщенной палитрой теплых и студеных цветов.

Картина «Берестье»... И я будто там — между тонких березок-спасительниц. Слыши, как купцы плачут в бессилии, пробуют спасти товар: телега завязла в болоте. Кони ржут, не желая идти дальше. Да и куда идти? Колеса телег хватко держит болото. Картина-легенда... Слуги купцов срубают березки, что растут рядом, и делают настил. Из бересты... Деревья спасают купцов, не приводят к нищете. В дальнейшем — им везет. Торговля удается. А сами купцы на обратном пути на берегу реки строят себе город.

— Возможно, он предстанет в наших фантазиях по-другому, тот средневековый восточнославянский город. Если вы посетите музей «Берестье», вы почувствуете глубину его истории. Уникальной, как и находка XIII века — гребень с азбукой. Меня еще очень впечатлили древние шахматы. Особенно, фигура короля.

Я удивленно захлопала глазами, и художник будто перехватил направление моей мысли.

я здагадалася, што ён прыняў мяне за ліхадзейку, то ледзь не правалілася на месцы.
Дзякую мастаку, які прыйшоў мне на дапамогу.

— У мяне госці, Сцяпан.

Я змагла з палёгкай ухапіць паветра. Але для мужчыны з калючымі шэрымі вачамі гэтага скупога тлумачэння было недастаткова, каб узвесці мяне ў ранг «сваіх знаёмых». У адрозненне ад мастака, які быў гатовы абняць увесь свет.

— Калі б мы ведалі, што вы зойдзеце... — папракнуў мяне дзікаваты сябар мастака. Але не дагаварыў.

— Сцяпан, пакажы нашай госці мае карціны.

Гаспадар хаты неахвотна пагадзіўся — кіўнуў галавою. І праз пэўны час я, быццам зачараваная Папялушка, шырока расплюшчанымі вачамі сузірала прыгажосць горада, у якім ніколі не была. Карціны ў звычайных драўляных рамках прыцягвалі да сябе насычанай палітрай цёплых і халодных колераў.

Карціна «Бярэсце»... І я быццам там — паміж тонкіх бярозак-ратавальніц. Чую, як купцы плачуць у бяссіллі, спрабуюць выратаваць тавар: вазы загразлі ў балоце. Коні ржуць, не жадаючы ісці далей. Ды і куды ісці? Колы вазоў моцна трymae балота. Карціна-легенда... Слугі купцоў ссякаюць бярозкі, што растуць побач, і робяць насціл. З бяросты... Дрэвы ратуюць купцоў, не прыводзяць да беднасці. У далейшым — ім шанцуе. Гандаль удаецца. А самі купцы па дарозе назад на беразе ракі будуюць сабе горад.

— Магчыма, ён паўстане ў нашых фантазіях па-іншаму, той сярэднявечны ўсходнеславянскі горад. Калі вы наведаецце музей «Бярэсце», вы адчуеце глыбіню яго гісторыі. Унікальны, як і знаходка XIII стагоддзя — грэбень з азбукай. Мяне яшчэ вельмі ўразілі старажытныя шахматы. Асабліва, фігура караля.

— Удивляетесь, как я могу путешествовать.

— В вашем положении и при вашей болезни это, точно, очень тяжело.

— Спасибо Степану, который терпит мои капризы, — с нотками благодарности в голосе произнес художник.

Степан, который еще несколько секунд тому показался мне диковатым, застеснялся. Махнул рукою в ответ, желая тем самым отмахнуться от пристального внимания к своей скромной личности.

— Ты всегда был птицей высокого полета.

— Вы братья? — спросила я как-то неожиданно для самой себя. Пожалуй, это тот случай, когда мысль не успела созреть как мысль, а словом-воробьем слетела с языка.

Художник покрутил головой, а потом призадумался.

— Все люди на свете братья и сестры. Бывает, что родные отрекаются друг от друга, а чужие по крови люди становятся родными.

Огоньки печали промелькнули в его глазах.

— Но это не причина, чтобы не ценить жизнь.

И действительно, несмотря на трудности и потери, художник не потерял себя. Он — такой хилый и впечатлительный — противится встречным ветрам, которые безжалостно лупят по лицу, и верит в лучшее. Каждая его картина как живое действие, его видение мира. Видение того лучшего, что нас окружает.

«Заснеженный бульвар Космонавтов...» Зима смотрит тайно, потому что чувствует, что мне по душе лето. Зима — это всегда морозы, стужи, теплые рукавицы и все равно холодные пальцы. Хорошо, если есть тот, кто обогреет, прижмет к сердцу и назовет единственной. А если нет? Тогда зима послана не иначе, как издевательство. А здесь — зима другая: высокие здания, облепленные снегом,

Я здзіўлена залыпала вачамі, і мастак быццам перахапіў накірунак маёй думкі.

— Здзіўляецца, як я магу падарожнічаць.

— У вашым становішчы і пры вашай хваробе гэта, дакладна, вельмі цяжка.

— Дзякую Сцяпану, які церпіць мае капрызы, — з ноткамі падзякі ў голасе прамовіў мастак.

Сцяпан, які яшчэ некалькі секунд таму падаўся мне дзікаватым, засаромеўся. Махнуў рукою ў адказ, жадаючы тым самым адмахнуцца ад пільной увагі да сваёй спілай асобы.

— Ты заўсёды быў птушкай высокага палёту.

— Вы браты? — спытала я неяк нечакана для самой сябе. Бадай, гэта той выпадак, калі думка не паспела выспець як думка, а словам-вераб'ём зляцела з языка.

Мастак пакрүціў галавой, а потым прызадумаўся.

— Усе людзі на свецце браты і сёстры. Бывае, што родныя адракаюцца адзін ад аднаго, а чужыя па крыві людзі становяцца роднымі.

Аген'чыкі смутку мільганулі ў яго вачах.

— Але гэта не прычына, каб не цаніць жыццё.

І сапраўды, нягледзячы на цяжкасці і страты, мастак не страціў сябе. Ён — такі хілы і ўражлівы — супраціўляецца сустрэчным вятрам, якія бязлітасна лупяць па твары, і веврыць у лепішае. Кожная яго карціна як жывое дзеянне, яго светабачанне. Уяўленне таго лепішага, што нас атачае.

«Заснежаны бульвар Касманаўтаў...» Зіма глядзіць таемна, таму што адчувае, што мне па душы лета. Зіма — гэта заўсёды маразы, сцюжы, цёплыя рукавіцы і ўсё адно халодныя пальцы. Добра, калі ёсць той, хто абагрэе, прытуліць да сэрца і назаве адзінай. А калі няма? Тады зіму паслалі няйнакш, як у здзек. А тут — зіма іншая: высокія будынкі,

многоэтажки, магазины, а вдали — боязливый отблеск вечернего солнца. Вот-вот оно взмахнет оранжевым крылом и нырнет за горизонт на ночлег, чтобы переремать, отдохнуть от дневных хлопот, запастись силами и переродиться в лучах молодого солнца.

— У вас очень добрые картины, — высказалася я вслух теперь уже созревшую мысль.

— Это потому что вы — добрый человек. Поэтому они такими вам и кажутся. Я никогда не задумывалась, какая я и какие чувства во мне преобладают: доброта или, наоборот, легкомыслие. Все мы не безгрешные. Но, несмотря на это, мечтаем оказаться в раю.

«Блуждающий храм»... Какое интересное у картины название. И действительно, светло-зеленый пятикупольный храм возвышается над землею, как над нашими слабостями и грехами, и будто стремится взлететь в высоту. Вот оно — святое, молитвенное, вечное.

— Свято-Симеоновский кафедральный собор, главный храм Бреста, — пояснил изображение художник. — В нем находится частичка мощей Афанасия Брестского — святого заступника нашей земли. Брестчанам есть чем гордиться. Именно тут в 1997 году совершилось освящение копии Креста Евфросинии Полоцкой, которую исполнил брестский мастер Николай Кузьмич.

Глаза разбегались от разнообразных жизненных сюжетов. Вот он, «Рассвет над Бугом». Если солнышко только поднимается в высоту и намеревается пролить на зеленый свет свою теплоту. Сонный Буг томно потягивается. Его берега богаты цветами. Друг за другом они раскрывают свои богатые и более скромные бутоны — и город начинает цвести. Цветут его парки, аллеи, скверы. Цветут

аблепленыя снегам, шматнавярховікі, магазіны, а ўдалечыні — баязлівы водбліск вечаровага сонца. Вось-вось яно ўзмахне аранжавым крылом і нырне за гарызонт на началег, каб перадрамаць, адпачыць ад дзённых клопатаў, назапасіцца сіламі і перарадзіцца ў промнях маладога сонца.

— У вас вельмі добрыя карціны, — выказала я ўслых зараз ужо высpeйшую думку.

— Гэта таму што вы — добры чалавек. Таму яны такімі вам і здаюцца.

Я ніколі не задумвалася, якая я і якія пачуцці ўва мне пераважаюць: дабрыня ці, наадварот, легкадумства. Усе мы не бязгрэшныя. Але, нягледзячы на гэта, марым апынуцца ў раі.

«Блукаючы храм»... Якая цікавая ў карціны назва. І сапраўды, светла-зялёны пяцікупальны храм узвышаецца над зямлёю, як над напымі слабасцямі і трахамі, і быццам імкненцца ўзлящець у вышыню. Вось яно — святое, малітвойнае, вечнае.

— Свята-Сімяонаўскі кафедральны сабор, галоўны храм Брэста, — растлумачыў выяву мастак. — У ім знаходзіцца часцінка мошчаў Афанасія Брэсцкага — святога заступніка нашай зямлі. Брастаўчанам ёсць чым ганарыцца. Менавіта тут у 1997 годзе адбылося асвячэнне копіі Крыжа Ефрасінні Полацкай, якую выканаў брэсцкі майстар Мікалай Кузьміч.

Вочы разбягаліся ад разнастайных жыццёвых сюжэтаў. Вось яна, «Раніца над Бугам». Калі сонейка толькі падымаецца ў вышыню і намерваецца праліць на зялёны свет сваю цеплыню. Сонны Буг млява пацягваецца. Яго берагі багатыя кветкамі. Адна за адной яны раскрываюць свае багатыя і больш спілывы бутоны — і горад пачынае расцвітаць. Цвітуць яго паркі, алеі, скверы. Цвітуць пляцы, праспекты і вуліцы. А разам з імі

площади, проспекты и улицы. А вместе с ними цветут и души людей, которые не представляют своей жизни вдали от родного города.

Художник что-то шептал на ухо Степану, и тот докатил его инвалидное кресло до картины, которая стояла на полу и упиралась в стену.

— Картин много, а комната небольшая. Поэтому вмещаем как можем, — пояснил тот.

И действительно, рассмотреть все полотна не представлялось возможным из-за недостатка места. А так хотелось.

Я сделала несколько мелких шагов в направлении картины, что привлекла внимание творца, и приостановилась. Художник, углубленный в собственные воспоминания, молчал.

Улица... Красивая улица с раритетными фонарями. Сказочными фонарями. Магазины, магазины... Кофейня. Чашечка горячего кофе в ладонях девушки — черноволосой красавицы. В ее счастливых глазах живет любовь. Напротив нее сидит мужчина, одетый в пиджак. Но лица не видно, только спина. Ловлю себя на мысли, что знаю того, кто пожелал остаться неизвестным. Вот он, в инвалидном кресле. Худой, повзрослевший, не такой широкоплечий, как в молодости. Смотрит задумчиво, будто сквозь мрак, на свое счастье. На его лице — печаль, и радость, и боль. Неоправданная любовь всегда такая, болезненная... Чувство, будто раскрыли твою душу и принудили идти босиком по осколкам стекла. Время — вылечит. Но оно нет — не лечит. Только притупляет чувства, которые, бунтуя, родились когда-то и рассчитывали на бессмертность. Но попали в западню — их мерзко прижали к каменным стенам, чтобы отнять жизнь. Но они выжили.

квітнеюць і душы людзей, якія не ўяўляюць свайго жыцця далёка ад роднага горада.
Мастак нешта шаптаў на вуха Сцяпану, і той дакаці юго інвалідае крэсла да карціны,
якая стаяла на падлозе і ўпіралася ў спяну.

— Карцін шмат, а пакой невялікі. Таму размяшчаем як можам, — растлумачыў той.
І сапраўды, разгледзець усе палотны не ўяўлялася магчымым з-за недахопу месца. А так
хацелася.

Я зрабіла некалькі дробных кроکаў у накірунку карціны, што прыцягнула ўвагу творцы,
і прыпынілася. Мастак, паглыблены ва ўласны ўспаміны, маўчаў.

Вуліца... Прыгожая вуліца з рагытэтнымі ліхтарамі. Казачнымі ліхтарамі. Магазіны,
магазіны... Кавярня. Кубачак гарачай кавы ў далоніах дзяўчыны — чорнавалосай красуні.
У яе шчаслівых вачах жыве кахранне. Насупраць яе сядзіць мужчына, апрануты ў пінжак.
Але твару не бачна, толькі спіна. Лаўлю сябе на думцы, што ведаю таго, хто пажадаў
застацца невядомым. Вось ён, у інвалідным крэсле. Худы, пасталелы, не такі шырака-
плечы, як у маладосці. Глядзіць задуменна, быццам праз змрок, на сваё шчасце. На
яго твары — смутак, і радасць, і боль. Неапраўданае кахранне заўсёды такое, балючае...
Пачуццё, быццам раскрылі тваю душу і прымусілі ісці басанож па аскалёпках шкла.
Час — вылечыць. Але ён не — не лечыць. Толькі прыгупляе пачуцці, якія, бунтуючы,
нарадзіліся некалі і разлічвалі на бессмяротнасць. Але трапілі ў пастку — іх брыдка
прыціснулі да каменных сцен, каб адняць жыццё. Але яны выжылі.

— Яна ні ў чым не вінавата. Няшчасны выпадак прыкаваў мяне да гэтага крэслы. Яна
не павінна расплачвацца за недарэчнасці майго лёсу, — зрабіўшы намаганне і ўзяўшы
сябе ў рукі, прагаварыў мастак.

— Вы да гэтага часу яе кахаеце.

— Она ни в чем не виновата. Несчастный случай приковал меня к этому креслу. Она не должна расплачиваться за нелепости моей судьбы, — сделав усилие и взявшись в руки, произнес художник.

— Вы до сих пор ее любите.

Он ничего не отвечал. Он защищал свое счастье. То, что осталось ему от него на память, — эту улыбчивую девушку в рыжих оттенках осени. А осень всегда приходит неожиданно. Раскидывает по земле кружевную паутину на прощание с летом, застилает окрестность дождями и сыплет под ноги листопадами. В этот период как никогда хочется найти в небесах радугу. А с ней — надежду на лучшее.

— Если судьба занесет вас на улицу Советскую, а она занесет, я уверен, не спешите вечером домой, дождитесь фонарщика. Чуть сядется солнышко, он поднимается по лестнице и зажигает газовые фонари. Вы обязательно заметите его, потому что незаметным ему быть никогда не удается. Его всегда окружают люди, фотографируют. Каждый стремится потереть или подержаться за пуговицу на его кителе и загадать желание. Мое когда-то сбылось, — поделился со мной своими теплыми воспоминаниями художник.

Сколько всего таинственного скрыто в его душе! Время летело, будто рисунки во время грозы. И меня не покидало чувство, что я уже где-то раньше встречала этого человека. Особенное чувство дежавю, которое не поддается объяснению. Я сообщила художнику о цели своего визита. Он послушал меня и согласился принять участие в столичной выставке: разрешил мне взять несколько картин. И попросил извиниться, что не представляется возможным поехать самому: с наступлением холодов подводит здоровье.

Окрыленная, я возвращалась домой, не подозревая, какие трудности ждут меня впереди. А получилось так, что большой выставочный павильон следующим утром был забит различными картинами, и мне пришлось вырывать место для

Ён нічога не адказваў. Ён абараняў сваё шчасце. Тоё, што засталося яму ад яго на памяць, — гэту ўсмешлівую дзяўчыну ў рудых адценнях восені. А восень заўсёды прыходзіць нечакана. Раскідае па зямлі карункаве павуцінне на развітанне з летам, засцілае наваколле дажджамі і сыпле пад ногі лістападамі. У гэты перыяд як ніколі хо- чацца знайсці ў нябесах вясёлку. А з ёй — надзею на лепшае.

— Калі лёс занясе вас на вуліцу Савецкую, а ён занясе, я ўпэўнены, не спяшайтесь веча- рам дадому, дачакайтесь ліхтаршчыка. Ледзь сяде сонейка, ён падымаецца па лесвіцы і запальвае газавыя ліхтары. Вы аваўязкова зауважыце яго, таму што незаўажным яму быць ніколі не атрымоўваецца. Яго заўсёды акружжаюць людзі, фатаграфуюць. Кожны імкнецца пацерці ці патримаецца за гузік на яго кіцелі і загадаць жаданне. Маё некалі здзейснілася, — падзяліўся са мной сваімі цёплымі ўспамінамі мастак.

Колькі ўсяго таямнічага схавана ў яго душы! Час ляцеў, быццам малюнкі ў час навальніцы. І мяне не пакідала пачуццё, што я ўжо недзе раней сустракала гэтага чалавека. Асаблівае пачуццё дэжавю, якое не паддаецца тлумачэнню. Я паведаміла мастаку пра мэту свайго візіту. Ён паслухаў мяне і пагадзіўся паўдзельнічаць у сталічнай выставе: дазволіў мне ўзяць некалькі карцін. І папрасіў прафесіяльца яго, што не мае магчымасці паехаць самому: з надыходам халадоў падводзіць здароўе.

Акрыленая, я вярталася дадому, не падазраючы, якія цяжкасці чакаюць мяне напера- дзе. А атрымалася так, што вялікі выставачны павільён наступнай раніцай быў забіты рознымі карцінамі, і мне давялося вырываць месца для карцін, якія я прывезла. Маю начальніцу гэта зусім не хвалявала: яна ўвесе час круцілася каля малавядомых мастакоў, чые карціны занялі першы план выставы. Піяр ёсць піяр.

картин, которые я привезла. Мою начальнице это вообще не волновало: она все время крутилась возле малоизвестных художников, чьи картины заняли первый план выставки. Пиар есть пиар.

Но еще обиднее мне стало, когда я узнала, каким образом художники приобрели себе престижные места. Жаль, что в наше время все решают деньги. А о картинах, за которыми я ездила в далекую деревню по приказу той же моей начальницы и которые должны были украсить выставку, а не пылиться в закоулке, все с легкостью забыли. Кто-то останавливался возле них, а кто-то спешил вперед, в гущу событий. Резанули слова парня, оброненные на ходу: «Я и сам так могу нарисовать...» Девушка, державшая своего любимого под руку, согласилась. А я, проглотив горький ком, молча продолжала вывешивать остальные картины.

«Брестская крепость. Радуга...» Затаив дыхание я впилась взглядом в полотно — в здание из красного кирпича с причесанными вверх башнями и пышной высокой елкой с левой стороны. На красном кирпиче — следы пуль и снарядов. А в чистой синеве над казармами — радуга. Чистая, яркая. Как и будущее, вымоленное для нас у небес ценою жизни каждого третьего.

— Знаменитые Холмские ворота, — послышался рядом женский голос. — Именно возле них 30 июня 1941 года фашистами был расстрелян один из руководителей обороны крепости — комиссар Фомин Ефим Моисеевич.

Словив мой удивленный взгляд, женщина пояснила:

— Я родом из Бреста. Муж — военный, поэтому довелось переехать. А когда я приезжаю на Родину, в родной город, то обязательно посещаю крепость. Прихожу туда, чтобы послушать тишину. Она там другая, жгучая и святая. А сколько там плакучих ив! К земле склоняются, благодарят за мир.

Что-то шевельнулось во мне в тот момент. Почувствовала, как на глаза набегают слезы, а сердце просит навестить удивительный город над Западным Бугом.

Але яшчэ больш крыўдна мне стала, калі я даведалася, якім чынам мастакі прыдбалі сабе прэстыжныя месцы. Шкада, што ў наш час усё вырашаюць грошы. А пра карціны, за якімі я ездзіла ў далёкую вёску па загадзе той жа маёй начальніцы і якія павінны былі ўпрыгожыць выставу, а не пыліцца ў закутку, усе з лёгкасцю забылі. Хтосьці спыняўся каля іх, а хтосьці спяшаўся наперад, у гушчыню падзей. Разанулі слова хлопца, кінутыя на ходу: «Я і сам так магу намаляваць...» Дзяўчына, якая трymала свайго каханага пад руку, пагадзілася. А я, праглынуўшы горкі камяк, моўчкі працягвала вывешваць астатнія карціны.

«Брэсцкая крэпасць. Вясёлка...» Стайшы дыханне я ўтаропілася ў палатно — у будынак з чырвонай цэглы з прычасанымі ўгару вежамі і пышнай высокай елкай з левага боку. На чырвонай цэгле — сляды куль і снарадаў. А ў чыстым блакіце над казармамі — вясёлка. Чыстая, яркая. Як і будучае, вымаленае для нас у нябёсаў цаною жыцця кожнага трэцяга.

— Знакамітая Холмскія вароты, — пачуўся побач жаночы голас. — Менавіта каля іх 30 чэрвеня 1941 года фашыстамі быў расстрэляны адзін з кіраўнікоў абароны крэпасці — камісар Фамін Яфім Маісеевіч.

Злавіўшы мой здзіўлены пагляд, жанчына расглумачыла:

— Я родам з Брэста. Муж — ваенны, таму давялося пераехаць. А калі я прыязджаю на Радзіму, у родны горад, то абавязкова наведваю крэпасць. Прыходжу туды, каб паслухаць цішынню. Яна там іншая, пякучая і святая. А колькі там ніцых вербаў! Да зямлі схіляюцца, дзякуюць за мір.

Нешта варухнулася ўва мне ў той момант. Адчула, як на очы наварочваюцца слёзы, а сэруца просіць наведаць дзівосны горад над Заходнім Бугам. Я яшчэ раз зірнула на

Я еще раз взглянула на картину, что держала в руках и с которой не могла расстаться. Подождите, Холмские ворота, я приеду. Приеду, чтобы поклониться подвигу и мужеству твоих защитников, Брестская крепость! Их завещанию, написанному на сердцах: «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина».

Молодой парень — проводник протянул мне билет и добродушно произнес:
— Плацкарт до Бреста, пожалуйста.

Я растерянно улыбнулась в ответ, пробуя закрыть непослушный зонтик, который, вопреки моим усилиям, не переставал раскрываться. Одолжила у подруги на всякий случай, а как правильно пользоваться ее навороченным тугим полуавтоматом, не поинтересовалась. Глядя на мои напрасные старания в укрощении зонтика, проводник предложил мне свою помощь.

— Нужно крепче нажать.

Зонтик сопротивляться не стал и очень быстро вернулся ко мне в сложенном виде.

— А вам везет, — как-то загадочно произнес парень и поднял глаза в небеса. — Радуга!

— Редкое явление осенью, — произнесла я, не сводя завороженного взгляда с разноцветного чуда.

Любопытные пассажиры тоже подняли головы ввысь, чтобы сохранить в памяти щедрый подарок небес.

Красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый... Семь оттенков бессмертия и надежды. Больше не оставалось сомнений: я делаю все правильно. Встречай, Брест! И с наступающим праздником тебя — с тысячелетием!

— Счастливой вам дороги!..

карціну, што трymала ў руках і з якой не магла расстацца. Пачакайце, Холмскія варо-
ты, я прыеду. Прыйеду, каб пакланіцца подзвігу і мужнасці тваіх абаронцаў, Брэсцкая
крэпасць! Іх завяшчанню, напісанаму на сэрцах: «Я паміраю, але не здаюся! Бывай,
Радзіма».

Малады хлопец — праваднік працягнуў мне квіток і дабрадушна сказаў:

— Плацкарт да Брэста, калі ласка.

Я разгублена ўсміхнулася ў адказ, спрабуючи закрыць неслухмяны парасон, які, насу-
перак майм намаганням, не пераставаў раскрывацца. Пазычыла ў сяброўкі на ўсялякі вы-
падак, а як правільна карыстатацца яе наварочаным тутім паўднёвам, не пацікавілася.
Гледзячы на мае марныя старанні ва ўтаймаванні парасона, праваднік прапанаваў мне
свяю дапамогу.

— Трэба мацней націснуць.

Парасон супраціўляцца не стаў і вельмі хутка вярнуўся да мяне ў складзеным выглядзе.

— А вам пашанце, — неяк загадкова прамовіў хлопец і падняў вочы ў нябёсы. — Вясёл-
ка!

— Рэдкая з'ява восенню, — прамовіла я, не адводзячы зачараванага пагляду са шмат-
каляровага цуда.

Цікаўныя пасажыры таксама паднялі галовы ўверх, каб захаваць у памяці шчодры па-
дарунак нябёсаў.

Чырвоны, аранжавы, жоўты, зялёны, блакітны, сіні, фіялетавы... Сем адценняў
бяссмяротнасці і надзеі. Больш не заставалася сумненняў: я раблю ўсё правільна. Су-
стракай, Брэст! І з надыходзячым святам цябе — з тысячагоддзем!

— Шчаслівага вам пляху!..

Юлия Шурбина

Юлія Шурбіна

Юлия Шурбина родилась 7 ноября 1994 года. Окончила Белорусский государственный университет в 2017 году. Живет в городе Борисове, в данный момент находится в отпуске по уходу за ребенком.

Юлія Шурбіна нарадзілася 7 лістапада 1994 года. Скончыла Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт у 2017 годзе. Жыве ў горадзе Барысаве, у дадзены момант знаходзіцца ў адпачынку па даглядзе за дзіцём.

ВАНИЛЬНОЕ ПЕЧЕНЬЕ

Я открыл глаза. Взглянув на календарь и убедившись, что сегодня 10 июня, я перевернулся на другой бок и уставился в стену. Сегодня мне тринадцать, но никакого праздника я не чувствую. На дворе лето, и все одноклассники уже разъехались по лагерям и морям, а мама на работе. Самое неудачное время для того, чтобы праздновать свой день рождения. Я встал с кровати, обулся и вышел в кухню. На столе стоял праздничный торт, подарочная коробка и записка от мамы: «С днем рождения, милый! Съешь торт для настроения (и мне не забудь оставить), а в коробке — подарок, вам с Саньком на аттракционы». Санёк — мой лучший друг и одноклассник. Это лето мы собирались провести вместе, облазить если не весь город, то хотя бы часть в поисках приключений на свою голову. В лагерь мы не поехали, даже не пришлось уговаривать мам. Моя только фыркнула, пожала плечами и продолжила разговор по телефону, от которого я ее оторвал.

Санёк позвонил в дверь как раз в тот самый момент, когда чайник зашипел на плите, а я раскладывал куски торта на две тарелки.

— С днем рождения, бро! — весело бросил Санёк и протянул подарочный пакет. — Долго думал, что подарить, и решился на новый геймпад, раз твой барахлит.

— Спасибо, — сказал я.

— Ну, так куда мы поедем? — поинтересовался Санёк.

— Думаю, в парк Горького сгоняем, а потом в кафе.

— Ну и отлично.

ВАНІЛЬНАЕ ПЕЧЫВА

Я расплюшчыў вочы. Глянуўшы на каляндар і пераканаўшыся, што сёння 10 чэрвеня, я перавярнуўся на другі бок і ўтаропіўся ў сцяну. Сёння мне трынаццаць, але ніякага свята я не адчуваю. На двары лета, і ўсе аднакласнікі ўжо раз'ехаліся па лагерах і морах, а мама на працы. Самы няўдалы час для таго, каб святкаваць свой дзень нараджэння. Я ўстаў з ложка, абуйся і выйшаў у кухню. На стале стаяў святочны торт, падарачная каробка і запіска ад матулі: «З днём нараджэння, мілы! З'еш торт для настрою (і мне не забудзь пакінуць), а ў каробцы — прэзент, вам з Саньком на атракцыёны». Санё-ё-ё-ёк! Я глянуў на гадзіннік, заставалася хвілін дваццаць да яго прыходу. Санёк — мой лепшы сябар і аднакласнік. Гэта лета мы збіраліся правесці разам, аблазіць калі не ўвесь горад, то хаця б частку ў пошуках прыгод на сваю галаву. У лагер мы не паехалі, нават не давялося ўгаворваць мам. Мая толькі фыркнула, паціснула плячамі і працягнула гутарку па тэлефоне, ад якой я яе адараў.

Санёк пазваніў у дзвёры якраз у той самы момант, калі чайнік запышпеў на пліце, а я раскладваў кавалкі торта на дзве талеркі.

— З днём нараджэння, бро! — весела кінуў Санёк і працягнуў падарачны пакет. — Доўга думаў, што падарыць, і рагышўся на новы геймпад, бо твой барахліць.

— Дзякую, — сказаў я.

— Ну, так куды мы паедзем? — пацікавіўся Санёк.

— Думаю, у парк Горкага зганянем, а потым у кафэ.

— Ну і добра.

Мы хутка з'елі салодкі прэзент ад мамы, запілі чаём і выйшлі на вуліцу.

Мы быстро съели сладкий презент от мамы, запили чаем и вышли на улицу. На дворе стояла адская жара, хоть и было начало июня. Дворовые футболисты, наши с Саньком одногодки, развалились в тени густого дерева, а на лавочке сидел только один человек — дед Егор. Он был необщительным, замкнутым и, пожалуй, его боялись не только дети, но и взрослые, потому что я ни разу не видел его разговаривающим с кем-нибудь. Зато слухов о нем ходила тьма-тьмущая. И все выставляли деда Егора человеком злобным, обиженным на жизнь. Этому еще и внешний вид хорошо поспособствовал. Дед Егор всегда носил длинные сапоги: летом — резиновые, зимой — валенки, да и вообще любил одеться не по погоде. И, наверное, его можно было бы назвать самым одиноким человеком, если бы не одно но в виде его собаки Амура, простого дворового пса. Сейчас Амур сидел рядом с хозяином и тяжело дышал от жары, высунув язык наружу. Мы с Саньком прошли мимо и не поздоровались, да и не думаю, что деду Егору так необходимо было наше приветствие.

В первую очередь мы решили съездить в парк. Путь был недалек: пятнадцать минут пешком, а там уже на троллейбусе можно доехать. Было бы все так просто. На самом деле шли мы куда медленнее обычного, уткнувшись носом в телефоны и обсуждая новости. Да так заинтересованно смотрели в свои гаджеты, что не заметили, как подошли к проезжей части.

— Куда прешь? — послышался позади нас голос, и кто-то, схватив Санька за ширворот, резким движением оттащил его от проезжей части за секунду до того, как на этом месте промчался грузовик.

— А? Что? — испуганно начал озираться Санёк, выронив телефон из рук.

— Куда прешь, поганец, я говорю! — это кричал дед Егор. Пока мы с Саньком дошли до проезжей части, он, прихрамывая, догнал нас. — Ты не видишь крас-

На двары стаяла пякельная спёка, хоць і быў пачатак чэрвеня. Дваровыя футбалісты, напы з Саньком аднагодкі, разваліліся ў цені густога дрэва, а на лаўцы сядзеў толькі адзін чалавек — дзед Ягор. Ён быў негаваркі, замкнёны і, мабыць, яго баяліся не толькі дзеци, але і дарослыя, таму што я ні разу не бачыў, як ён размаўляе з кім-небудзь. Затое чутак пра яго хадзіла пропъма. І ўсе выстаўлялі дзеда Ягора чалавекам злосным, пакрыўданым жыццём. Гэтаму яшчэ і знешні выглед добра паспрыяў. Дзед Ягор заўсёды насіў доўгія боты: улетку — гумавыя, узімку — валёнкі, дый увогуле любіў апрануцца не адпаведна з надвор'ем. І, магчыма, яго можна было б назваць самым самотным чалавекам, калі б не яго сабака Амур, прости дваровы сабакі. Цяпер Амур сядзеў побач з гаспадаром і цяжка дыхаў ад спёкі, высалапіўшы язык. Мы з Саньком прайшлі міма і не прывіталіся, дый не думаю, што дзеду Ягору так трэба было наша прывітанне. У першую чаргу мы вырашылі з'ездзіць у парк. Шлях быў недалёкі: пятнаццаць хвілін пешшу, а там ужо на трамвайбусе можна даехаць. Каб усё так проста было. Насамрэч ішлі мы куды павольней звычайнага, уторкнуўшыся носам у тэлефоны і абмяркоўваючы навіны. Ды так зацікаўлена глядзелі ў свае гаджэты, што не заўважылі, як падышлі да праезнай часткі.

— Куды прэш? — пачуўся голас за намі, і нехта, скапіўшы Санька за каўнер, рэзкім рухам адцягнуў яго ад праезнай часткі за секунду да таго, як на гэтым месцы прамчаўся грузавік.

— А? Што? — спалохана пачаў азірацца Санёк, выпусciўшы тэлефон з рук.

— Куды прэш, паганец, я кажу! — гэта крычаў дзед Ягор. Пакуль мы з Саньком дайшлі да праезнай часткі, ён, кульгаючы, дагнаў нас. — Ты не бачыш чырвоны сігнал святлафора? — працягваў бурчэць дзед. — Уторкнуцца ў свае тэлефоны, гары яно гарам. Зусім матулі не шкада?

ный сигнал светофора? — продолжал ворчать дед. — Уткнутся в свои телефоны, пропади оно пропадом. Матери совсем не жалко?

— Я... я, — начал было Санёк, но от испуга не мог толком ничего сказать.

Я поблагодарил деда Егора вместо друга и заметил, что у соседа в руках был букет из гвоздик.

«На праздник, что ль, собрался?» — подумал я.

Мы с Саньком от греха подальше спрятали свои телефоны в карманы и сели в троллейбус. Сосед сел вместе с нами. Амур послушно сидел возле хозяина и все еще продолжал тяжело и быстро дышать. На следующей остановке в троллейбус зашла тучная женщина-кондуктор и начала проверять билеты. У меня не было привычки ездить «зайцем», поэтому я спокойно показал свой пробитый талон и спрятал его в карман. А вот дед Егор торопливо шарил по карманам и искал что-то.

— Что у вас за проезд, мужчина? — поинтересовалась кондуктор у деда Егора.

— Тьфу, — бросил он в ответ, — наверное, удостоверение дома забыл вместе с кошельком.

— И что мне теперь прикажете делать? Удостоверения нет, — кондуктор встала в позу, уперев руки в бока, — собака без намордника.

— Я заплачу, — послышался голос Санька.

Кондуктор удивленно обернулась.

— Внук, что ль?

— Сосед, — кратко ответил Санёк и протянул монеты.

— А с собакой что будем делать? — не отставала кондуктор.

— Мне тут недалеко, — ответил дед Егор. — Только до кладбища.

— Я... я, — пачаў быў Санёк, але з перапуду не мог амаль нічога сказаць.

Я падзякаваў дзеду Ягору замест сябра і зауважыў, што ў суседа ў руках быў букет з гваздзікоў.

«На свята сабраўся, ці што?» — падумаў я.

Мы з Саньком далей ад граху схавалі свае тэлефоны ў кішэні і селі ў трамвай. Сусед сеў разам з намі. Амур паслухмяна сядзеў каля гаспадара і ўсё яшчэ працягваў цяжка і хутка дыхаць. На наступным прыпынку ў трамвай зайшла мажная жанчына-кандуктар і пачала правяраць квіткі. У мяне не было звычкі ездзіць «зайцам», таму я спакойна паказаў свой праўты талон і схаваў яго ў кішэню. А вось дзед Ягор таропка мацаў па кішэнях і шукаў нешта.

— Што ў вас за праезд, мужчына? — пацікавілася кандуктар у дзеда Ягора.

— Цыху, — кінуў ён у адказ, — мабыць, пасведчанне дома забыў разам з кашальком.

— І што мне зараз рабіць? Пасведчання няма, — кандуктар стала ў позу, упёршы руکі ў бокі, — сабака без намордніка.

— Я заплачу, — пачуўся голас Санька.

Кандуктар здзіўлена павярнулася.

— Унук, так?

— Сусед, — коратка адказаў Санёк і працягнуў манеты.

— А з сабакам што будзем рабіць? — не адставала кандуктар.

— Мне тут недалёка, — адказаў дзед Ягор. — Толькі да могілак.

Пасля таго, што здарылася мы пасябравалі з бурклівым суседам. Як высветлілася, амаль кожны тыдзень дзед Ягор ездзіў з кветкамі на могілкі да жонкі Марыі. Яны абое пераехалі

После случившегося мы подружились с ворчливым соседом. Как оказалось, почти каждую неделю дед Егор ездил с цветами на кладбище к жене Марии. Они оба переехали в Беларусь из далекого Хабаровска больше двадцати лет назад и так и остались тут жить. А друга Амура он назвал в честь реки на его далекой родине.

— А разве у вас нет детей? — спросил как-то Санёк.

— Был сын, точнее, я думаю, есть, — огорченно ответил дед Егор. — Мы разругались, когда уезжали сюда, и больше я его не видел.

— Вы даже не писали ему? — ошарашенно спросили мы с Саньком.

— Нет, — отрицательно покачал головой дедушка, — дела семейные такие. Мария, жена моя, переживала сильно, но сгоряча я запретил ей любую связь с сыном. Так и она ушла, — показал дед Егор пальцем вверх, — не попрощавшись с ним и не увидев внуков. А сейчас не думаю, что найду его. Да и зачем я ему нужен спустя столько времени?

Мы предложили поискать его в «Одноклассниках», на что сосед только кратко ответил:

— Стыдно.

А мы больше эту тему не поднимали. Зато часто захаживали к соседу, чтобы помочь по дому. Спустя время мы даже узнали его отчество — Сергеевич. У деда Егора дома было много всякого антиквариата: мебель, картины, книги. Особенно полюбились нам с Саньком книги из библиотеки Егора Сергеевича.

— «Кортик» читали? — как-то спросил он, протянув нам потрепанную книжку.

— Нет, — хором ответили мы.

— В наше время любой уважающий себя пионер читал эту трилогию писателя Рыбакова.

ў Беларусь з далёкага Хабараўска больш за дваццаць гадоў таму і так і засталіся тут жыць. А сябра Амура ён назваў у гонар ракі на яго далёкай радзіме.

— А хіба ў вас дзяцей няма? — спытаў неяк Санёк.

— Быў сын, дакладней, я думаю, ёсць, — сумна адказаў дзед Ягор. — Мы пасварыліся, калі пераязджалаі сюды, і больш я яго не бачыў.

— Вы нават не пісалі яму? — ашаломлена спыталі мы з Саньком.

— Не, — адмоўна памахаў галавой дзядуля, — справы сямейныя такія. Марыя, жонка мая, перажывала моцна, але, пагарачыўшыся, я забараніў ёй любую сувязь з сынам. Так і яна пайшла, — паказаў дзед Ягор пальцам угару, — не развітаўшыся з ім і не ўбачыўшы ўнукаў. А цяпер не думаю, што знайду яго. Дый праз столькі часу навоніта я яму патрэбен?

Мы прапанавалі пашукавец яго ў «Аднакласніках», на гэта сусед толькі коратка адказаў:
— Сорамна.

А больш мы гэту тэму не падымалі. Затое часта наведваліся да суседа, каб дапамагчы па дому. Праз некаторы час мы нават дазналіся яго імя па бацьку — Сяргеевіч. У дзеда Ягора дома было шмат рознага антыкварыяту: мэблі, карціны, книгі. Асабліва спадабаліся нам з Саньком книгі з бібліятэкі Ягора Сяргеевіча.

— «Корцік» чыталі? — неяк спытаў ён, працягнуўшы нам патрапаную кніжку.

— Не, — хорам адказалі мы.

— У наш час кожны паважаючы сябе піянер чытаў гэту трывогію пісьменніка Рыбакова.

Так мы даведаліся і пра «Корцік», і пра «Бронзавую птушку», і пра «Стрэл». А яшчэ па чарзе чыталі книгі Стругацкіх, Джэка Лондана, Марка Твэна і Джэймса Олівера Кервуда.

Так мы узнали и о «Кортике», и о «Бронзовой птице», и о «Выстреле». А еще по очереди читали книги Стругацких, Джека Лондона, Марка Твена и Джеймса Оливера Кервуда.

Дед Егор учил нас играть в шахматы и шашки. Надев очки, с важным видом он рассказывал о принципах успешной игры. В конце концов, мы научились более-менее сносно играть.

* * *

Однажды мы сидели за столом на крохотной кухне и пили чай с пряниками. Дед Егор уже раз пятый рассказывал одну и ту же историю из своего детства, но нам было не в тягость его слушать. За окном вот уже битый час медленно и лениво шел дождь. Часы с кукушкой равномерно тикали, заполняя паузы в разговоре. Вдруг дед Егор схватился за сердце и чуть не упал на пол, вовремя зацепившись рукой за стол. Санёк бросился к нему.

— Что случилось? — дрожащим голосом спросил он.

— С... сердце, — еле слышно прошептал сосед.

— Звони в «скорую»! Быстро! — кричал Санёк, поднимая деда Егора.

Я схватил телефон, набрал номер и сообщил женщине на том конце провода о случившемся.

— Ждите бригаду, — ответила она.

Казалось, «скорую» мы ждали очень долго, хотя на деле прошло пятнадцать минут. Мы все носились вокруг деда Егора, искали на полках его таблетки, Санёк таскал воду. Соседу было слишком плохо, чтобы он мог толком что-то объяснить.

Дзед Ягор вучыў нас гуляць у шахматы і шашкі. Надзеўшы акуляры, з важным выглядам ён рассказваў пра прынцыпы паспяховай гульні. Урэшце, мы навучыліся больш-менш прыстойна гуляць.

* * *

Аднойчы мы сядзелі за столом на маленечкай кухні і пілі чай з пернікамі. Дзед Ягор ужо ў пяты раз рассказваў адну і тую ж гісторыю са свайго дзяцінства, але нам было не цяжка яго слухаць. За акном вось ужо гадзіну павольна і ленавата ішоў дождж. Гадзіннік з зязюляй раўнамерна цікаў, запаўняючы паўзы ў гутарцы. Раўгтам дзед Ягор схапіўся за сэрца і ледзь не зваліўся на падлогу, своечасова зачапіўшыся рукой за стол. Санёк кінуўся да яго.

— Што здарылася? — дрыготкім голасам спытаў ён.

— С... сэрца, — ледзь чутна прашантай сусед.

— Тэлефануў у «хуткую»! Хутчэй! — кричаў Санёк, падымаючы дзеда Ягора.

Я схапіў тэлефон, набраў нумар і паведаміў жанчыне на tym канцы проваду, што здарылася.

— Чакайце брыгаду, — адказала яна.

Здавалася, «хуткую» мы чакалі вельмі доўга, хоць на самой справе прайшло пятнаццаць хвілін. Мы ўсё насіліся вакол дзеда Ягора, шукалі на паліцах яго таблеткі, Санёк цягая ваду. Суседу было занадта дрэнна, каб ён мог толкам нешта растлумачыць. Таму, калі прыехала брыгада, мы змаглі перадыхнуць і нарэшце перастаць калаціца ад страху.

Поэтому, когда приехала бригада, мы смогли передохнуть и наконец-то перестать колотиться от страха.

Егора Сергеевича увезли в больницу. Позже мы смогли узнать, что его забрали в 1-ю городскую больницу. На следующий день я и Санёк отправились туда навестить нашего нового друга, но так и не смогли пройти дальше злой медсестры на проходной.

— Вы кто ему? Родственники? — все выпытывала она.

— Нет, — устало повторяли мы, пытаясь достучаться, — у него никого здесь нет.

— Мальчики, не отнимайте время у врача. Он и без вас разберется.

Мы с Саньком нашли только один выход — попросить мою маму поговорить с врачом и навестить деда Егора.

— Мальчики, я занята, — отнекивалась мама.

— Ну, теть Света, это наш друг. А у него совсем никого-никого здесь нет, — настаивал Санёк.

— Ладно, пятнадцать минут максимум. А затем я поеду по своим делам.

Так мы с Саньком уговорили маму отвезти нас в больницу и поговорить с врачом. В палате Егора Сергеевича никого не было. Сам он лежал, подключенный к аппаратам, на высокой кровати.

— Совсем плох стал, — сказал дед Егор, еле-еле улыбнувшись. — Старый пень.

— Какой старый пень? — удивился Санёк.

За этот месяц он больше меня привязался к деду Егору. Может, причина столь большой привязанности была в том, что у него не было дедушки. Зато были родители, вечно занятые своими делами.

— Старость никому не в радость, внук, — прохрипел Егор Сергеевич.

Ягора Сяргеевіча павезлі ў бальніцу. Пазней мы змаглі даведацца, што яго забралі ў 1-ю гарадскую бальніцу. На наступны дзень я і Санёк адправіліся туды праведаць нашага новага сябра, але так і не змаглі прайсці далей злой медсястры на прахадной.

— Вы хто яму? Свяякі? — усё выпытвала яна.

— Не, — стомлена паўтаралі мы, спрабуючы дастукацца, — у яго нікога тут няма.

— Хлопчыкі, не аднімайце час у доктара. Ён і без вас разбярэцца.

Мы з Саньком знайшлі толькі адно выйсце — папрасіць маю маму пагаварыць з доктарам і праведаць дзеда Ягора.

— Хлопчыкі, я занятая, — аднеквалася мама.

— Ну, цёця Света, гэта наш сябар. А ў яго зусім нікога-нікога тут няма, — настойваў Санёк.

— Добра, пятнаццаць хвілін максімум. А потым я паеду па сваіх справах.

Так мы з Саньком угаварылі маму адvezці нас у бальніцу і пагаварыць з доктарам.

У палаце Ягора Сяргеевіча нікога не было. Сам ён ляжак, падключаны да апарату, на высокім ложку.

— Зусім благі стаў, — сказаў дзед Ягор, ледзь-ледзь усміхнуўшыся. — Стары пень.

— Які стары пень? — здзівіўся Санёк.

За гэты месец ён больш за мяне прывязаўся да дзеда Ягора. Можа, прычына такой вялікай прывязаннасці была ў тым, што ў яго не было дзядулі. Затое былі бацькі, вечна занятые сваімі справамі.

— Старасць нікому не ў радасць, унук, — прахрыпец Ягор Сяргеевіч.

Мы япчэ хвілін дзесяць пасядзелі, пакуль не прыйшла медсястра і не выправадзіла нас у калідор. Там стаялі мама і доктар.

Мы еще минут десять посидели, пока не пришла медсестра и не выпроводила нас в коридор. Там стояли мама и врач.

— Прогноз неутешительный, — говорил доктор маме. — В нашем центре можно сделать операцию, но это даст недолгий эффект. Ему срочно требуется дорогостоящая операция.

Мама поджала губы.

— У него есть кто-нибудь из родственников? — спросил доктор.

— Нет, — сказал Санёк. — Он уже двадцать лет живет здесь один. Есть разве что сын в России, но они давно не общаются.

— Тогда я даже не знаю, что вам посоветовать.

— Я знаю, что делать, — сказал Санёк на выходе из больницы. — У меня есть очень хорошая идея.

Мы пришли к Саньку домой, и он достал из шкафа свою копилку в виде автомобиля.

— Вот тут, — указал Санёк, — мои сбережения за последний год. Не много и не мало, но этого вполне хватит для того, чтобы купить муки, сахара, яиц и еще чего там надо.

— Для чего? — удивленно спросил я.

— Мы будем, — загадочно произнес Санёк, — выпекать печенье. Нам же нужны деньги, правильно? Но мы будем не попрошайничать, а заниматься добрыми делами.

— Прагноз несуцяшальны, — казаў доктар маме. — У нашым цэнтры можна зрабіць аперацыю, але гэта дасць нядоўгі эффект. Яму тэрмінова патрабуецца дарагая аперацыя. Мама падпіснула вусны.

— У яго ёсць хто-небудзь са сваякоў? — спытаў доктар.

— Не, — сказаў Санёк. — Ён ужо дваццаць гадоў жыве тут адзін. Хіба толькі сын у Расіі ёсць, але яны даўно не падтрымліваюць зносіны.

— Тады я нават не ведаю, што вам параіць.

— Я ведаю, што рабіць, — сказаў Санёк, калі выходзілі з бальніцы. — У мяне ёсць вельмі добрая ідэя.

Мы прыйшлі да Санька дамоў, і ён дастаў з шафы сваю скарбонку ў выглядзе аўтамабіля.

— Вось тут, — паказаў Санёк, — мае ашчаджанні за апошні год. Не многа і не мала, але гэтага цалкам хопіць для таго, каб купіць муکі, цукру, яек і яшчэ чаго там трэба.

— Для чаго? — здзіўлена спытаў я.

— Мы будзем, — загадкова прагаварыў Санёк, — выпікаць печыва. Нам жа патрэбныя грошы, правільна? Але мы будзем не папрашайнічаць, а займацца добрымі справамі.

* * *

— Галоўнае, каб нас адсюль не прагналі, — усхвалявана паўтараў Санёк.

Я, мой сябар і Амур, які пакуль жыў у мяне, стаялі каля магазіна. Перад намі — столік, на якім мы расклалі па талерках печыва. Увесь учараашні вечар і ноч мы разам выпікалі ў духоўцы ванільнае печыва, пакуль мая мама была на працы ў начную змену. Для

* * *

— Главное, чтобы нас отсюда не прогнали, — взволнованно повторял Санёк. Я, мой друг и Амур, который пока жил у меня, стояли возле магазина. Перед нами — столик, на котором мы разложили по тарелкам печенье. Весь вчерашний вечер и ночь мы на пару выпекали в духовке ванильное печенье, пока моя мама была на работе в ночную смену. Для нас это дело оказалось несложным, хорошо, что любой рецепт можно найти в интернете. Возле столика мы поставили самодельный стенд, на котором крупными буквами красовалась надпись: «Поможем нашему соседу. Печенье в обмен на здоровое сердце», — а внизу — фотография Егора Сергеевича. Мне надпись нравилась. Все кратко и по делу. За полчаса к нам уже подошли пару человек, поинтересовались, чем мы тут занимаемся, и даже купили наше самодельное блюдо. Вскоре о нашей коммерции знал весь район, потому что людей возле столика становилось все больше и больше. Кто-то улыбался и хвалил, кто-то ворчал и проходил мимо. Однако к концу дня мы распродали все печенье.

— Пойдем в магазин за еще одной партией муки, — улыбнулся Санёк. Как только мы собрали все свое добро, подскочила мама. Видно, ей уже кто-то рассказал о нашем деле:

— Чем это вы тут занимаетесь, а? — начала кричать она. — Меня хотите опозорить? Печеньем торгуете, как будто я денег карманных не даю!

— Мам, это не нам, — возразил я, — это Егору Сергеевичу.

— С таким успехом Егор Сергеевич не дотянет до операции. Неужели ты не понимаешь, Ваня? Доктор сказал, что сумма внушительная. Где вы на своем печенье столько заработаете? — вдруг заплакала она. — Вам сына искать надо, а не благотворительностью заниматься.

нас гэтая справа аказалася нескладанай, добра, што любы рэцэпт можна знайсці ў інтэрнэце. Каля століка мы паставілі самаробны стэнд, на якім буйнымі літарамі красаваўся надпіс: «Дапаможам нашаму суседу. Печыва ў абмен на здаровае сэрца», — а ўнізе — фатаграфія Ягора Сяргеевіча. Мне надпіс падабаўся. Усё коратка і па справе. За паўгадзіны да нас ужо падышлі пара чалавек, пацікавіліся, чым мы тут займаємся, і нават купілі нашу самаробную страву. У хуткім часе пра нашу камерцыю ведаў увесь раён, таму што людзей каля століка становілася ўсё больш і больш. Хтосьці ўсміхаўся і хваліў, хтосьці бурчэй і праходзіў міма. Аднак да канца дня мы прададлі ўсё печыва.

— Пойдзем у краму за яшчэ адной партыяй муکі, — усміхнуўся Санёк.

Як толькі мы сабралі ўсё сваё добро, падскочыла мама. Відаць, ёй ужо нехта расказаў пра нашу справу:

— Чым гэта вы тут займаецеся, га? — пачала крычаць яна. — Мяне хочаце зганьбіць? Печывам гандлюеце, як быццам я кішэнных грошай не даю!

— Мам, гэта не нам, — запярэчыў я, — гэта Ягору Сяргеевічу.

— З такім поспехам Ягор Сяргеевіч не дацягне да аперациі. Няўжо ты не разумееш, Ваня? Доктар сказаў, што сума вялікая. Дзе вы на сваім печыве столькі заробіце? — раптам заплакала яна. — Вам сына шукаць трэба, а не дабрачыннасцю займацца.

— А мы яго знайдзем, — умяшаўся Санёк, — цёця Света, знайдзем абавязкова, не перажывайце.

Мама ўздыхнула.

— Мы ж не проста так жывём у стагоддзе інфармацыйных тэхналогій, — важна сказаў Санёк. — Айда за мной! — скамандаваў ён.

— А мы найдем его, — вмешался Санёк, — тетя Света, найдем обязательно, не переживайте.

Мама вздохнула.

— Мы же не просто так живем в век информационных технологий, — важно сказал Санёк. — Айда за мной! — скомандовал он.

В «Одноклассниках» у нас не было никаких шансов найти сына Егора Сергеевича. Мы даже не знали, как его зовут, а дед Егор никогда не называл его имени. Зато у нас были неплохие телефоны, кое-какие познания в правильной видеосъемке и «YouTube».

Мы на скорую руку передвинули мебель в комнате Санька, раздвинули шторы, чтобы было больше света, и смастерили из стопки книг опору для телефона.

— Камера! Мотор! Начали! — скомандовал Санёк.

— Здравствуйте! — начали мы. — Нас зовут Саша и Ваня. Мы живем в городе Минске. Сейчас еще один наш друг, которому уже давно за 70, попал в большую беду. Ему требуется срочная операция на сердце. Мы продаем самодельное печенье, чтобы собрать деньги, но этого слишком мало. Просим всех неравнодушных помочь, а также найти сына Егора Сергеевича...

Мы рассказали о том, как дед Егор спас жизнь Саньку, как мы подружились, рассказали все, что знаем о его семье.

То, что случилось потом, удивило даже меня. Наше видео набрало много просмотров, и то в одном городе, то в другом, что в России, что в Беларуси люди начали выпекать ванильное печенье и собирать деньги. Школьники, взрослые, целые семьи — все продавали на улицах печенье разных форм и размеров, но обязательно ванильное. Кто-то даже умудрился выпекать печенье в форме сердца с именем деда Егора. Мама Сани, работающая в банке, помогла открыть нам

У «Аднакласніках» у нас не было ніякіх шанцаў знайсці сына Ягора Сяргеевіча. Мы на-
ват не ведалі, як яго імя, а дзед Ягор ніколі не называў яго. Затое ў нас былі нядрэнныя
тэлефоны, крышачку ведаў аб правілах здымання відэа і «YouTube».

Мы хуценька перасунулі мэблю ў пакой Санька, рассунулі шторы, каб было больш свят-
ла, і змайстравалі са стосіка кніг апору для тэлефона.

— Камера! Матор! Пачынаем! — скамандаваў Санёк.

— Добры дзень! — пачалі мы. — Нас клічуць Саша і Ваня. Мы жывём у горадзе Мінску.
Зараз япчэ адзін наш сябар, якому ўжо даўно за 70, патрапіў у вялікую бяду. Яму па-
трабуецца тэрміновая аперацыя на сэрцы. Мы прадаём самаробнае печыва, каб сабраць
грошы, але гэтага вельмі мала. Просім усіх неабыякавых дапамагчы, а таксама знайсці
сына Ягора Сяргеевіча...

Мы рассказалі пра тое, як дзед Ягор выратаваў жыццё Саньку, як мы пасябравалі, рассказалі
ўсё, што ведаем пра яго сям'ю.

Тое, што адбылося потым, здзівіла нават мяне. Наша відэа набрала шмат праглядаў,
і то ў адным горадзе, то ў іншым, што ў Расіі, што ў Беларусі людзі пачалі выпікаць
ванільнае печыва і збіраць грошы. Школьнікі, дарослыя, цэлляя сем'і — усе прадавалі на
вуліцах печыва розных форм і памераў, але абавязкова ванільнае. Нехта нават ухітрыўся
выпікаць печыва ў форме сэрца з імем дзеда Ягора. Мама Сані, якая працуе ў банку,
дапамагла нам адкрыць рахунак. Кожны дзень туды паступалі грошы ад неабыякавых
людей. Мы ж кожны дзень прыходзілі да Ягора Сяргеевіча і рассказвалі навіны.

— Ат, моладзь! — смяяўся ён. — Не чакаў я такога, не чакаў.

Аднойчы мы з Саньком у чарговы раз прыйшлі ў бальніцу, надзелі белыя халаты і бахілы
і пайшлі ў палату да дзеда Ягора. Каля дзвярэй мы спыніліся, бо пачулі чыносы і ціхую
гутарку. Адзін голас належалі дзеду Ягору. Гэта дакладна. Другі быў нам незнамы.

счет. Каждый день туда поступали деньги от неравнодушных людей. Мы же каждый день приходили к Егору Сергеевичу и рассказывали новости.

— От, молодежь! — смеялся он. — Не ожидал я такого, не ожидал.

Однажды мы с Саньком в очередной раз пришли в больницу, надели белые халаты и бахилы и пошли в палату к деду Егору. Возле двери мы остановились, потому что услышали чей-то тихий разговор. Один голос принадлежал деду Егору. Это точно. Второй был нам незнаком.

Санёк толкнул дверь, и мы вошли. Дед Егор, как всегда, лежал на кровати, а рядом с ним сидел незнакомый нам человек лет пятидесяти.

— О, внуки мои пришли! — радостно сказал дед Егор.

Мужчина поднялся со стула и протянул руку:

— Здравствуйте, меня зовут Алексей. Я и есть тот самый сын, которого вы искали.

Мы с Саньком так и обомлели.

«Не может быть», — пронеслось в моей голове, Санёк, наверное, подумал так же.

Я медленно протянул руку Алексею и почувствовал крепкое рукопожатие.

Через месяц деду Егору все-таки сделали операцию. Вырученной суммы вполне хватило, чтобы подарить его сердцу вторую жизнь. Сын Егора Сергеевича в это время жил с ним, ухаживал. А мы с Саньком стали приходить реже, каникулы закончились, началась учеба.

Однажды мы возвращались со школы и увидели, что возле дома стоит грузовик. Алексей помогал загружать мебель, а дед Егор сидел на лавочке. Амур промотился рядом.

— Что ж, внучки, уезжаем мы с сыном, — улыбнулся дед Егор.

Санёк піхнуў дзвёры, і мы ўвайшлі. Дзед Ягор, як заўсёды, ляжаў на ложку, а побач з ім сядзеў незнайомы нам чалавек гадоў пяцідзесяці.

— О, унукі мае прыйшлі! — радасна сказаў дзед Ягор.

Мужчына ўстаў з крэсла і падаў руку:

— Добры дзень, маё імя Аляксей. Я і ёсць той самы сын, якога вы шукалі.

Мы з Саньком гэтак і самлелі.

«Не можа быць», — пранеслася ў маёй галаве, Санёк, мабыць, гэтак жа падумаў.

Я павольна падаў руку Аляксею і адчуў моцны поціск рукі.

Праз месяц дзеду Ягору ўсё-такі зрабілі аперацыю. Атрыманай сумы цалкам хапіла, каб падарыць яго сэрцу другое жыццё. Сын Ягора Сяргеевіча напряцягу гэтага часу жыў з ім, даглядаў. А мы з Саньком сталі прыходзіць радзей, канікулы скончыліся, пачалася вучоба.

Аднойчы мы вярталіся са школы і ўбачылі, што каля дома стаіць грузавік. Аляксей дапамагаў загружану мэблю, а дзед Ягор сядзеў на лавачцы. Амур уладкаваўся побач.

— Што ж, унучкі, ад'язджаем мы з сынам, — усміхнуўся дзед Ягор.

— Куды? — спытаў Санёк.

— Назад у Хабараўск, хачу з унукамі пазнаёміцца. Амура з сабой забіраем.

— А як жа мы? — сумна спытаў Санёк.

— А я вам вестачку дашлю, і ў гості прыедзеце, — падміргнуў дзед Ягор. — Можна нават наступным летам.

— Куда? — спросил Санёк.

— Обратно в Хабаровск, хочу с внуками познакомиться. Амура с собой забираем.

— А как же мы? — огорченно спросил Санёк.

— А я вам весточку пришлю, и в гости приедете, — подмигнул дед Егор. — Можно даже следующим летом.

Карина Пашкевич-Ломтева

Карына Пашкевіч-Ломцева

Карина Пашкевич-Ломтева родилась 14 июня 1988 года. Окончила Минский государственный лингвистический университет и магистратуру.

Работала учителем испанского языка в СОШ г. Минска, заведующей кабинетом истории детского движения в Минском государственном дворце детей и молодежи, личным помощником руководителя в МСКОО «Русь молодая» (Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь), в АН «ДИАНЭСТ» (специалист по работе с клиентами). В настоящее время — журналист-копирайтер интернет-портала maxmedia.by.

Публиковалась в СМИ Республики Беларусь (журнал «Качели» и др.). Автор книги детских сказочных повестей «Новый год у тети Елки и другие сказки» (Минск, 2014). Вошла в лонг-лист литературного конкурса «Писатель года — 2015» (г. Москва, «Ваше издательство») с повестью «Прости (Женщина по имени Москва)». Также прошла в трилогию «Цифра» (16+) с повестью «Любовь потерянных душ». Только что закончила работать над повестью в жанре фэнтези «Записки из Небесной Канцелярии».

Карына Пашкевіч-Ломцева нарадзілася 14 чэрвеня 1988 года. Скончыла Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт і магістратуру.

Працавала настаўнікам іспанскай мовы ў САІШ г. Мінска, загадчыцай кабінета гісторыі дзіцячага руху ў Мінскім дзяржаўным палацы дзяшчей і моладзі, асабістым памочнікам кіраўніка ў МСКГА «Русь маладая» (Прадстаўніцтва Россупрапоўніцтва ў Рэспубліцы Беларусь), у АН «ДІАНЭСТ» (спецыяліст па работе з клиентамі). У цяперашні час — журналіст-капірайтар інтэрнэт-партала maxmedia.by.

Публіковалася ў СМІ Рэспублікі Беларусь (часопіс «Качели» і інш.). Аўтар кнігі дзіцячых казачных аповесцей «Новый год у тёти Ёлки и другие сказки» (Мінск, 2014). Увайшла ў лонг-ліст літаратурнага конкурсу «Пісьменнік года — 2015» (г. Москва, «Ваше издательство») з аповесцю «Прости (Женщина по имени Москва)». Таксама прыйшла ў трывогію «Цифра» (16+) з аповесцю «Любовь потерянных душ». Толькі што закончыла працу над аповесцю ў жанры фэнтэзі «Записки из Небесной Канцелярии».

ЖЕМЧУЖНАЯ СВАДЬБА

I

В автобус зашла немолодая пара. Он был высокий и широкоплечий. Она — маленького роста, даже до плеча ему не дотягивала, и щупленькая. По некоторым признакам можно было определить, что особой привязанности между супружами не было, только если со стороны супруги. Да и то это была скорее не привязанность, а болезненная зависимость. Женщина то и дело поглядывала на мужа вопросительно-робким взглядом влажноватых глаз. Он же демонстративно отвернулся к окну и в ее сторону не смотрел. По всему его внешнему виду, по угрюмо опущенным уголкам губ, по глубокой морщине на переносице читалось, что семейная жизнь его тяготит.

Автобус тронулсся. Вдруг женщина обнаружила, что на остановке они не забрали две сумки с продовольствием. Их забыл муж, когда подошел автобус, и они так и остались сиротливо стоять на скамейке. Между тем все, что было в сумках: пироги, многочисленные баночки с салатами, вино и водка, было предназначено для праздничного стола, который жена собиралась накрыть на даче по случаю тридцатой годовщины их с мужем брака, или, как говорят красиво, жемчужной свадьбы. Все это с большой любовью готовилось в течение трех последних дней. И теперь жену ощутимо задело, что ее дорогой муж так безразлично ко всему этому отнесся, забыв на остановке сумки.

С криками: «Подождите! Остановите автобус!» — женщина бросилась к двери. Автобус резко затормозил. Муж раздраженно цокнул. Парень, который сидел на переднем сиденье со своей девушкой и самозабвенно с ней целовался, оторвал-

ЖАМЧУЖНАЕ ВЯСЕЛЛЕ

I

У аўтобус зайшла немаладая пара. Ён быў высокі і шыракаплечы. Яна — маленькая га росту, нават да пляча яму не дасягвала, і худзенькая. Па некаторых прыкметах можна было вызначыць, што асаблівай прыхільнасці паміж мужам і жонкай не было, толькі калі з боку жонкі. Ды і тое гэта была хутчэй не прыхільнасць, а балючая залежнасць. Жанчына раз-пораз паглядала на мужа запытальна-нясмелым позіркам вільготных вачэй. Ён жа дэманстрацыйна адварнуўся да акна і ў яе бок не глядзеў. Па ўсім яго выглядзе, па хмурна апушчаных куточках вуснаў, па глыбокай маршчыне на пераносці чыталася, што сямейнае жыццё яго гняце.

Аўтобус рушыў. Раштам жанчына выявіла, што на прыпынку яны не забралі дзве торбы з харчам. Іх забыў муж, калі падышоў аўтобус, і яны так і засталіся сіратліва стаяць на лаўцы. Між тым усё, што было ў торбах: пірагі, шматлікія слоічки з салатамі, віно і водка, — было прызначана для святочнага стала, які жонка збіралася накрыць на дачы з нагоды трывалай гадавіны іх з мужам шлюбу, іц, як прыгожа кажуць, жамчужнага вяселля. Усё гэта з вялікай любоўю гатавалася на працягу трох апошніх дзён. І зараз жонку адчувальна зачапіла, што яе дарагі муж так абыякава да ўсяго гэтага паставіўся, забыўшы на прыпынку торбы.

З крыкамі: «Пачакайце! Спыніце аўтобус!» — жанчына кінулася да дзвярэй. Аўтобус рэзка затармазіў. Муж раздражнёна цокнуў. Хлопец, які сядзеў на пярэднім сідзенні са сваёй дзяўчынай і, не звяртаючы ні на што ўвагі, з ёй цалаваўся, адараўваўся ад яе вуснаў

ся от ее губ и грязно выругался. Девушка прыснула со смеху. Все как по команде повернули в их сторону головы. Парень сделал вид, что ничего не произошло, и снова прильнул к губам девушки. Дверь распахнулась. Жена выскочила обратно на остановку. В эту же секунду дверь захлопнулась, и автобус дал газу. Водителю было безразлично, зачем эта тщедушная пассажирка в стареньком пальто попросила остановить автобус.

Оставшись на остановке наедине с тяжелыми сумками, жена принялась беспокойно звонить мужу.

— Ну? — нетерпеливо спросил он, взяв трубку.

Очевидно, женщина просила его сойти на ближайшей остановке и вернуться, ведь ей тяжело было одной тянуть всю снедь до вокзала.

— На черта нужно было столько готовить?! — зло ответил муж. — Сама тяни теперь свои торбы! У меня биатлон через полчаса! — с этими словами он отключил связь.

Такой циничный ответ покоробил даже тех, кто секунду назад вовсю смеялся над его супругой.

— Интеллигент, на биатлон опоздать боится! — услышал мужчина в свой адрес от сидящей сзади мадам в черной шляпке. — Жена из сил выбивается, а он...

— Сама интеллигентка! — огрызнулся мужчина. — Не лезь не в свое дело!

— А вы мне не тыкайте, уважаемый! — повысила голос женщина.

— Он — прирожденный спортсмен, — с усмешкой поправил женщину парень, тот самый, который пять минут назад позволил себе нецензурщину.

Его девушка снова прыснула со смеху.

А между тем на заднем сиденье философствовал сухонький чистенький старичок, в прошлом, видимо, профессор кафедры романских языков какого-нибудь престижного вуза.

і брудна вылайўся. Дзяўчына пырснула са смеху. Усе як па камандзе павярнулі ў іх бок галовы. Хлопец зрабіў выгляд, што нічога не адбылося, і зноў прытуліўся да вуснаў дзяўчыны. Дзвёры расчыніліся. Жонка выскачыла назад на прыпынак. У гэту ж секунду дзвёры зачыніліся, і аўтобус даў газу. Кіроўцу было ўсё роўна, навошта гэта кволая пасажырка ў старэнькім паліто папрасіла спыніць аўтобус.

Застаўшыся на прыпынку сам-насам з цяжкім торбамі, жонка пачала неспакойна тэлефанаваць мужу.

— Ну? — нецярпіва спытаў ён, узяўшы трубку.

Мусіць, жанчына прасіла яго сысці на бліжэйшым прыпынку і вярнуцца, бо ёй цяжка было адной цягнуць усю ежу да вакзала.

— На чорта трэба было столькі гатаваць?! — зло адказаў муж. — Сама пягні зараз свае торбы! У мяне біятлон праз паўгадзіны! — з гэтymі словамі ён адключыў сувязь.

Такі цынічны адказ пакарарабаць нават тых, хто секунду назад смяяўся з яго жонкі.

— Інтэлігент, на біятлон спазніцца баіцца! — пачуў мужчына ў свой адрас ад мадам у чорным капялюшыку, якая сядзела за ім. — Жонка з сіл выбіваеца, а ён...

— Сама інтэлігентка! — агрывнуўся мужчына. — Не лезь не ў сваю справу!

— А вы мне не тыкайце, шаноўны! — павысіла голас жанчына.

— Ён — прыроджаны спартсмен, — з усмешкай паправіў жанчыну хлопец, той самы, які пяць хвілін назад дазволіў сабе нецэнзуршчыну.

Яго дзяўчына зноў пырснула са смеху.

А між тым на заднім сядзенні філасофстваваў сухенькі чысценкі дзядок, у мінульм, відаць, прафесар кафедры раманскіх моў якой-небудзь прэстыжнай ВНУ.

— К чему мы катимся?.. — вздохнул он. — Где это видано, чтобы слово «интеллигент» приобрело браный оттенок! Раньше это слово вызывало чувство гордости, а теперь что? Им оскорбляют. *O tempora, o mores!*

Объект насмешек еще больше наступил и не оборачивался.

Через полчаса он ехал в электричке, а его жена, едва переводя дух, спешила с тяжелыми сумками к кассе пригородных поездов, чтобы купить новый билет. Тот, который у нее был, можно было выбросить. Электричку ко времени, которое на нем было обозначено, она упустила...

II

Иван Анатольевич удобно расположился на длинном уютном диване перед телевизором: подсунул под голову небольшие велюровые подушечки и вытянул на низенький журнальный столик ноги. Подушечки тут же смялись, а столик жалобно заскрипел. Но Ивана Анатольевича это мало волновало. Он откашлялся, крякнул и отхлебнул чай. Биатлон начинался.

А в это время в электричке спешила на дачу его жена. От тянувших к земле тяжелых сумок перехватывало дыхание. Еще на вокзале она раздумывала, купить ей билет или позвонить кому-нибудь из сыновей, чтобы подвезли ее на дачу, которая находилась всего в двадцати километрах от города. Позвонила. Один ответил, что очень сожалеет, но он приглашен на день рождения к начальнику — не пойти никак нельзя. Второй ответил, что устал как собака после шабашки в гаражах и подвезти мать на дачу не может.

— Куды мы коцімся?.. — уздыхнуў ён. — Дзе гэта бачана, каб слова «інтэлігент» на-
было лаенкае адценне! Раней гэта слова выклікала пачуццё гонару, а зараз што? Ім
абражаютць. О tempora, o mores!

Аб'ект насмешкі яшчэ больш наступіўся і не паварочваўся.

Праз паўгадзіны ён ехаў у электрычцы, а яго жонка, ледзь пераводзячы дух, спяшала-
ся з цяжкім торбамі да касы прыгарадных цягнікоў, каб купіць новы квіток. Той, які
ў яе быў, можна было выкінуць. Электрычку ў той час, які на ім быў пазначаны, яна
ўпусціла...

II

Іван Анатолевіч зручна размясціўся на доўгай утульнай канапе перад тэлевізарам:
падсунуў пад галаву невялікія велюровыя падушачкі і выцягнуў на нізенькі журналь-
ны столік ногі. Падушачкі тут жа скамячыліся, а столік жаласна заскрыпей. Але Івана
Анатолевіча гэта мала хвалявала. Ён адкашляўся, кракнуў і адсёрбнуў чай. Біятлон
пачынаўся.

А ў гэты час у электрычцы спяшалася на дачу яго жонка. Ад цяжкіх торб, што цягнулі
да зямлі, перахапіла дыханне. Яшчэ на вакзале яна разважала, купіць ёй квіток і патэ-
лефанаваць камусыці з сыноў, каб падвезлі яе на дачу, якая знаходзілася ўсяго ў дваццаці
кіламетрах ад горада. Патэлефанавала. Адзін адказаў, што вельмі шкадуе, але ён запро-
шаны на дзень нараджэння да начальніка — не пайсці ніяк нельга. Другі адказаў, што
стаміўся як сабака пасля шабашкі ў гаражах і падвезці маці на дачу не можа.

Надежда Михайловна не успевала сглатывать все подступавший к горлу горячий ком слез. Ее ранило откровенное безразличие тех, кому посвятила всю свою жизнь. А ведь все могло быть по-другому... В свое время у нее была должность старшего научного сотрудника в Институте всеобщей истории Российской академии наук. Коллеги и знающие люди прочили ей блестящее будущее: карьеру ученого секретаря или даже члена-корреспондента, а со временем и целого академика. Ее даже в аспирантуру звали. Недаром же у нее был красный диплом МГУ. У Надежды Михайловны выросли крылья надежды, а двое ее белобрысеньких сыночков-ангелочков, услышав, что она собирается поступать в аспирантуру, подняли дружный рев и заявили, что никуда ее не пустят. Она нужна им. А муж недовольно поморщился: ну какой из нее академик?! МГУ с красным дипломом защитила? Да кому он нужен, ее красный диплом?! Сейчас, в век бизнеса, не это главное. Никому ее наука не нужна.

Надежда ушла из института и с головой окунулась в семейную жизнь. И с чем она осталась в итоге? С безразличным отношением двоих сыновей и вечным недовольством и попреками мужа. Она даже в гости никого не могла позвать. Мужнелюдим не любил, когда к ним кто-то приходил, злился.

Надежда Михайловна сидела у окна электрички, смотрела вслед убегающим березкам и соснам и плакала.

III

Тихий звук телевизора убаюкивал. Иван Анатольевич откинул голову на спинку дивана и закрыл глаза. Через две минуты он сладко храл. А еще через какое-

Надзея Міхайлаўна не паспявала зглынаць усё падступаочы да горла горкі камяк слёз. Яе раніла адкрытая абыякавасць тых, каму прысвяціла ўсё сваё жыццё. А ўсё ж магло быць па-іншаму... У свой час у яе была пасада старэйшага навуковага супрацоўніка ў Інстытуце ўсеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук. Калегі і дасведчаныя людзі прадказвалі ёй бліскучую будучыню: кар'еру навуковага сакратара ці нават члена-карэспандэнта, а з часам і цэлага акадэміка. Яе нават у аспірантуру запрашалі. Нездарма ж у яе быў чырвоны дыплом МДУ. У Надзеі Міхайлаўны выраслі крылы надзеі, а двое яе бялявенъкіх сыночкаў-анёлачкаў, пачуўшы, што яна збіраецца паступаць у аспірантуру, паднялі дружны роў і заявілі, што нікуды яе не пусцяць. Яна патрэбна ім. А муж незадаволена скрывіўся: ну які з яе акадэмік?! МДУ з чырвоным дыпломам абараніла? Ды каму ён патрэбен, яе чырвоны дыплом?! Цяпер, у век бізнесу, не гэта галоўнае. Нікому яе навука не патрэбна.

Надзея пайшла з інстытута і ўсю сябе прысвяціла сямейнаму жыццю. І з чым яна засталася ў выніку? З абыякавымі адносінамі дваіх сыноў і вечнай незадаволенасцю і папрокамі мужа. Яна нават у госці нікога не магла пакліаць. Нелюдзімы муж не любіў, калі да іх нехта прыйдуў, злаваўся.

Надзея Міхайлаўна сядзела ля акна электрычкі, глядзела ўслед бярозкам і соснам, якія беглі за акном, і плакала.

III

Ціхі гук тэлевізара закалыхваў. Іван Анатолевіч адкінуў галаву на спинку канапы і заплюшчыў вочы. Праз дзве хвіліны ён соладка хроп. А яшчэ праз нейкі час яго

то время его разбудила жена. Она наконец-то приехала и с огромным трудом дотянула от станции до дома тяжелые сумки. Теперь ей нужна была помочь мужа, и она звала его с нижнего этажа.

«Вот же черти принесли... Что ей надо?» — с досадой думал муж, нашаривая тапки и поднимаясь с дивана.

Выяснилось, что нужно было достать из погреба к праздничному столу соленья.

— Прямо сейчас, когда я смотрю биатлон? — спросил муж в привычной ему раздраженной манере.

— Желательно сейчас, — мягко отозвалась жена.— Вечером ты устанешь, завтра не будет времени. Нужно будет накрывать на стол.

— Как же ты меня достала...

Иван Анатольевич полез в погреб. Громко ругаясь, он искал то, что нужно было к праздничному столу. Когда поднимал все наверх, выронил банку с аджикой. Она упала и разбилась. Муж дал волю еще более сочным комментариям, а Надежда Михайловна тяжело вздохнула.

Раздраженный Иван Анатольевич удалился в зал смотреть вторую часть биатлона. Перед этим он зашел в кухню и отрезал себе кусок привезенного праздничного пирога. В это время Надежда Михайловна, снова испустив тяжелый вздох, спустилась в погреб убирать разбитую банку и разлитую аджику.

Чуть позже она зашла в комнату к мужу, принесла ему поесть. Увидев, что муж с аппетитом ест пирог, который она испекла для гостей, Надежда Михайловна снова почувствовала прилив слез.

— Ваня, этот пирог я пекла для гостей.

— И что из этого?! Мне теперь с голоду пухнуть?! — как всегда, перешел в наступление муж.

пабудзіла жонка. Яна нарэшце прыехала і з вялікай цяжкасцю дацягнула ад станцыі да дома цяжкія торбы. Зараз ёй патрэбна была дапамога мужа, і яна клікала яго з ніжняга паверха.

«Вось жа чэрці прынеслі... Што ёй трэба?» — з прыкрасцю думаў муж, намацаючы тапкі і падымаючыся з канапы.

Высветлілася, што трэба было дастаць з пограба да святочнага стала салення.

— Прама зараз, калі я гляджу біятлон? — спытаў муж у звыклай яму раздражнёной манеры.

— Пажадана зараз, — мякка адгукнулася жонка. — Увечары ты стомішся, заўтра не будзе часу. Трэба будзе накрываць на стол.

— Як жа ты мяне дастала...

Іван Анатолевіч палез у пограб. Гучна лаючыся, ён шукаў тое, што трэба было да святочнага стала. Калі падымаў усё наверх, выпусciў банку з адкыкай. Яна ўпала і пабілася. Муж даў волю яшчэ болыш сакавітым каментарам, а Надзея Міхайлаўна цяжка ўздыхнула.

Раздражнёны Іван Анатолевіч пайшоў у залу глядзець другую частку біятлона. Перад гэтym ён зайшоў у кухню і адрезаў сабе кавалак прывезенага святочнага пірага. Тым часам Надзея Міхайлаўна, ізноў выпусciўшы цяжкі ўздых, спусцілася ў пограб прыбіраць пабітую банку і разлітую адкыку.

Крыху пазней яна зайшла ў пакой да мужа, прынесла яму есці. Убачыўшы, што муж з апетытам есць пірог, які яна спякла для гасцей, Надзея Міхайлаўна зноў адчула прыліў слёз.

— Ваня, гэты пірог я пякla для гасцей.

— Ну, Ваня...

— Да плевал я на твоих гостей! — вконец вышел из себя мужчина. — Как банки из погреба, так таскай ей, а как пирога дать, так жалко!
Не зная, как выпустить душившую его ярость, муж схватил пульт от телевизора и со всей силы швырнул его об стену.

IV

Из-за сильных переживаний и бессонной ночи с самого утра болело сердце. Несмотря на это, Надежда Михайловна тщательно и со вкусом накрыла стол и теперь ждала гостей.

Иван Анатольевич побрился, надел чистую рубашку и натянул на лицо маску улыбки. Старший сын Юрик, который не явился вчера из-за усталости, встречал гостей и показывал им, где раздеваться и мыть руки. Младший сын со своей женой не приехали вообще. Накануне они до смерти упились на дне рождения шефа и были просто не в состоянии приехать на торжество к родителям.

Гости прибывали. Скоро Надежда Михайловна позвала всех за стол. Наступило время говорить первый тост. Его полагалось произнести главе семьи. Иван Анатольевич не особо горел желанием петь хвалебную оду семейной жизни. Грохнув стулом, он поднялся, кашлянул и коротко сказал:

— Сегодня моя жена собрала вас для того, чтобы отпраздновать тридцать лет нашего с ней брака. Может, и не стоило отмечать эту дату с такой помпой. Не такой уж это прямо повод, но уже что есть, то есть. Давайте выпьем за эту дату, раз уж мы с вами здесь собрались.

— І што з гэтага?! Мне цяпер з голаду пухнуць?! — як заўсёды, перайшоў у наступленне муж.

— Ну, Ваня...

— Ды пляваў я на тваіх гасцей! — зусім выйшаў з сябе мужчына. — Як банкі з пограба, дык цягай ёй, а як пірага даць, дык шкада!

Не ведаючы, як выпусціць лютасць, што душыла яго, муж скапіў пулт ад тэлевізара і з усёй сілы штурнаваў яго аб спяну.

IV

З-за моцных перажыванняў і бяссоннай ночы з самай раніцы балела сэрца. Нягледзячы на гэта, Надзея Міхайлаўна старанна і з густам накрыла стол і цяпер чакала гасцей.

Іван Анатолевіч пагаліўся, надзеў чыстую кашпулю і нацягнуў на твар маску ўсмешкі. Старэйшы сын Юрый, які не з'явіўся ўчора з-за стомленасці, сустракаў гасцей і паказваў ім, дзе распранацца і мыць рукі. Малодшы сын са сваёй жонкай увогуле не прыехаў. Напярэдадні яны да смерці ўпіліся на дне нараджэння шэфа і былі проста не ўстане прыехаць на ўрачыстасць да бацькоў.

Госці прыбывалі. Хутка Надзея Міхайлаўна паклікала ўсіх за стол. Надышоў час гаварыць першы тост. Яго належыла сказаць главе сям'і. Іван Анатолевіч не асабліва гарэў жаданнем пець хвалебную оду сямейнаму жыццю. Грукнуўшы стулам, ён устаў, кашлянуў і коратка сказаў:

За его тостом последовали пять секунд абсолютного молчания. Все были в замешательстве. Сама хозяйка праздника была словно оглушена. По всему ее сникшему виду, каким-то больным, блестящим глазам читалось, что она подавлена, раздавлена, унижена. Даже старшему сыну стало неловко от слов отца. Бросив на него многозначительный взгляд, он ободряюще улыбнулся всем и взял на себя инициативу второго тоста.

— Дорогие гости, — начал он. — Мой отец весьма скромно отозвался о значимости такого события в нашей семье, как жемчужная свадьба. Семейная жизнь — это большой труд и умение принимать особенности характера второй половинки. Давайте поднимем бокалы за то, чтобы семейный труд и терпение моих родителей не иссякли, но с годами только крепли. Ура!

— Вот правильно говоришь, Юрик, — отозвался с другого конца стола его дядя.— А то тут некоторые сразу начали: «Не надо этот праздник! Кому он нужен!»

— Всем нам он нужен! — подхватили гости.— Надежда — радушная хозяйка, замечательная женщина, прекрасная жена и мать. И негоже тебе, Иван Анатольевич, умалять ее достоинства!

— Ну вот, расквохтались! — недовольно протянул счастливый супруг.— Вы пришли не для того, чтобы читать мне нотации!

— Закрой рот! — тихо сказал ему Юрик, который сидел около него. — Итак уже опозорился со своим тостом!

— А ты мне рот не затыкай! — поднялся со стула Иван Анатольевич. — Ишь, выискался великий критик! Сейчас, как котенка, за шкирку выкину, не посмотрю, что тебе тридцатник стукнул!

— Ваня, ну чего ты бузишь, в самом деле? — попытался урезонить хозяина старинный друг их семьи Сергей Евгеньевич. — Сходи остынь!

— Сёння мая жонка сабрала вас для таго, каб адсвяткаваць трынцаць гадоў нашага з ёй шлюбу. Можа, і не варта адзначаць гэту дату з такой помпай. Не такая ўжо гэта прама нагода, але ўжо што ёсць, тое ёсць. Давайце вып'ем за гэту дату, раз ужо мы з вамі тут сабраліся.

За яго тостам наступілі пяць секунд поўнага маўчання. Усе былі ў замяшанні. Сама гаспадыня свята была нібыта аглушана. Па ўсім яе паніклым выглядзе, нейкім хворым, бліскучым вачам чыталася, што яна прыгнечана, раздаўлена, зняважана. Нават старэйшаму сыну стала няёмка ад слоў бацькі. Кінуўшы на яго шматзначны позірк, ён, падбадзёрваючы, усміхнуўся ўсім і ўзяў на сябе ініцыятыву другога тоста.

— Дарагія госці, — пачаў ён. — Мой бацька вельмі сціпла адгукнуўся аб значнасці такой падзеі ў напай сям'і, як жамчужнае вяселле. Сямейнае жыццё — гэта вялікая праца і ўменне прымаць асаблівасці харектару другой палаўінкі. Давайце падымем келіхі за тое, каб сямейная праца і цярплівасць маіх бацькоў не вычарпаліся, але з гадамі толькі мацнелі. Ура!

— Вось правільна гаворыш, Юрык, — адгукнуўся з другога канца стала яго дзядзька. — А то тут некаторыя адразу пачалі: «Не трэба гэта свята! Каму яно патрэбна!»

— Усім нам яно патрэбна! — падхапілі госці. — Надзея — ветлівая гаспадыня, пудоўная жанчына, выдатная жонка і маці. І нельга табе, Іван Анатолевіч, прыніжаць яе годнасць!

— Ну вось, расквахталіся! — незадаволена працягнуў шчаслівы муж. — Вы прыйшли не для таго, каб чытаць мне натацы!

— Закрый рот! — ціха сказаў яму Юрык, які сядзеў каля яго. — Бо ўжо асаромеўся са сваім тостам!

— А ты кто здесь? Гость? — еще больше озлился Иван Анатольевич. — Раз гость, так веди себя как гость и не смей читать мне морали!

— А ты, а ты... Навалили коты! — махнул рукой Сергей Евгеньевич.

— Сережа, успокойся, — просила его жена, которая пришла на торжество вместе с ним. — Будешь вмешиваться — только хуже сделаешь!

— Да о чем с ним говорить! — с досадой ответил мужчина и отвернулся.

Праздник явно не клеился. Юрик снова пытался разрулить ситуацию: шутил, острил и вызывал гостей говорить тосты. Иван Анатольевич, не проронив больше ни слова, смотрел в тарелку и методично жевал. Надежда Михайловна места себе не находила. Она чувствовала себя неловко. Неожиданно ей стало плохо. В глазах потемнело, в ногах и руках появилась леденящая слабость.

— Надюш, все хорошо? — тронула ее за плечо Элеонора, соседка по домам, которая сидела рядом с ней.

— Плохо что-то стало... — слабым голосом ответила Надежда Михайловна.

— Пойдем-ка... — Элеонора поднялась и, взяв под руку Надежду, повела ее из комнаты.

— В чем дело? Что случилось? — наперебой стали спрашивать гости. Один за другим они стали подниматься из-за стола, чтобы помочь радушной хозяйке.

Надежду Михайловну уложили на небольшом диванчике в гостевой комнате.

— Ну, маман, ты даешь, — растерянно чесал толстый лысый загривок Юрик, усевшись на краешек дивана. — Пугаешь тут нас всех...

— Мне уже лучше, — слабо улыбнулась женщина. — Сейчас я встану.

— Лежи-лежи! — успокоила ее Элеонора. — Гостями я сама займусь.

— А где Ваня? — спросила Надежда Михайловна.

— А ты мне рот не затыкай! — устаў са стула Іван Анатолевіч. — Бач, знайшоўся вялікі крыгтык! Зараз, як кацяня, за шкірку выкіну, не пагляджу, што табе трыватнік стукнуў!

— Ваня, ну чаго ты бузішь, на сам рэч? — паспрабаваў угаварыць гаспадара даўнішні сябар іх сям'і Сяргей Яўгенавіч. — Схадзі астынь!

— А ты хто тут? Госць? — яшчэ больш узлаваўся Іван Анатолевіч. — Раз гостъ, так паводзь сябе як гостъ і не смей чытаць мне маралі!

— А ты, а ты... Навалілі каты! — махнуў рукой Сяргей Яўгенавіч.

— Сярожа, супакойся, — прасіла яго жонка, якая прыйшла на ўрачыстасць разам з ім.

— Будзеш умешвацца — толькі горш зробіш!

— Ды пра што з ім гаварыць! — з прыкрасцю адказаў мужчына і адварнуўся.

Свята яўна не клеілася. Юрык ізноў спрабаваў разруліць ситуацыю: жартаваў і выклікаў гасцей гаварыць тосты. Іван Анатолевіч, не прамовіўшы больш ні слова, глядзеў у талерку і метадычна жаваў. Надзея Міхайлаўна месца сабе не знаходзіла. Яна адчувала сябе няёмка. Нечакана ёй стала дрэнна. У вачах пацымнела, у нагах і руках з'явілася жахлівая слабасць.

— Надзейка, усё добра? — кранула яе за плячо Элеанора, суседка па хатах, якая сядзела побач з ёй.

— Дрэнна нешта стала... — слабым голасам адказала Надзея Міхайлаўна.

— Хадзем... — Элеанора ўстала і, узяўшы пад руку Надзею, павяла яе з пакоя.

— Што такое? Што здарылася? — наперабой сталі пытгацца госці. Адзін за адным яны сталі падымацца з-за стала, каб дапамагчы ветлівай гаспадыні.

Надзею Міхайлаўну паклалі на невялікай канапцы ў гасцівым пакоі.

— Ваня! Ваня! Чего ты его опекаешь, как малого ребенка?! Сидит твой Ваня на-верху, телек смотрит! Не смылится! — раздраженно ответил Сергей Евгеньевич. Он был очень зол на Ивана Анатольевича за его поведение.

Юрик спохватился и пошел за тонометром. Результат не обрадовал ни саму хозяйку, ни гостей.

— Та-а-ак... — протянула Элеонора. — «Скорую» сейчас вызывать, или как?

— Эля, какая «скорая»?! — напугалась Надежда Михайловна. — Пожалей меня!

— Нет, это ты себя пожалей! — вставил слово сосед дед Сёма. — Раскорнила своих умников, а себя в гроб загоняешь!

— Да-да, — добавил Юрик. — Ты, мать, лежи! Если что, будем вызывать врача. Пойдемте за стол!

— Вы идите, а я с Надей побуду, — махнула рукой гостям тетя Маня, которая жила также неподалеку, через два дома. — Мне надоело сидеть за столом и объедаться. Идите!

Гости, не переставая вздыхать, пестрой чередой проследовали в зал. Надежда Михайловна закрыла глаза. Тетя Маня взяла ее за руку.

— Может, водички? — спросила она.

— Да нет, спасибо, — отозвалась Надежда Михайловна. — Как же неловко получилось...

— Да что ты все «неловко» да «неудобно»! Твоему Ване зато удобно! Удобнее, чем всем нам!

Словно в подтверждение ее слов с верхнего этажа донеслась сварливая ругань. Это Юрик в жесткой форме выговаривал отцу за его дикое поведение.

— Ты дашь мне телевизор посмотреть или нет?! — ревел отец. — Дармоеды! Ты и твой братик и твоя мамаша! Ну-ка пошел вон!

— Ну, маман, ты даеш, — разгублена часаў тоўсты лысы карак Юрык, усеўшыся на краёчак канапы. — Палохаеш тут нас усіх...

— Мне ўжо лепиш, — слаба ўсміхнулася жанчына. — Зараз я падымуся.

— Ляжы-ляжы! — супакоіла яе Элеанора. — Гасцямі я сама займуся.

— А дзе Ваня? — спытала Надзея Міхайлаўна.

— Ваня! Ваня! Чаго ты яго апякуеш, як дзіця малое?! Сядзіць твой Ваня наверсе, тэлік глядзіць! Не змыліцца! — раздражнёна адказаў Сяргей Яўгенавіч. Ён быў вельмі злы на Івана Анатолевіча за яго паводзіны.

Юрык усхапіўся і пайшоў за танометрам. Вынік не абрарадаваў ні саму гаспадыню, ні гасцей.

— Та-а-ак... — працягнула Элеанора. — «Хуткую» зараз выклікаць, ці як?

— Эля, якая «хуткая»?! — напалохалася Надзея Міхайлаўна. — Пашкадуй мяне!

— Не, гэта ты сябе пашкадуй! — уставіў слова сусед дзед Сёма. — Раскарміла сваіх разумнікаў, а сябе ў труну заганяеш!

— Так-так, — дадаў Юрык. — Ты, маці, ляжы! Калі што, будзем выклікаць урача. Хадзем за стол!

— Вы ідзіце, а я з Надзяй пабуду, — махнула рукой гасцям цётка Маня, якая жыла таксама непадалёк, праз дзве хаты. — Мне надакучыла сядзець за столом і аб'ядацца. Ідзіце! Госці, не перастаючы ўздыхаць, пярэстай чарадой прайшлі ў залу. Надзея Міхайлаўна заплюшчыла вочы. Цётка Маня ўзяла яе за руку.

— Можа, вадзічкі? — спытала яна.

— Ады не, дзякую, — адгукнулася Надзея Міхайлаўна. — Як жа няёмка атрымалася...

— Дармоед и иждивенец — это ты! — не остался в долгу сын. — Только и знаешь, что обжираться да в туалете сидеть!

— Ах ты стервец! — за сей репликой последовал грохот падающей мебели. Между мужчинами разгорелась потасовка, по-видимому, нешуточная.

— Боже мой! — простонала несчастная жена и мать и, превозмогая слабость, подскочила и понеслась наверх.

Отец и сын дрались, как в телевизоре. Присутствующие мужчины бросились их разнимать. Юрик быстро выгорел и успокоился. Он отпустил отца и, пыхтя, уселся на табуретку. С Иваном Анатольевичем справиться было намного сложнее. Пришлось крепко его связать и насильно влить ему в горло полный стакан водки. Эффект был моментальный: хозяин тут же обмяк и успокоился.

Между тем их единственная женщина не выдержала стрессов, которых за последнее время для ее больного сердца было слишком много. Она потеряла сознание. Пришлось-таки вызывать «скорую»...

▼

Пришла в себя Надежда Михайловна только в больнице. За отсутствием мест в битком набитых палатах ее положили в коридоре. Пару суток женщина провела там, а затем ее перевели в палату к молодым девчонкам. У одной была мерцательная аритмия, а у второй — повышенное давление. При этом обе каждые полчаса бегали в парк на бесконечные перекуры и забавно огрызались на медсестер, которые пробовали не выпускать их на улицу и держать в палате насильно.

— Да што ты ўсё «няёмка» ды «нязручна»! Твайму Ване затое зручна! Зручней, чым усім нам!

Нібы ў пацвярдженне яе слоў з верхняга паверха данеслася сварлівая лаянка. Гэта Юрый у жорсткай форме выгаворваў бацьку за яго дзікія паводзіны.

— Ты дасі мне тэлевізар паглядзець ці не?! — роў бацька. — Дармаеды! Ты і твой брацік і твая маці! Ану пайшоў прэч!

— Дармаед і ўтрыманец — гэта ты! — не застаўся ў даўгу сын. — Толькі і ведаеш, што абжырацца ды ў туалете сядзець!

— Ах ты нягоднік! — за гэтай рэплікай быў грукат падзення мэблі. Паміж мужчынамі разгарэлася бойка, відаць, не на жарт.

— Божа мой! — прастагнала няшчасная жонка і маці і, перасільваючы слабасць, падскочыла і панеслася наверх.

Бацька і сын біліся, як у тэлевізары. Прыйсунтыя мужчыны кінуліся іх разнімаць. Юрый хутка выгарэў і супакоіўся. Ён адпусціў бацьку і, пыхкаючы, усеўся на зэдлік. З Іванам Анатолевічам справіцца было значна складаней. Давялося моцна яго звязаць і сілком уліць яму ў горла поўную шклянку водкі. Эфект быў маментальны: гаспадар тут жа абмяк і супакоіўся.

Тым часам іх адзіная жанчына не вытрымала стрэсаў, якіх за апошні час для яе хворага сэрца было занадта. Яна страціла прытомнасць. Усё ж прышлося выклікаць «хуткую»...

...Надежде Михайловне не очень хотелось задерживаться в больнице. Она надеялась, что ее уже на следующий день отпустят домой.

— Какое — домой?! — возмутился похожий на важную пожилую птицу врач. — И не просите! Вы свою кардиограмму видели?! Вы стоите на учете в сердечно-сосудистом центре. Никаких «домой», и точка!

Надежда Михайловна тяжело вздохнула.

На следующий день прикатил Юрик. Без отца. Иван Анатольевич уехал в Беларусь, в Беловежскую пущу, к старинному другу.

— Как — уехал? — Надежда Михайловна была в шоке.

— Ну как? Вот так и уехал! — хмыкнул сын и сладко потянулся. — Не представляешь, до чего меня эта работа заела...

— Вот так и уехал? Когда я в больнице? — растерянно смотрела на него мать.

— Ну да, вот так и уехал! А то ты его не знаешь! Теперь, небось, с зубрихами там кувыркается, — сострил Юрик.

— Понятно...

— Да ты не кисни, маман! Все будет окай! — ободряюще похлопал ее по спине Юрик.

— Да не кисну я... — грустным голосом отозвалась женщина.

— По ходу, он давно туда лыжи навострил! Это же нужно было договориться на работе, чтобы отпустили, потом билет заранее купить... Укатил на поезде «Москва—Брест», — не без удовольствия продемонстрировал Юрик свою осведомленность.

— Укатил, говоришь? Вот почему он так злился, что я затеяла этот праздник...

— Какая разница! Он же на вчера билет взял, а не на позавчера, когда праздник был!

V

Апрытомнела Надзея Міхайлаўна толькі ў бальніцы. З-за адсутнасці месцаў у бітма набітых палатах яе паклалі ў калідоры. Пару сутак жанчына правяла там, а потым яе перавялі ў палату да маладых дзяўчат. У адной была мігальная арытмія, а ў другой — павышаны ціск. Пры гэтым абедзве кожныя паўгадзіны бегалі ў парк на бясконцыя перакуры і смешна агрызаліся на медсясцёр, якія спрабавалі не выпускаць іх на вуліцу і трываць у палаце сілком.

...Надзеі Міхайлаўне не вельмі хацелася затрымлівацца ў бальніцы. Яна спадзявалася, што яе ўжо на наступны дзень адпусцяць дадому.

— Якое дадому?! — абурыўся падобны на важную пажылую птушку ўрач. — І не прасіце! Вы сваю кардыяgramu бачылі?! Вы стаіце на ўліку ў сардэчна-сасудзістым цэнтры. Ніякіх «дадому», і крапка!

Надзея Міхайлаўна цяжка ўздыхнула.

На наступны дзень прыкацю Юрык. Без бацькі. Іван Анатолевіч паехаў у Беларусь, у Белавежскую пушчу, да даўнейшага сябра.

— Як — паехаў? — Надзея Міхайлаўна была ў шоку.

— Ну як? Вось так і паехаў! — хмыкнуў сын і соладка пацягнуўся. — Не ўяўляеш, да чаго мяне гэта праца заела...

— Вось так і паехаў? Калі я ў бальніцы? — разгублена глядзела на яго маці.

— Ну так, вось так і паехаў! А то ты яго не ведаеш! Зараз, мабыць, з зубрыхамі там забаўляецца, — пажартаваў Юрык.

— Зразумела...

Надежда Михайловна почувствовала жжение в уголках глаз.

— Да забей ты! Кончай киснуть, как капуста в кадке! — пытался ободрить ее сын. — Лучше ешь давай! Зеленая вся, как лягушка! И тоже дерни куда-нибудь. Хочешь, на Браслав скатаю или еще там на какие-нибудь белорусские Канары? Ну, или в «Ершово» наше подмосковное...

Надежда Михайловна не слышала, что там говорил ее остряк Юрик. В ее мозгу неспокойной жилкой билась мысль, что самый близкий человек ее забыл, забросил, предал, как предавал не единожды...

...Серебристо-дымчатые облака купались в лучах скучоватого солнца. В кронах деревьев шумел ветер, срывая умирающие листья. Все дышало грустной ностальгией, которая приходит только в удивительно теплые дни глубокой осени. Надежда Михайловна, поддавшись этой ностальгии, отправилась в парк. Полчаса побродив среди сонных вязов и лип, она пошла обратно в больницу. Там молоденькая медсестра сообщила ей, что ее ожидает какой-то мужчина, пожилой и очень благородный... «Не Ваня ли?» — пронеслось в мозгу у женщины. Но нет. Ее Ване как раз не хватало благородства. Может, пришли не к ней?

Надежда Михайловна ошибалась. Пришли к ней. Когда она подходила к палате, навстречу ей со стоящего рядом у стены диванчика поднялся рослый мужчина в военно-морской форме. Ну конечно, это был он, ее Всеволод Александрович, еще в таком недавнем прошлом командующий Северным морским флотом.

Воспоминания стремительно несли женщину по своим прохладным мягким волнам. Вот он дарит ей бархатные розы, а вот он ведет ее в ресторан «Старый одессит» во время их отдыха в самом веселом городе бывшего Советского Союза. А вот он отправляется служить на Северный флот, туда, где буйствуют шквалистые ветра и строптивые волны бесстрастного Северного Ледовитого океана...

— Да ты не кісні, маман! Усё будзе окай! — падбадзёрваючы, паляпаў яе па спіне Юрык.

— Да не кісну я... — сумным голасам адгукнулася жанчына.

— Па ходу, ён даўно туды лыжы навастрый! Гэта ж трэба было дамовіцца на работе, каб адпусцілі, потым квіток загадзя купіць... Пакаціў на цягніку «Масква—Брэст», — не без задавальнення прадэманстрраваў Юрык сваю дасведчанасць.

— Пакаціў, кажаш? Вось чаму ён так злаваў, што я задумала гэта свята...

— Якая розніца! Ён жа на ўчора квіток узяў, а не на пазаўчора, калі свята было!

Надзея Міхайлаўна адчула, як запякло ў кутках вачэй.

— Да забі ты! Канчай кіснуць, як капуста ў кадцы! — спрабаваў падбадзёрыць яе сын. — Лепш еш давай! Зялёная ўся, як жаба! І таксама дрыгні куды-небудзь. Хочаш, на Браслаў зважу ці яшчэ там на якія беларускія Канары? Ну, або ў «Яршова» наша падмаскоўнае...

Надзея Міхайлаўна не чула, што там казаў яе жартайнік Юрык. У яе мозгу неспакойнай жылкай білася думка, што самы блізкі чалавек забыўся пра яе, закінуў, зрадзіў, як зраджваў неаднойчы...

...Серабрыста-дымчатыя аблокі купаліся ў праменях скучаватага сонца. У кронах дрэў шумеў венер, зрывуючы паміраючае лісце. Усё дыхала сумнай насталыгій, якая прыходзіць толькі ў дзіўна цёплыя дні глыбокай восені. Надзея Міхайлаўна, паддаўшыся гэтай насталыгі, адправілася ў парк. Паўгадзіны паблукайшы сярод сонных вязаў і ліп, яна пайшла назад у бальніцу. Там маладзенькая медсястра паведаміла ёй, што яе чакае нейкі мужчына, пажылы і вельмі інтэлігентны... «Ці не Ваня?» — пранеслася ў галаве жанчыны. Але не. Яе Ваню якраз не хапала інтэлігентнасці. Можа, прыйшлі не да яе?

— Сева! — воскликнула Надежда Михайловна и бросилась навстречу его объятьям.

— Надюша! — старый моряк, забыв о выдержке, укрепленной солеными морскими ветрами, едва не разрыдался, когда заключил в объятья ту, которую много лет назад так любил и которая, боясь, что среди бескрайних морей он забудет ее, выскочила замуж за первого встречного, кому теперь она была так недорога. — Сева, как ты меня нашел? — недоумевала Надежда, а по ее увядающим щекам катились мелкие, как бисер, слезы.

— Нашел вот, хоть ты и провинилась немножко, — улыбнулся в густые седые усы Всеволод Александрович.

— Я боялась, что ты меня забудешь. Прости меня. Я очень виновата перед тобой...

— Но я не забывал тебя ни на день, ни на час, ни на минуту. Я всегда тебя любил, — многозначительно поднял вверх палец Всеволод Александрович. — Поэтому я приехал и тебя разыскал в твоей многомиллионной паутинистой Москве. Как, не спрашивай. У меня, старого моряка, есть свои морские секреты!

— Сева... — Надежда Михайловна расплылась в улыбке. Казалось, она молодеет с каждой секундой.

— Ну, а это — в знак моей любви и верности, — Всеволод Александрович достал из внутреннего кармана кителя темно-синий бархатный мешочек и вложил его в руку той, которую спустя годы решился найти.

Надежда Михайловна взяла мешочек и дрожащими пальцами развязала плетенную тесемочку. В эту же минуту она вытащила оттуда тонкую ниточку настоящего жемчуга северных морей.

Надзея Міхайлаўна памылялася. Прыйшлі да яе. Калі яна падыходзіла да палаты, на-
сустрач ёй з канапкі, што стаяла ля сцяны, падняўся высокі мужчына ў ваенна-марскай
форме. Ну канечнэ, гэта быў ён, яе Усевалад Аляксандравіч, яшчэ ў такім нядайнім
мінульым камандуючым Паўночным марскім флотам.

Успаміны імкліва неслі жанчыну па сваіх халаднаватых мяkkіх хвалях. Вось ён дорыць
ёй аксамітныя ружы, а вось ён вядзе яе ў рэстаран «Стары адэсіт» падчас іх адпачынку
ў самым вясёлым горадзе былога Савецкага Саюза. А вось ён адпраўляецца служыць на
Паўночны флот, туды, дзе буянець шквалістыя вятры і непакорлівия хвалі бясстраснага
Паўночнага Ледавітага акіяна...

— Сева! — ускрыкнула Надзея Міхайлаўна і кінулася на сустрач яго абдымкам.

— Надзейка! — стары марак, забыўшыся пра вытрымку, умацаваную салёнымі марскімі
вятрамі, ледзь не расплакаўся, калі абняў туго, якую шмат гадоў назад так кахаў і якая,
баючыся, што сярод бязмежных мораў ён забудзе яе, выскачыла замуж за першага су-
стрэчнага, каму зараз яна была такая недарагая.

— Сева, як ты мяне знайшоў? — не разумела Надзея, а па яе маршчыністых пшоках
каціліся дробныя, як пацеркі, слёзы.

— Знайшоў вось, хоць ты і правінілася трошкі, — усміхнуўся ў густыя сівия вусы Усе-
валад Аляксандравіч.

— Я баялася, што ты мяне забудзеши. Прабач мяне. Я вельмі вінаватая перад табой...

— Але я не забываў цябе ні на дзень, ні на гадзіну, ні на хвіліну. Я заўсёды цябе кахаў, —
шматзначна ўзняў палец Усевалад Аляксандравіч. — Таму я прыехаў і цябе адшукаў
у тваёй шматмільённай павуціністай Москве. Як, не пытайся. У мяне, старога марака,
ёсьць свае марскія сакрэты!

— Какая прелесть... — выдохнула женщина.
— Дай я тебе его надену...
— Прямо сейчас?!
— Прямо сейчас! — Всеволод Александрович взял жемчуг и не спеша надел его на шею любимой женщины. — Ну что, убедилась, что я люблю только тебя?
— Да, — счастливо кивнула головой Надежда Михайловна, нет, его Наденька.
— Поедешь со мной в Мурманск? Я там неплохо обжился. Даже дача есть.
— Поеду!
— Поедешь... Я не сомневался в этом, — старый моряк заключил в объятья ту, с которой еще совсем недавно его разделяло расстояние в полторы тысячи километров.

2015 г.

— Сева... — Надзея Міхайлаўна расплылася ва ўсмешцы. Здавалася, яна маладзее з кожнай секундай.

— Ну, а гэта — у знак майго кахання і вернасці, — Усевалад Аляксандравіч дастаў з унутранай кішэні кіцеля цёмна-сіні аксамітны мяшэчак і ўклаў яго ў руку той, якую праз гады вырашыў знайсці.

Надзея Міхайлаўна ўзяла мяшэчак і дрыготкімі пальцамі развязала плеценую тасёмку. У гэтую ж хвіліну яна выцягнула адтуль тонкую нітачку сапраўднага жэмчугу паўночных мораў.

— Якая прыгажосць... — выдыхнула жанчына.

— Дай я табе яго надзену...

— Прама зараз?!

— Прама зараз! — Усевалад Аляксандравіч узяў пацеркі і не спішаючыся надзеў іх на шыю каханай жанчыны. — Ну што, пераканалася, што я кахаю толькі цябе?

— Так, — шчасліва кіўнула галавой Надзея Міхайлаўна, не, яго Надзечка.

— Паедзеш са мной у Мурманск? Я там нядрэнна абжыўся. Нават дача ёсць.

— Паеду!

— Паедзеш... Я не сумняваўся ў гэтым, — стары марак абняў тую, з якой япчэ зусім нядайна яго падзяляла адлегласць у паўтары тысячы кіламетраў.

2015 г.

Анастасия Бакунович

Анастасія Бакунович

Анастасия Бакунович (псевдоним — Ася Стрильжевская) родилась 10 мая 1996 года в городе Солигорске. В 2013 году закончила среднюю школу № 10, а в 2017 году — факультет принттехнологий и медиакоммуникаций (издательского дела и полиграфии) Белорусского государственного технологического университета по специальности «Издательское дело».

Работает научным редактором в редакционно-издательском отделе УО «Военная академия Республики Беларусь».

Принимала участие в конкурсе молодых литераторов Союзного государства «Мост дружбы» (2016–2017). В 2017 году стала победителем от Республики Беларусь с рассказом «Белый лебедь».

Анастасія Бакуновіч (псеўданім — Ася Стрыльжэўская) нарадзілася 10 мая 1996 года ў горадзе Салігорску. У 2013 годзе скончыла сярэднюю школу № 10, а ў 2017 годзе — факультэт прынту і медыякамунікацый (выдавецкай справы і паліграфіі) Беларускага дзяржаўнага тэхналагічнага ўніверсітэта па спецыяльнасці «Выдавецкая справа». Працуе навуковым рэдактарам у рэдакцыі-выдавецкім аддзеле УА «Вайсковая акадэмія Рэспублікі Беларусь».

Удзельнічала ў конкурсе маладых літаратаў Саюзнай дзяржавы «Мост дружбы» (2016–2017). У 2017 годзе стала пераможцам ад Рэспублікі Беларусь з апавяданнем «Белы лебедзь».

НЕВЕСТА

— Нет. Это платье абсолютно вам не подходит, — сказала крупная продавщица с ярко-розовыми губами и высоко собранными кудрявыми волосами.

Эта блондинка в темно-синем полосатом костюме, сидящая на белом кожаном диване, критично осмотрела клиентку.

— Может, вам попробовать это? — ее коллега сняла с вешалки платье кремового цвета и показала его девушке.

Брюнетка с прямыми волосами до плеч в черном платье была настолько низкого роста, что у нее едва получалось держать платье так, чтобы оно не касалось пола.

— Я бы все же хотела белое платье, — смущенно улыбнулась клиентка, глядя в одно из зеркал на продавщицу.

— А что если вам примерить платье с кружевами? — грузная продавщица встала с дивана и подошла к стойке с платьями.

— Кружево? — неуверенно переспросила клиентка.

— Что? Не нравится кружевное? — продавщица прервала свой поиск.

— Не то чтобы не нравится... Просто... Мы кружево даже не рассматривали.

— Да вы что! Кружевные модели сейчас самые популярные, — найдя нужное платье, она протянула его клиентке. — Вот. Примерьте.

— Боюсь, что этот фасон мне не подойдет, — попыталась откrestиться невеста.

— Девушка, вы хотя бы попробуйте. У нас многие невесты, которые приходят за другими платьями, в итоге берут кружевные, — подключилась к разговору вторая продавщица.

НЯВЕСТА

— Не. Гэта сукенка абсолютна вам не падыходзіць, — сказала мажная прадаўшчыца з ярка-ружовымі вуснамі і высока сабранымі кучаравымі валасамі.

Гэта бландзінка ў цёмна-сінім паласатым касцюме, якая сядзела на белай скураной канапе, крытычна агледзела кліентку.

— Можа, вам паспрабаваць гэту? — яе калега зняла з вешалкі сукенку крэмавага колеру і паказала яе дзяўчыне.

Брунетка з прамымі валасамі да плячэй у чорнай сукенцы была такога нізкага ўзросту, што ў яе ледзь атрымлівалася трymаць сукенку так, каб яна не краналася падлогі.

— Я б усё ж хацела белую сукенку, — збянтэжана ўсміхнулася кліентка, гледзячы ў адно з люстэркаў на прадаўшчыцу.

— А што калі вам прымерыць сукенку з карункамі? — мажная прадаўшчыца ўстала з канапы і падышла да стойкі з сукенкамі.

— Карункі? — няўпэунена перапытала кліентка.

— Што? Не падабаецца карункавае? — прадаўшчыца перапыніла свой пошук.

— Не тое што не падабаецца... Проста... Мы карункі нават не разглядалі.

— Ды вы што! Карункавыя мадэлі цяпер самыя папулярныя, — знайшоўшы патрэбную сукенку, яна працягнула яе кліентцы. — Вось. Примерце.

— Баюся, што гэты фасон мне не падыдзе, — паспрабавала адхрысціца нявеста.

— Дзяўчына, вы хаця б паспрабуйце. У нас многія няўесты, якія прыходзяць за іншымі сукенкамі, у выніку бяруць карункавыя, — далучылася да гутаркі другая прадаўшчыца.

Клиентка тяжело вздохнула, но все же согласилась его примерить. Она снова собрала свои каштановые волосы в пучок. Девушка надела платье и вышла к продавщицам, чтобы они помогли его застегнуть.

Взглянув в зеркало, невеста печально вздохнула:

— Я же говорила, что это не мой фасон.

Платье невыгодно подчеркнуло некоторые недостатки ее фигуры.

— Хотя верх смотрится очень даже ничего, — присмотревшись, сказала она.

— У нас есть что-нибудь с похожим верхом? — спросила блондинка у коллеги.

— Сейчас посмотрим, — тут же принялась искать платье та.

— Только что-нибудь попышнее, — уточнила клиентка.

— Как насчет открытой спины? — спросила брюнетка.

— Можно попробовать, — согласилась девушка.

— А рукава? Длинные? Или все-таки короткие попробуем? — обратилась к невесте первая продавщица.

— Нет. Давайте длинные. С короткими как-то не очень комфортно.

— Чего? Вы же такая молоденькая. Вон какие ручки тоненькие. Хотя бы попробуйте, — сказала блондинка, снимая платье с вешалки.

Тем временем ее коллега сняла еще одно платье и протянула его клиентке.

Невеста взяла оба платья и пошла в примерочную. Она надела платье с короткими рукавами, которое ей дала первая продавщица, и, покинув примерочную, подошла к зеркалам.

— Как будто чего-то не хватает, — критично осмотрела свое отражение в зеркале клиентка.

— У нас есть прекрасные кружевные перчатки. Они как раз подойдут к этому платью, — сказала блондинка, собираясь отправиться за перчатками.

Кліентка цяжка ўзыхнула, але ўсё ж пагадзілася яе прымерыць. Яна зноў сабрала свае каптанавыя валасы ў пучок. Дзяўчына надзела сукенку і выйшла да прадаўшчыц, каб яны дапамаглі яе запіліць.

Зірнуўшы ў люстэрка, нявеста сумна ўзыхнула:

— Я ж казала, што гэта не мый фасон.

Сукенка навыгадна падкрэсліла некаторыя недахопы яе фігуры.

— Хоць верх выглядае даволі прыстойна, — прыгледзеўшыся, сказала яна.

— У нас ёсць што-небудзь з падобным верхам? — спытала бландзінка ў калегі.

— Зараз паглядзім, — тут жа начала шукаць сукенку тая.

— Толькі штосьці больш пышнае, — удакладніла кліентка.

— Як наконт адкрытай спіны? — спытала брунетка.

— Можна паспрабаваць, — пагадзілася дзяўчына.

— А рукавы? Доўгія? Ці ўсё-такі кароткія паспрабуем? — звярнулася да нявесты першая прадаўшчыца.

— Не. Давайце доўгія. З кароткімі неяк не вельмі камфортна.

— Чаго? Вы ж такая маладзенъкая. Вунь якія ручкі танюткія. Хапя б паспрабуйце, — сказала бландзінка, здымая очы сукенку з вешалкі.

Тым часам яе калега зняла яшчэ адну сукенку і працягнула яе кліентцы.

Нявеста ўзяла абедзве сукенкі і пайшла ў прымерачную. Яна надзела сукенку з кароткімі рукавамі, якую ёй дала першая прадаўшчыца, і, пакінуўшы прымерачную, падышла да люстэркаў.

— Як быццам чагосыці не хапае, — крытычна агледзела сваё адлюстраванне ў люстэрку кліентка.

— А в перчатках не будет жарко? — спросила девушка.

— А когда у вас свадьба?

— Девятнадцатого мая.

— Батюшки! Это же совсем скоро! — схватилась за щеки блондинка.

— Ну да. К концу мая передавали потепление, — вставила брюнетка.

— У вас свадьба через пару недель, а вы до сих пор без платья? — продолжала причитать первая продавщица.

Девушка неуверенно пожала плечами и смущенно улыбнулась.

— Наверное, свадьбу придется переносить, потому что я все платье никак найти не могу.

— Глупости какие! Все найдем. Все подберем. Не переживайте, — сказала блондинка. — Снимайте платье. Меряйте с длинным рукавом.

Клиентка послушно вернулась в примерочную. Надев платье она снова вышла к продавщицам.

— Ну что? Как вам? — спросила у нее брюнетка.

— Ой, даже незна-а-а-а-аю, — задумчиво протянула клиентка.

— Плохо, что с вами никто не пришел. Так бы помогли вам с выбором, — вздохнула она.

— Все заняты, — печально опустила глаза девушка.

Она делала так каждый раз, когда начинала врать.

— Ну, как по мне, из всех платьев, что вы меряли, это на вас лучше всего смотрится, — облокотилась на стойку с платьями блондинка.

— И, кстати говоря, открытая спина вам очень даже идет, — вклинилась в разговор брюнетка.

— Возможно, вы правы, — улыбнулась, глядя в зеркало, невеста.

— У нас ёсіць выдатныя карункавыя пальчаткі. Яны якраз падыдуць да гэтай сукенкі, — сказала бландзінка, збіраючыся адправіцца за пальчаткамі.

— А ці не будзе горача ў пальчатках? — спытала дзяўчына.

— А калі ў вас вяселле?

— Дзевятнаццатага мая.

— Бацюхны мае! Гэта ж зусім блізка! — схапілася за шчокі бландзінка.

— Ну так. Да канца мая перадавалі пацяпленне, — уставіла брунетка.

— У вас вяселле праз пару тыдняў, а вы дагэтуль без сукенкі? — працягвала галасіць першая прадаўшчыца.

Дзяўчына няўпэўнена паціснула плячамі і збянтэжана ўсміхнулася.

— Мабысь, вяселле давядзеца пераносіць, бо я ўсё сукенку ніяк знайсі не магу.

— Глупства якое! Усё знойдзем. Усё падбяром. Не перажывайце, — сказала бландзінка. — Здымайце сукенку. Мерайце з доўгім рукавом.

Кліентка паслухмяна вярнулася ў прымерачную. Надзеўшы сукенку яна зноў выйшла да прадаўшчыцы.

— Ну што? Як вам? — спытала ў яе брунетка.

— Ой, нават няведа-а-а-а-аю, — задуменна працягнула кліентка.

— Шкада, што з вамі ніхто не прыйшоў. Так бы дапамаглі вам з выбарам, — уздыхнула яна.

— Усе занятыя, — сумна апусціла вочы дзяўчына.

Яна рабіла так кожны раз, калі пачынала хлусіць.

— Ну, як па мне, з усіх сукенак, што вы мералі, гэта на вас глядзіцца лепш за ўсё, — абаверлася на стойку з сукенкамі бландзінка.

— Но, если хотите, мы можем поискать что-нибудь еще, — предложила брюнетка.

— Можем еще что-нибудь в каталоге глянуть, — добавила блондинка.

— Да, давайте в каталоге посмотрим. Может, еще что-нибудь понравится, — согласилась девушка.

— Может, чаю? — предложила клиентке брюнетка.

— Да, спасибо.

Пока девушка переодевалась в примерочной, а брюнетка делала чай, блондинка придвинула чайный столик к дивану и принесла каталог. Переодевшись в джинсы и майку, клиентка отдала платья брюнетке, которая к тому времени уже поставила чай и вазочку с печеньем на столик.

Невеста села рядом с блондинкой на диван и принялась рассматривать каталог, попивая чай.

— Ой, вот это симпатичное! — девушка указала на платье в каталоге.

— Но у него спина закрытая. А, согласитесь, платья с открытой спиной гораздо интереснее смотрятся, — сказала блондинка.

— Ну да. Хочется чего-то менее строгого, — согласилась клиентка. — А что на счет этого? — выбрав еще одно платье в каталоге, спросила она.

Брюнетка, которая стояла за диваном, заглянула клиентке через плечо:

— У нас такое только сливочное осталось. Белое вчера забрали.

Девушка тяжело вздохнула в ответ.

— Давайте я вам покажу пару вариантов, — блондинка взяла у клиентки каталог и принялась судорожно его листать. — Вот. Посмотрите, как вам это и это? — она указала клиентке на платья на двух разных страницах.

— Да, красивые очень. Даже не знаю, какое лучше, — растерянно сказала невеста, глядя то на одно, то на другое платье.

— І, уласна кажучы, адкрытая спіна вам нават вельмі пасуе, — уклінілася ў размову брунетка.

— Магчыма, вы маецце рацыю, — усміхнулася, гледзячы ў люстэрка, нявеста.

— Але, калі хочаце, мы можам пашукаць што-небудзь яшчэ, — прапанавала брунетка.

— Можам яшчэ штосьці ў каталоге глянуць, — дадала бландзінка.

— Так, давайце ў каталоге паглядзім. Можа, яшчэ што-небудзь спадабаецца, — пагадзілася дзяўчына.

— Можа, чаю? — прапанавала кліентцы брунетка.

— Так, дзякую.

Пакуль дзяўчына пераапраналася ў прымерачнай, а брунетка рабіла чай, бландзінка прысунула чайны столік да канапы і прынесла каталог. Пераапрануўшыся ў джынсы і майку, кліентка аддала сукенкі брунетцы, якая да гэтага часу ўжо паставіла чай і вазачку з печывам на столік.

Нявеста села побач з бландзінкай на канапу і пачала разглядаць каталог, папіваючы чай.

— Ой, вось гэта сімпатычная! — дзяўчына паказала на сукенку ў каталоге.

— Але ў яе спіна закрытая. А, пагадзіцесь, сукенкі з адкрытай спінай значна цікавей выглядаюць, — сказала бландзінка.

— Ну так. Хочацца чагосыці менш строгага, — пагадзілася кліентка. — А што наконт гэтай? — выбраўшы яшчэ адну сукенку ў каталоге, спытала яна.

Брунетка, якая стаяла за канапай, зазірнула кліентцы цераз плячо:

— У нас такая толькі сметанкавая засталася. Белую ўчора забралі.

Дзяўчына цяжка ўздыхнула ў адказ.

- Мы можем вам оба варианта показать, если хотите.
- Ой, это было бы просто замечательно! — радостно улыбнулась девушка.
- Только нам нужно будет привезти их со склада.
- И сколько это займет?
- Я думаю, что послезавтра они уже будут здесь. Да? — блондинка вопросительно посмотрела на вторую продавщицу.
- Ну да. Завтра как раз водитель с больничного выходит, — подтвердила слова коллеги брюнетка.
- Ну, тогда я приду послезавтра, — сказала девушка, вставая с дивана. — Во сколько мне подойти?
- Сейчас посмотрим, — блондинка встала с дивана и направилась к столу, на котором стоял рабочий компьютер. Она взяла записную книжку со стола и, открыв ее, принялась искать нужную дату.
- Так, послезавтра... Вот. Послезавтра у нас примерка на восемь утра. Можете приходить к десяти. Вас устроит такое время?
- Да, конечно.
- Блондинка пометила что-то в записной книжке.
- Все. Записала. Будем ждать вас послезавтра на десять утра.
- Спасибо большое, — девушка направилась к выходу. — До свидания.
- До свидания, — хором сказали продавщицы.
- Девушка улыбнулась и вышла из магазина. Когда дверь за ней закрылась, блондинка обратилась к своей коллеге:
- Бедная девочка. Такая ж молодая. Так жалко ее.
- Ой, и не говорите, — печально вздохнула брюнетка, убирая чашку и вазочку с печеньем со столика. — Как думаете, послезавтра придет?

— Давайце я вам пакажу пару варыянаў, — бландзінка ўзяла ў кліенткі каталог і пачала сутаргава яго гартаць. — Вось. Паглядзіце, як вам гэта і гэта? — яна паказала кліентцы на сукенкі на дзвюх розных старонках.

— Так, прыгожыя вельмі. Нават не ведаю, якая лепиш, — разгублена сказала нявеста, гледзячы то на адну, то на другую сукенку.

— Мы можам вам абодва варыянты паказаць, калі хочаце.

— Ой, гэта было б проста цудоўна! — радасна ўсміхнулася дзяўчына.

— Толькі нам трэба будзе прывезіць іх са склада.

— І колькі гэта зойме?

— Я думаю, што паслязаўтра яны ўжо будуць тут. Так? — бландзінка запытальна паглядзела на другую прадаўшчыцу.

— Ну так. Заўтра якраз кіроўца з бальнічнага выходзіць, — пацвердзіла словаи калегі брунетка.

— Ну, тады я прыйду паслязаўтра, — сказала дзяўчына, устаючы з канапы. — У колькі мне падысці?

— Зараз паглядзім, — бландзінка ўстала з канапы і накіравалася да стала, на якім стаяў працоўны камп'ютар. Яна ўзяла нататнік са стала і, адкрыўшы яго, пачала шукаць патрэбную дату.

— Так, паслязаўтра... Вось. Паслязаўтра ў нас прымерка на восем раницы. Можаце прыходзіць а дзясяттай гадзіне. Вам падыходзіць такі час?

— Так, канечнэ.

Бландзінка пазначыла нешта ў нататніку.

— Усё. Запісала. Будзем чакаць вас паслязаўтра а дзясяттай гадзіне раницы.

- Да где уж там, — сказала блондинка, положив каталог на свой стол. — Придет в следующем году.
- Думаете?
- Третий год подряд приходит, — пожала плечами блондинка.

* * *

Проведя почти весь день в магазине свадебных платьев, невеста вернулась домой. В квартире стояла тишина.

— Представляешь, почти целый день пробыла в магазине, а так и не выбрала платье, — сказала девушка, разуваясь. — Показали каталог. Мне еще два платья понравились, так что послезавтра пойду на примерку, — с этими словами она зашла в комнату.

— Добрый вечер, милый, — девушка подошла к портрету, который стоял на столе, и погладила фото молодого человека по щеке.

Портрет был перетянут черной лентой в нижнем правом углу.

— Вялікі дзякую, — дзяўчына накіравалася да выхаду. — Да пабачэння.
— Да пабачэння, — хорам сказаі прадаўшчыцы.

Дзяўчына ўсміхнулася і выйшла з магазіна. Калі дзверы за ёй зачыніліся, бландзінка звярнулася да сваёй калегі:

— Бедная дзяўчына. Такая ж маладая. Так шкада яе.

— Ой, і не кажыце, — сумна ўздыхнула брунетка, прыбіраючы кубак і вазачку з печывам са століка. — Як думаецце, паслязайтра прыйдзе?

— Ады дзе ўжо там, — сказала бландзінка, паклаўшы каталог на свой стол. — Прыйдзе ў наступным годзе.

— Думаец?

— Трэці год запар прыходзіць, — паціснула плячамі бландзінка.

* * *

Правёўшы амаль увесь дзень у магазіне вясельных сукенак, нявеста вярнулася дадому. У кватэры стаяла ціпнія.

— Уяўляеш, амаль цэлы дзень прабыла ў магазіне, а так і не выбрала сукенку, — сказала дзяўчына, разуваючыся. — Паказалі каталог. Мне яшчэ дзве сукенкі спадабаліся, так што паслязайтра пайду на прымерку, — з гэтымі словамі яна зайшла ў пакой.

— Добры вечар, любы, — дзяўчына падышла да партрэта, які стаяў на стале, і пагладзіла фотаздымак маладога чалавека па шчацэ.

Партрэт быў перацягнуты чорнай стужкай у ніжнім правым куце.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗМЕСТ

- 4 Григорий Рапота,
Государственный секретарь Союзного государства
- 8 Члены экспертного совета
- 11 МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 13 Дмитрий Лагутин
Моя Япония
- 63 Виктор Чигир
Метаморфозы
- 91 Екатерина Копыткова
Дожить до своей смерти
- 123 Алина Осокина
До первого снега
- 143 Яна Павлова
Сопричастность

- 5 Григорий Рапота,
Государственный секретарь Союзного государства
- 9 Члены экспертнага савета
- 11 МАЛАДЫЯ РАСІЙСКІЯ ПСЬМЕННІКІ
- 13 Дзмітрый Лагуцін
Мая Японія
- 63 Віктар Чыгір
Метамарфозы
- 91 Кацярына Капыткова
Дажыць да сваёй смерці
- 123 Аліна Асокіна
Да першага снегу
- 143 Яна Паўлава
Датычнасць

175 МОЛОДЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

177 Андрей Кулеш
Мотю

209 Алёна Попко
Радуга

233 Юлия Шурбина
Ванильное печенье

259 Карина Пашкевич-Ломтева
Жемчужная свадьба

291 Анастасия Бакунович
Невеста

175 МАЛАДЫЯ БЕЛАРУСКІЯ ПІСЬМЕННИКІ

177 Андрэй Кулеш
Моцю

209 Алёна Папко
Вясёлка

233 Юлія Шурбіна
Ванільнае печыва

259 Карына Пашкевіч-Ломцева
Жамчужнае вяселле

291 Анастасія Бакуновіч
Нявеста

Литературно-художественное издание

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
ЛІТАРАТУРНЫ АЛЬМАНАХ

Выпуск 4

Редакторы О. В. Криводубская, Н. Ф. Криукая

Перевод на белорусский язык О. В. Криводубская, Н. Ф. Криукая

Художественный редактор А. В. Житкевич

Компьютерная верстка А. С. Камейша

Стильредакторы О. В. Криводубская, Н. Ф. Криукая

Подписано в печать 04.07.2019. Формат 100×90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 32,56. Уч.-изд. л. 11,99.

Тираж 519 экз. Заказ

Постоянный Комитет Союзного государства.
Еропкинский пер., д. 5, стр. 1, 119034, г. Москва.

Редакционно-издательское учреждение
«Издательский дом «Звезды».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/8 от 02.08.2013.
Ул. Б. Хмельницкого, 10а, 220013, г. Минск,
Республика Беларусь.

ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 2/3 от 10.09.2018.
Ул. Корженевского, 20, 220024, г. Минск,
Республика Беларусь.

16+